

МАЛЬЧИК- КОТОРОГО-НЕТ

Категория: гет, Рейтинг: PG-13, Размер: Макси, Саммари: Отныне меня зовут Харолина Генриетта Поттер, но весь магический мир называет меня Гарри Поттером. Я – Мальчик-Который-Выжил. И я – Мальчик-Которого-Нет. В данной работе применено очень сильное заклинание Фантастическое Допущение, благодаря которому окружающие героиню люди могут спутать девочку с мальчиком.

- [AnnaRinaGreen](#)

- -
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [ЭТО ЕЩЕ НЕ КОНЕЦ](#)
-

AnnaRinaGreen

Мальчик-Которого-Нет

Отныне меня зовут Харолина Генриетта Поттер, но весь магический мир называет меня Гарри Поттером. Я – Мальчик-Который-Выжил. И я – Мальчик-Которого-Нет.

В данной работе применено очень сильное заклинание Фантастическое Допущение, благодаря которому окружающие героиню люди могут спутать девочку с мальчиком.

Фандом: Гарри Поттер

Персонажи: Гарри Поттер, Драко Малфой, Северус Снейп, Панси Паркинсон, Невилл Лонгботтом, Теодор Нотт, Блейз Забини, Альбус Дамблдор, Нарцисса Малфой, Августа Лонгботтом

Категория: Гет

Рейтинг: PG-13

Жанр: Попаданцы, Юмор, Повседневность, Общий

Размер: Макси

Статус: В процессе

События: Аристократия, Гарри - девочка, Дамбигад, Независимый Гарри, Распределение в другие факультеты, Сильный Гарри, Родомагия, Власти магического мира, Наследие

Предупреждения: От первого лица (POV)

Комментарий автора: Неспешное повествование. Так что, если вы не любитель подобного, то читать не стоит. А еще, хоть у фанфика и стоит категория "гет", именно к романтической составляющей история подойдет не скоро. Именно поэтому я не стала выставлять пейринги (это не очень вежливо, понимаю, но было бы интересно, кого в итоге с кем зашипперят исходя из повествования), все же пока ребятам по 11 лет, не до этого.

Благодарности: Маме Ро и всем фанатам мира "Гарри Поттера"

Страница произведения: <https://fanfics.me/fic172837>

— Что ж, — наконец сказал Дамблдор, — вот и все. Нам больше незачем здесь оставаться. Мы тоже можем присоединиться к празднованию.

— Да, — сказал Хагрид очень приглушенным голосом, — увезу-ка я лучше этот мотоцикл. Доброй ночи, профессор МакГонагалл... профессор Дамблдор, сэр.

Вытирая слезящиеся глаза рукавом куртки, Хагрид взгромоздился на мотоцикл и завел мотор. С ревом он поднялся в воздух и скрылся в ночи.

— Полагаю, мы скоро увидимся, профессор МакГонагалл, — сказал Дамблдор, кивая ей. Профессор МакГонагалл высморкалась в ответ.

Дамблдор развернулся и пошел обратно вдоль улицы. Он остановился на углу и достал серебряную гасилку, щелкнул ей, и двенадцать шариков света поспешили обратно к своим фонарям так быстро, что неожиданно Тисовая улица засияла оранжевым светом, и он мог различить полосатую кошку, которая прошмыгнула за угол на другом конце улицы. А еще ему был едва виден сверток на пороге дома номер четыре.

— Удачи, Гарри, — пробормотал он, повернулся на месте и со взмахом мантии исчез.

Легкий ветерок взъерошил живые изгороди тихой и аккуратной Тисовой улицы, которая была последним местом, где можно было ожидать чего-то необычного. Ребенок перевернулся под одеялом, но не проснулся. Маленькая ручка легла на сверкнувшее наложенными чарами письмо рядом с ним, и ребенок продолжал спать, не зная, что он особенный, не зная, что он знаменит, не зная, что через несколько часов его разбудит вопль миссис Дурслъ, когда она откроет входную дверь, чтобы выставить бутылки из-под молока, и что следующие несколько недель его будет толкать и щипать его двоюродный брат Дадли... Ребенок не мог знать, что в тот самый момент по всей стране люди, собравшиеся тайно, поднимали бокалы и произносили приглушенными голосами:

— За Гарри Поттера — Мальчика-Который-Выжил!

[image_24749|center]

* * *

Жизнь в общежитии способна сделать человека не восприимчивым к постороннему шуму, раздражающим вибрациям, своеобразному запаху, жаре, холоду... И даже вылитое на голову ведро воды разбудит не сразу, а лишь от прокравшегося в сладкий утренний сон моря и подсознательного раздражения от того, что следующие несколько дней будешь страдать из-за мокрых матраса, подушки, одеяла и постельного белья.

Наш блок после выходных спал так усиленно, что нас бы и вопли вахтерши Валерьевны не подняли бы. Мы люди опытные! Закаленные учебными буднями, так сказать. И первую громогласную фразу, ввинтившуюся мне в мозг, я просто проигнорировала.

— Вставай! Поднимайся! Сейчас же!

— Ага, щас-с-с... — выдохнула я в тощую подушку и повозилась, пытаюсь найти позу поудобнее.

— Вставай! — повторился пронзительный вопль.

Я поморщилась и накрылась с головой. Пусть хоть небо рухнет, а я не встану. Мне надо еще хотя бы полчаса...

— Ты уже встал? — настаивал незнакомый голос.

И я с самым недовольным видом разлепила веки. Рука сама собой потянулась к полке за

спиной, и через секунду у меня на носу очутились очки. С минуту я смотрела сквозь них в полумрак, а потом закрыла глаза и попыталась вновь уснуть.

— Давай живей, я хочу, чтобы ты последил за беконом.

Не успев провалиться в дрему, я нахмурилась, пытаюсь вспомнить, кому принадлежит голос. Это не была одна из соседок. Я дома, и это орет одна из моих теток? Нет. Мамина подруга? Они себе подобное не позволяют. Тогда... кто?

Недоумение заставило вновь открыть глаза и сесть. Я покачнулась на узком лежаке и ухнула в щель между ним и тщедушной дверцей.

— Что ты там копаешься? — раздалось совсем рядом, а потом дверца распахнулась, и я выкатилась под ноги высокой блондинке лет тридцати.

Несколько секунд я тупо таращилась на совершенно незнакомую особу, более всего похожую на девицу из американской рекламы пятидесятых годов: светлые аккуратно уложенные волосы, искусно выполненный макияж, подчеркивающий светло-зеленые глаза; платье в мелкий цветочек, кофточка пастельного оттенка, нитка жемчуга, туфельки на минимальном каблучке. Идеальная красавица-домохозяйка. Образ портила разве что чересчур длинная шея, да то, что женщина при виде меня презрительно поджала губы.

— Вставай! — вскричала она, а потом схватила за ворот и с удивительной силой поволокла за собой.

«А? Где я?»

Дом казался незнакомым. Ни одна деталь не вызывала приступа узнавания. Я ошалело таращилась по сторонам, пока женщина с руганью не остановилась у плиты.

— Поджарь бекон! — велела она. — И яйца. Да смотри, чтобы ничего не пригорело.

Пару секунд спустя я обнаружила себя с лопаткой в руке над сковородкой, в которой весело шипели полоски грудинки. А я смотрела на них с какой-то неправильной высоты, будто бы я как-то враз укоротилась.

«А?»

Рядом оказался полированный металлический кувшин, и я со страхом в него уставилась. Но увидела не себя, а какое-то несуразное мелкое существо с короткой мальчишеской стрижкой и в круглых очках.

«Что? Я же не...»

Свободной рукой я ощупала лоб и шепотом чертыхнулась.

«И глаза зеленые... Но... А вдруг?..»

Но из отражения на меня смотрел тот, в ком любой человек на планете без сомнений узнает героя одной истории. Правда, на киношный образ этот герой походил слабо.

«Герой?»

Я перепугано ощупала себя, пользуясь тем, что остальные обитатели дома отвлеклись, и выдохнула. Девочка. Несомненно. Какое счастье!

[image_23419|center]

Тем временем в кухню под поздравления родителей вплыл Дадли, и у меня появилась возможность рассмотреть семейство Дурслей в полном составе.

Что ж. Не только тетя Петунья не походила на свое описание глазами книжного Гарри. Дядю Вернона никак нельзя было назвать тучным. Да и Дадли не выглядел упитанным кабанчиком. Просто чуть полноватый мужчина и его здоровый и явно не страдающий от недоедания сын. Они даже страшенькими не были. Скорее обычными. Маленькое среднестатистическое семейство.

— Причешись! — велел дядя, когда я поставила перед ним тарелку с яйцами и беконом. «И вам доброе утро!» — подумала я, решив помалкивать и наблюдать.

Подарков для Дадли оказалось не тридцать шесть, а всего лишь четыре, но кузен Гарри по одному лишь виду свертков понял, что среди них нет компьютера, и начал истерить. И хотя тетя мигом кинулась утешать сына, дядя Вернон только хмурил брови и решительно кромсал свой бекон.

— Дадличек, зачем тебе компьютер, ты ведь осенью отправишься учиться в Воннингс. Тебе не позволят взять компьютер с собой, — убеждала блондинка, но мальчишка не считал это аргументом, продолжал топать и кричать.

— А ты не промах, сынок, — сказал дядя, когда Дадли согласился на еще пару подарков, купленных в Лондоне, вместо компьютера. — Настоящий делец!

[image_24748|center]

Дальше события развивались ровно по канону: звонок, весть о переломе ноги миссис Фигг, спор Дурслей, недовольство Дадли и решение взять меня с собой. После чего меня отправили в душ и выдали комплект из дешевых, но совершенно новых шорт и футболки.

Лишь оказавшись в машине, я нашла время обдумать произошедшее. Сначала показалось, что мне все только снится, но чем дальше, тем меньше в это верилось. И раз я попала, то нет смысла впадать в истерику. Это никому не помогало. А раз выхода у меня нет, то стоит расслабиться и принять ситуацию. А для принятия не плохо бы в ней разобраться.

В Лондоне для детей была обширная развлекательная программа. И зоопарк шел лишь вторым пунктом после ланча в кафе с тортом и мороженым. Меня не обделили, кусок торта был меньше, чем у Дадли, но вполне себе приличный, а мороженое — самое дешевое, но зато обалденно вкусный фруктовый лед, а не какой-то пломбир, пусть и с колотым шоколадом.

В зоопарке я вела себя тихо и примерно, а потому никто не уехал домой сразу после разглядывания змей. Дальше старшие Дурсли повели нас с кузенком и Полкинсом в кино. В темноте кинотеатра меня от перенапряжения сморил сон, и я погрузилась в воспоминания о жизни Гарри Поттер. К моменту, когда хохочущий Дадли разлил на меня газировку, я уже знала, как жила эта девочка последние годы.

Для начала воспоминания развеяли мое предположение о смене пола с вселением новой души. Нет, Гарри всегда была девочкой. Но никто этого не замечал. Даже тетя Петунья, переодевавшая и купавшая маленькую Гарри до того момента, когда девочка смогла делать это сама. Это наводило на мысль, что Дурслей зачаровали.

Но зачем кому-то, чтобы Дурсли считали ребенка Поттеров мальчиком? Нелепость. Если только... Если только тот, кто зачаровал родичей Гарри, сам был не в курсе, что она девочка. И уже чары, выходит, легли так, что Дурсли считали племянницу племянником. Побочный эффект. Но тогда сами чары, получается, нужны для другого. Например, заставить тетю и дядю ненавидеть Гарри.

Да и на Гарри они явно действовали.

Девочка по воспоминаниям казалась самой настоящей дурочкой. Дурочкой, считавшей Дурслей чистым злом. Любое их действие она воспринимала как собственное угнетение и унижение. Но на меня наложенные чары не действовали, так что я воспринимала ситуацию не через слой наведенной ненависти и рассеивания внимания.

И видела, что Дурсли не были так уж жестоки к девочке. Она ела достаточно, пусть и без пары-тройки добавок. Ей почти не доставались сладости, все больше морковка и капуста,

но голодом не морили. Да, она спала в чулане, но ее не запирали в нем на дни и недели. Обычно наказание ограничивалось проведенным взаперти вечером без ужина. Хотя дядя грозился, что уж там. И пусть Гарри донашивала одежду Дадли, в которой напоминала мокрого птенца, но в школу она ходила в дешевеньких, но новых брюках и рубашках. И даже туфли и кроссовки ей покупались по ноге. А кузен не вел на Гарри охоту, предпочитая большую часть времени игнорировать родственницу. Лишь цыкал, если видел вне дома, да хмуро посматривал из-под челки.

На обследования Петунья Гарри не водила, никто и никогда не рассматривал ее достаточно близко, и совершенно все были уверены, что Гарри — мальчик. Мелкий и тощий.

Более того, Гарри и сама не слишком вникала в свою половую принадлежность. Она носила вещи, предназначенные для мальчика, и для нее этого было достаточно. А додуматься до очевидного открытия ей мешали собственная недалекость и рассеянность, явно искусственного происхождения.

«Вот попадос! — искренне возмутилась я. — И как быть?»

В своей теперь уже прошлой жизни планировать я не любила, но в этой без списка дел не обойтись. И я решила, что перед началом его составления стоит собрать побольше сведений. И в первую очередь найти документы Гарри. Они могли пролить какой-то свет на всю эту историю.

Сказано — сделано. На следующий день, пока Дадли где-то шатался со своими дружками, дядя был на работе, а тетя вышла в магазин, я быстро и тщательно обыскала спальню Петуньи и Вернона. Как и ожидалось, стопка документов отыскалась в верхнем ящике комода. Там же я нашла письмо Дамблдора. И несколько раз его перечитала, прежде чем застонать от понимания.

Итак. Согласно словам директора, я — сын Лили и Джеймса Поттеров, Гарри. Ни точной даты моего рождения, ни списка прививок, ни магической метрики, ни адреса, где решили похоронить родителей. Дамблдор, который в книгах на каждом шагу плел густое кружево слов, умудряясь запутать собеседника и вывернуть его обвинения в обратную сторону, в письме оказался сух и лаконичен сверх меры.

В метрике, оформленной для меня Дурслями, я уже оказалась не просто Гарри, а Гарри Джеймсом Поттером. И никаких записей о прививках, перенесенных болезнях. Я будто и не существовала вовсе. Кроме как в двух бумажках.

И как теперь быть?

Сидеть и ждать письмо из Хогвартса я не собиралась. Так что моей следующей задачей было выбраться в магический мир и встретиться с гоблинами. А вот от этой встречи зависели мои дальнейшие планы.

Если гоблины сообщат мне, что без ключа и до Дня рождения я не могу рассчитывать хоть на что-то, то сажусь и сижу на попе ровно. Если же гоблины оказывают мне хоть минимальную помощь, то я аккуратненько начинаю готовиться к учебе и изучать магический мир. При некоторой удаче я даже смогу уехать от Дурслей. Это конечно опасно, ведь тогда я предстану перед Дамблдором слишком самостоятельной, но... всегда можно разработать такой план, чтобы директор ни под каким видом не смог руководить моей жизнью. Это телу моему одиннадцать, а по мозгам мне двадцать один. И я уже нажилась и в большой семье, и в общаге. У меня смирения, конечно — бескрайнее море, но вертеть своей жизнью не позволю.

Еще оставался вопрос с гендером. Похоже, все в магическом сообществе считают меня

мальчиком. Нужно понять, как подобное произошло и как мне это использовать. А я собиралась это использовать!

С одной стороны, не очень я и хочу жить под видом мальчика, но с другой, это открывает для меня уйму возможностей. Нужно лишь выяснить, как меня зовут на самом деле и от каких бед меня убережет сокрытие пола и настоящего имени.

Для осуществления задумки потребовалось несколько фунтов из заначки дяди, найденной при обыске спальни, и подходящий момент для побега. Сложнее оказалось купить билет на поезд до Лондона. Я долго сверлила взглядом билетные кассы, прежде чем подойти к одной из них. Казалось, меня обязательно пошлют... домой. Но то ли женщине за стойкой было все равно, то ли я как-то ее дистанционно зачаровала, а билет мне выдали по первому же требованию.

Дальше все прошло без проблем. Мне просто нужно было выйти на станции, названной в честь нужной мне улицы. В «Дырявом котле» оказалось сумрачно и тоскливо. Из посетителей — лишь парочка седых ведьм, да какой-то чудак в старомодном лоснящемся сюртуке, читающий книгу по квантовой физике. Внезапно пришло осознание, что бар, хоть и расположен на Косой Аллее, но это самая настоящая дыра, куда поесть и переночевать могут пойти только безумцы, бедняки и магглорожденные, для которых и придумали сделать проход в магический мир через это смрадное местечко. Будто магглорожденные достойны войти в мир волшебников только через черный ход, сквозь узкую арку возле мусорных баков.

— Интересно, а парадное тут есть? — хмыкнула я, разглядывая кирпичную стену.

Через бар удалось пройти незамеченной. В черных брюках, белой рубашке и сером пуловере я, вероятно, не привлекала излишнего внимания. Чтобы больше запутать окружающих, я еще дома сняла очки и хорошенько пригладила волосы, обработав их гелем для волос Дадли. По началу мало что видела, но потом приноровилась, а уже в большом городе мое зрение будто само собой улучшилось. Опять внушение? Мой счет к одному седобородому старцу растет со скоростью света!

Попасть на волшебную торговую улочку не составило труда. Как оказалось, проход такой же иллюзорный, как и на вокзале. Просто Хагрид зачем-то отменил эту иллюзию во время своего визита сюда с канонным Гарри. Думая об этом и о том, что у волшебников какая-то особенная тяга именно кирпичные стены делать магическими проходами, я зажмурилась и шагнула вперед.

Косая Аллея мало чем отличалась от киношной, разве что домики выглядели более ветхими. Волшебников на улочке толклось достаточно, чтобы затеряться среди них. Не задерживаясь, я направилась прямо к Гринготтсу. Взбежала по ступенькам и, не притормозив перед серебряной дверью на входе, прощмыгнула в холл банка. И лишь там на миг замерла, таращась на гоблинов.

На меня никто не обратил внимания, кроме одного зеленошкурого за конторкой слева. К нему и направилась.

— Здравствуйте, могу ли я получить консультацию? — чуть дрожащим голосом обратилась я к гоблину.

Тот еще секунду пристально на меня смотрел, а потом взмахнул когтистой лапкой, от чего воздух вокруг нас немного нагрелся, а пространство за пределами небольшого круга метра в три подернулось сероватой дымкой.

— Мы храним тайны клиентов, — пояснил гоблин. — Теперь вас никто не услышит и не обратит на вас внимания. Так что вас интересует?

Я мысленно хмыкнула, вспомнив, что для канонного Гарри самый главный гоблин ничего такого не делал.

— Я не знаю точно, что мне нужно узнать, — признавая собственную беспомощность, ответила я. — Думаю, у меня будет более одного вопроса.

— Тогда стоит пройти в отдельный кабинет, — предложил гоблин.

Я могла лишь моргнуть и удивляться. Я и в прошлой-то ипостаси не всегда могла получить вежливое обращение, а тут такое почтение к почти одиннадцатилетнему ребенку. Как бы не облапошили, пользуясь моим возрастом и отсутствием соответствующих знаний.

Тем временем гоблин поманил меня за собой к высоким дверям сбоку от входа. Пройдя по тускло освещенному коридору, мы попали в небольшой зал, куда выходило не меньше десяти дверей. Но мой сопровождающий отлично ориентировался, так что через несколько секунд мы очутились в просторном кабинете, обставленном столь же лаконично, как и холл банка: темное дерево, белый, серый и черный мрамор на полу, стенах и потолке, хрустальная люстра. Хозяин кабинета устроился за массивным столом на высоком стуле. Для посетителей же здесь было выставлено два мягчайших кресла с зеленой бархатной обивкой.

— Меня зовут Костехрум. Так какие у вас возникли вопросы? — спросил гоблин, дождавшись момента, когда я сяду.

— Простите, мистер Костехрум, а сколько стоит подобная консультация? — чувствуя себя не слишком уверенно, уточнила я.

— Десять галеонов в час, — не моргнув, ответил гоблин. — Но для клиентов банка — бесплатно.

Я с облегчением чуть расслабилась, но тут же насторожилась:

— А вы знаете, кто я?

Гоблин посмотрел на меня с нечитаемым выражением на морде, а потом ответил:

— Мы не такие слепцы, как волшебники, мисс Поттер.

Ответ Костехрума многое прояснил. Гоблин не только понял, кто я, но ни капельки не смутился моей половой принадлежности. Похоже, гоблины о данном нюансе знали изначально.

— Хорошо. Тогда...

— Вы можете перечислить ваши вопросы, — предложил гоблин, видя мои сложности.

— Но я не знаю, какой вопрос выбрать первым, — призналась я.

Гоблин помолчал, явно считая, что лимит советов пока исчерпан.

— Ладно. Скажите, пожалуйста, мистер Костехрум, кто занимается делами семьи Поттер или помочь мне может любой гоблин?

— Дела Поттеров находятся в моем ведении, — немного прищурившись, ответил гоблин. — Вы можете попросить о помощи другого гоблина лишь для мелких и неважных манипуляций, вроде обмена денег или посещения сейфа.

Я кивнула, давая знать, что внимательно слушаю.

— Далее... Мне еще не исполнилось одиннадцать, могу ли я получить конкретные ответы по поводу сейфа или сейфов, местонахождения ключа и любую подобную информацию?

Гоблин преспокойно просветил меня, что согласно завещанию моего деда, Карлуса Поттера, с его внуков сняты ограничения по полу и возрасту. Так я могла получить доступ к своему школьному сейфу с момента рождения. Другое дело, что родители мой ключ не запрашивали, а потому он хранился в банке. И все еще находится у Костехрума. По правилам

он должен был передать ключ родителям или опекуну ребенка за три дня до одиннадцатилетия, если никто не явится за ним до этого момента.

Более того, благодаря снятию ограничений, я могла уже сейчас примерить кольцо лорда Поттера. Если бы не распоряжение бабушки, я в принципе не могла бы наследовать титул, будучи не того пола. Лордом стал бы мой сын или внук.

С принятием титула я решила пока не спешить. А вот ключ забрала. И сунула в зачарованный кошелек, который Костехрум предложил мне для удобства пользования деньгами, выделенными на мое обучение из сейфа лорда Поттера.

— Но вам все равно стоит спуститься в хранилище хотя бы раз, — предупредил гоблин, — чтобы распечатать сейф.

Я покивала и переспросила о сейфе лорда. Оказалось, сейф лорда Поттера — основное хранилище семьи. Из него выделяются суммы на содержание членов семьи. Мой отец, не сумев получить титул, не смог попасть в это хранилище и до последнего дня жил на средства из своего сейфа, прежде школьного, но потом ставшего личным сейфом Джеймса Поттера.

— Но вам не стоит рассчитывать на этот сейф, — предупредил гоблин. — Прямо сейчас он пуст и опечатан. В будущем в него будет перемещена сумма, покрывающая обучение вашего первенца в Хогвартсе. Для второго и последующих детей будут использованы другие малые сейфы семьи. Либо открыты новые.

— Подождите, но почему закрылся сейф моего отца? — с недоумением уточнила я.

— Потому что было исполнено его завещание.

Костехрум извлек обозначенный документ из ящика стола и передал мне. И я, продираясь через дебри кривого почерка, узнала, что по достижению семнадцати лет Джеймс Карлус Поттер взял и написал завещание, согласно которому, все средства, которые будут ему доступны на момент смерти, должны отойти Ордену Феникса. На благо Света, так сказать.

«Женитьба и рождение ребенка не надоумили его переписать завещание, — мысленно фыркнула я. — Как безответственно. Он мог сколько угодно верить в собственное бессмертие, но что мешало побеспокоиться о жене и ребенке?!»

А ведь Джеймс мог принять титул и умереть лордом. Тогда бы светлейшему Альбусу отошло все состояние Поттеров. Интересно, а если бы Лили выжила? Альбус сыграл в благородство или же заявил, что Свету эти деньги нужнее? Судя по тому, что на мое содержание из унаследованных денег не было выделено ни монетки...

— А если бы мой отец унаследовал титул, мой сейф так же отошел бы Ордену Феникса? — спросила я.

— Нет, это ваш личный сейф, это раз, а во-вторых, дети — неприкосновенны, — сказал гоблин. — Почти во всем. Как минимум до малого совершеннолетия.

Мысленно пометив это замечание Костехрума галочкой, я продолжила допрос. И узнала, что ключ от сейфа в дальнейшем позволит любому человеку войти в мой сейф и вынести любую сумму денег, в пределах пятисот галеонов за раз. В моем же сейфе прямо сейчас хранится десять тысяч галеонов золотом, серебром и медью.

— Выделяемая сумма оговорена в контракте клиента с банком. Когда-то давно ваш предок решил, что каждому потомку сразу после рождения будет выделяться ячейка, содержимое которой будет в десять раз превышать минимальную сумму, необходимую для подготовки к учебе на протяжении семи лет, — пояснил гоблин. — Этих средств должно вам хватить не только на учебу, но и на отдых, развлечения и другие затраты.

Я невольно хмыкнула. Даже предок Гарри считал, что лишь на одну подготовку к школе у нее должно уходить где-то сто сорок галеонов. Канонному же Гарри позволили взять из его личного сейфа всего сотню. И этих денег ему должно было хватить на целый год и на все траты.

Уже по пути в хранилище я уточнила у гоблина о завещании матери, но гоблин лишь презрительно фыркнул. У магглорожденной Лили Эванс не было своего сейфа. Более того, в сейф мужа за недолгий период с замужества и до смерти миссис Поттер не добавила и пары кнатов.

Нужная дверь выглядела ровно так, как в кино. А сам сейф оказался крошечной пещеркой, в центре которой и высилась причитавшаяся мне сумма на школьные расходы. Стоило перешагнуть порог, меня обдало волной теплого воздуха, будто меня коснулась сама магия. Постояв немного и насладившись видом, я вышла из хранилища, позволила гоблину закрыть дверь и вдумчиво спрятала ключ в кошелек.

— Так что вы решили по поводу принятия титула? — спросил Костехрум, когда мы вернулись в его кабинет.

— А какие в этом есть плюсы и минусы? — уточнила, не особо надеясь на то, что зеленошкурый тщательно разжует для меня тему.

Костехрум с интересом на меня воззрился.

— В чем дело? — напряглась я.

— Вы интересная личность, мисс Поттер, — ответил гоблин. — Обычно маги, не задумываясь, хватаются за самую возможность стать лордом или леди. Я встречал людей, подобных вам, но таких всегда гораздо меньше.

— И все же.

— Из очевидных плюсов я могу назвать независимость, — принялся перечислять Костехрум. — Титул оберегает от посягательств. Никто не будет вправе указывать вам, как поступать, где жить.

— А оспорить право на титул? — уточнила я.

Гоблин хрипло расхохотался.

— Титул лорда и леди присваивает не человек, а магия. А магия признает лордом магии лишь достойного. Если вы сможете принять эту силу, значит, вы достойны. А тот, кто вздумает оспаривать решение магии, просто дурак.

— И даже опекун никак не сможет на это повлиять? — спросила я.

— У вас нет опекуна.

— Но мне сказали, что моим опекуном является Альбус Дамблдор, — «призналась» я, надеясь, что гоблин не поймает меня на лжи.

— Директор школы Хогвартс может быть опекуном в мире магии для магглорожденных, — покивал Костехрум. — Но вы не магглорожденная.

— Но я сирота.

Гоблин откровенно скептически на меня воззрился. Я даже смутилась.

— Да, у вас не осталось родни первой и второй степени родства по крови. Жаль, что ваш отец, дед и прадед были единственными детьми в семье. Но у вас довольно много более дальних родственников.

— И все же...

— Альбус Дамблдор — полукровка, семья которого насчитывает едва ли пять поколений. Он может быть директором школы, Верховым чародеем, председателем

Международной конфедерации магов, но он по старым законам, которые не даст отменить Палата лордов, не может быть опекуном лицу, которое превосходит его по родовитости, — пояснил гоблин с таким видом, будто я и сама это должна была знать. — Пусть ваша мать подпортила чистоту крови Поттеров, но вы все еще наследница Рода с почти тысячелетней историей.

Последнее ввергло меня в сильное уныние. Я была как-то не готова волочь на своих плечах такую ответственность.

— Хорошо, а еще плюсы?

— Титул позволит вам получить доступ к основному хранилищу.

Приятный бонус, но пока я не нуждалась в дополнительных финансах.

— Из минусов... вы не сможете заседать в Палате лордов и в Визенгамоте, — продолжил говорить гоблин. — Туда допускаются лишь те, кто достиг хотя бы малого совершеннолетия. Но вы можете голосовать по выносимым на рассмотрение темам.

— Вот как? — заинтригованно переспросила я.

— Да, заседания Палаты происходят планово два раза в год, экстренные заседания случаются очень редко. Дела в Визенгамоте, на которых заседают лорды, тоже происходят по расписанию. И всем лордам в первом и втором случае обязаны высылать краткое содержание и форму для заочного голосования.

Такой подход мне понравился. Я бы определенно воспользовалась возможностью повлиять на принимаемые решения.

— Из минусов можно так же назвать то, что пробуждение родового дара, если таковой имеется, начнется быстрее, — добавил Костехрум.

— И чем это плохо?

— В некоторых случаях это может привести к болезненным ощущениям. А еще... процесс может затянуться не на пару месяцев, как в обычной ситуации, а на год или больше.

Я сглотнула и откинулась на спинку кресла.

— А как понять, грозит мне подобное или нет? От какого дара это зависит?

— Я могу провести базовую проверку, — предложил гоблин. — Специальный артефакт выявит все, что только возможно в вашем отношении на данный момент. В том числе скрытые проблемы со здоровьем, например.

Я покивала, тут же соглашаясь на проверку. Пусть мое зрение уже почти выправилось, но не хотелось бы обнаружить еще какой-нибудь сюрприз.

Вскоре передо мной на массивный стол встала конструкция в виде огромной металлической перчатки, закрепленной на подставке, сплошь покрытой различными значками.

— Клянусь магией, что не желаю причинить вреда, — торжественно произнес Костехрум.

— Что нужно делать?

— Вставьте руку в перчатку и немного подождите. И не бойтесь, если почувствуете боль. Все быстро закончится, — сказал гоблин.

Я покивала и решительно сунула свою крошечную ладонь в огромную перчатку. В тот же миг в подушечки пальцев будто впились иглы, но не успела я вскрикнуть, как руку окутало знакомым теплом, притупившим боль. А над перчаткой прямо в воздухе начали возникать светящиеся кроваво-красные буквы, складывающиеся в слова.

Харолина Генриетта Поттер

31.07.1980

Я зачарованно взирала на имя, а память Гарри услужливо вытолкнула на поверхность один из моментов прошлого.

— Джейми, это ужасно! — с хохотом возмущается рыжеволосая девушка. — Как тебе не стыдно? У нашей дочери очень красивое и уникальное имя! Харолиной звали твою собственную бабушку!

— А я думал, мы выбрали имя Харолина, раз у нас не сын, которого я хотел назвать Харольдом, — с улыбкой ответил высокий худой брюнет в круглых очках.

— А Генриеттой мы назвали ее в честь моей бабушки, — не дала сбить себя с мысли рыжеволосая красавица.

— А разве не в честь моего деда Генри? — опешил брюнет. — Лили?

— В любом случае, нет повода сокращать имя нашей малышки до этого плебейского Гарри. Вот кто будет звать дочь Гарри?

— Тот, кто не будет звать ее Генри, — захихикал сидящий на диване третий участник беседы — черноволосый и синеглазый красавец.

Так вот как зовут мое новое тело. Какое облегчение! Значит, все же не Гарри и не какая-нибудь Харриет. А имя Харолина очень близко к моему родному. Значит, в будущем я смогу безболезненно перейти к сокращению Лина и не потерять себя.

Строчки с перечислением родственников не удивили. И имена родителей, и даты рождения-смерти в этой реальности совпадали с каннонными. И даже крестным здесь был Сириус Блэк. Хотя его статус был обозначен по-другому — названный отец по магии.

А вот дальше начинались странности.

Артефакт выявил ряд ритуалов, проведенных как при моем непосредственном участии, так и без него. И если ритуал представления Роду и имянаречения я могла понять, то остальное вызывало вопросы.

— Простите, мистер Костехрум, но что такое... ритуал магического наследия? — спросила я об одном из пунктов в списке, с пометкой «В. Л. Б., 1982».

— Это ритуал, который проводят в том случае, если в Род вводят не кровного родича, — пояснил гоблин. — Скорее всего, это сделала Вальбурга Блэк.

— Что?

— Она была магом крови, так что ей не составило труда повернуть подобное. Тем более, вы все же родня, пусть и дальняя, так что магия вполне могла позволить повернуть подобное и без вашей крови. А с талантами леди Блэк можно сделать и не такое.

— Но... зачем?

— Затем, что ваш крестный оказался в Азкабанае, а других наследников у Рода Блэк не осталось, — ответил гоблин и хрипло расхохотался.

— В чем дело?

— Для этого ритуала Вальбурга Блэк тянулась к вам через магию, чтобы ухватить нужную нить наверняка и привязать ее покрепче. Раз ваш крестный не успел жениться и произвести на свет наследника, она должна была обеспечить семье этого наследника сама. И она привязала. Тем самым по незнанию попала законы Рода Блэк, ведь наследовать может только мальчик. А вы... никак не мальчик.

— Почему все так уверены, что я мальчик? — не удержалась я от вопроса.

— Не могу знать наверняка, — пожал плечами гоблин. — Хотя... Противостояние между Дамблдором и Тем-Кого-Нельзя-Называть началось в конце шестидесятых, пусть и протекало довольно вяло. Но волшебники еще помнили деяния Гриндевальда и желали уберечь своих детей. Именно поэтому было нарушено множество существовавших веками традиций, и многие чистокровки в семидесятых отправлялись в Хогвартс, не будучи знакомыми с другими детьми своего поколения. Родители оберегали даже сам факт беременности и родов. И поколение ваших родителей продолжило жить так же скрытно. Многие узнали о том, что у Поттеров есть ребенок, в ночь гибели Того-Кого-Нельзя-Называть.

— А как же документы? — удивилась я. — Разве мои родители не должны были как-то... зарегистрировать мое рождение?

Гоблин посмотрел на меня так, что я невольно почувствовала себя идиоткой.

— Это у магглов человек обязан отчитываться за каждый шаг и ставить в известность власти. У волшебников все иначе. Министерство, конечно, пытается навязать магам какие-то стандартные процедуры, но это пока все еще добровольно. А в смутные времена никому и в голову не приходило доверять Министерству столь важные сведения.

Я призадумалась. Выходило весьма интересно. Скорее всего, мой настоящий пол знали только родители и Сириус. И шуточное прозвище ввело в заблуждение весь остальной магический мир.

«Но ведь до того, как маленькую Харолину оставили на пороге, за ней должны же были как-то минимально поухаживать? — спросила я себя, но тут же нашла объяснение: — Хотя... Если Лину Дурсли обнаружили первого ноября, то девочка пробыла под присмотром Дамблдора и Хагрида всего несколько часов. Великан вряд ли в принципе додумался бы перепеленывать ребенка, а уж Дамблдор точно не полез бы копать в детских одежках. Бросил, наверняка, пару очищающих — и успокоился».

В списке так же был ряд повторяющихся ритуалов, менялись только имена. И если имя леди Блэк не удивило, то вот интерес ко мне Нарциссы Малфой озадачил.

Хотя... она ведь мне, если подумать, довольно близкая родственница.

Ребенком я делила персонажей поттерианы на черных и белых, но чем старше становилась, тем более серыми они все казались. И с возрастом я начала любить и уважать тех, кто в детстве вызывал только раздражение.

Например, Малфоев. С возрастом я поняла, что они в истории представляли собой семью, в которой каждый готов на все, чтобы спасти остальных. Да, Малфои выглядели ужасными людьми на разных этапах истории, но неизменным было одно: не было ничего, что они бы не сделали, если это нужно для благополучия даже не Рода, а близких и родных людей. Нарцисса львицей защищала сына, сын унижался, трясся от ужаса, но пытался спасти отца, а отец, сиятельный лорд, опустил до дна, позволил помыкать собой, как рабом, но позволил все это, лишь бы сберечь жену и сына.

Уизли пусть и казались не менее идеальной и любящей семьей, но таковыми не являлись. Мистер Уизли явно больше любил свою работу и хобби, чем семью. Чем еще объяснить то, что жило семейство, как бог на душу положит. Одним днем. Сам их дом был доказательством этому. Карточный домик, надстраиваемый тогда, когда в этом была необходимость. Непрочный, ненадежный. Не потому ли миссис Уизли запрещала своим детям аппарировать и колдовать в доме, что он мог развалиться под их напором?

А любовь? Была ли она внутри семейства? Один старший сын удрал от семейки в Египет, второй — в Румынию. Третий со всеми рассорился, пусть и вернулся в самом конце. Шестой рос неудачной попыткой завести, наконец, дочку и чувствовал себя обделенным. Особенно на фоне обожаемой девочки. Но даже любимой доченьке мать не смогла втолковать, что брать непонятные артефакты и использовать их опасно. А ведь Молли, вроде как, была чистокровкой, из достаточно старой семьи. Вряд ли ее воспитанием не занимались. Но она каким-то образом умудрилась все это воспитание растерять.

Но это все ладно, личное дело Уизли. Но вот отношения к Гарри я простить этой семейке не смогла даже в детстве, а с возрастом неприязнь лишь выросла. Всем и каждому заявлявшая, что воспринимает Поттера как своего сына, Молли никогда о нем настоящему не заботилась. Ее не насторожило то, что Дурсли запирали Гарри, не смутило то, что при хорошем финансовом положении мальчик ходит в драных штотках и даже ее дети выглядят упитаннее. Конечно, можно рассказывать о дружбе с родителями ребенка, обнимать его при встрече, снабжать раз в год свитером, а в остальное время закрывать глаза на жестокое обращение.

— А как же Книга Душ? — передернув плечами, чтобы избавиться от негативных мыслей, я вернулась к разговору.

— Да, там имя появляется, но только при магическом выбросе достаточной силы, — ответил Костехрум. — У маленьких волшебников такие начинаются примерно в возрасте двух лет и старше. Более ранние случаи редко дотягивают до нужного минимума излучаемой в пространство магической энергии. Но в вашем случае имя вряд ли появилось в Книге.

— Почему?

Вместо ответа гоблин ткнул в одну из строчек в перечне ритуалов. Там значилось таинственное «Ритуал «Паутина»» и инициалы Дамблдора.

— Это чары запутывания. Они сбивают поиск, почтовых сов и экранируют магические выбросы.

Я невольно расхохоталась и уточнила:

— А этот ритуал можно временно отменить или ослабить?

— Только снять полностью. Единственное... в действие чар можно внести исключения.

— Значит, мое имя в Книге Душ не появится. Так как меня тогда добавляют в список поступающих в Хогвартс?

— Иногда бывает, что волшебника нет в списке из Книги Душ. Например, если ребенок

родился и рос за пределами Великобритании. Тогда используют другой метод. Но для этого человек, занимающийся рассылкой писем, должен знать точное местоположение волшебника. Тогда и чары не сработают, ведь сова понесет письмо не человеку, а в определенное место.

Выходило интересно. Гарри был самым известным юным волшебником двадцатого века. Ему наверняка писали письма все, кому не лень. Но он этих писем не получал. Дамблдор оградил его от «тлетворного влияния славы». Но письмо о поступлении Поттер получил. И не одно. МакГонагалл вряд ли бы сидела и отправляла по сотне писем в день, это не в ее характере. Значит, письма отправлял сам директор, используя стандартные бланки и самопишущее перо, чтобы всякий раз вносить то имя, которое он считал верным. А вот адрес... Нет ли в кабинете седобородого хитрюги какого-нибудь прибора, который отслеживает точное местонахождение Гарри, вплоть до комнаты в доме? Именно поэтому так быстро менялся адрес. И так по-идиотски проходили попытки доставить письмо и впечатлить мальчика. Поток писем прервался лишь в тот момент, когда дядя увез семью на островок. Вода помешала совам.

«А как же та сова, которая принесла утреннюю газету?» — спросил скептик внутри меня.

Возможно, тут есть какое-то простое объяснение. Например... Например, Хагрид привез сову с собой. Как ту, с которой вроде как отправил ответ директору. Гарри ведь даже не посмотрел дату на газете, а Хагриду явно было поручено с самого начала внушать мальчику любовь к директору, презрение к Министерству и министру и ненависть к Слизерину.

В дальнейшем Гарри получал письма от Хагрида, Уизли, Грейнджер. Но письма от поклонников или ненавистников не доходили. Возможно, ему мог писать летом после первого курса кто-то еще из одноклассников, но эти письма мальчик так и не увидел. Мало ли, какая-нибудь... Панси могла прислать письмо с едкими издевками. Или... Джинни... с признаниями. Невилл, решивший хотя бы в переписке ближе сойтись с одноклассником. Но нет, ни одного письма. Да и Добби... Кому он служил на самом деле? Эльф не был злым, просто глупым и немного свихнувшимся. А потом... Сириус тоже мог пытаться написать Гарри, но его письма не доходили, лишь в четвертой книге Блэк начал вести с мальчиком переписку.

Но письма-предупреждения из Министерства дошли...

— Скажите, мистер Костехрум, а письма из Министерства способны преодолеть эти чары? Предупреждения о нарушении Статута, например. Или о том, что ученика Хогwartса исключили и его палочку должны сломать...

— Нет, конечно! — фыркнул гоблин. — Даже чары Министерства не преодолеют запрет такой силы. Что до сломанной палочки... Ученик Хогwartса должен совершить что-то по-настоящему ужасное, чтобы его исключили и сломали палочку. До малого совершеннолетия юные волшебники в принципе неприкасаемы. Они не могут заколдовать что-то слишком опасное, что нельзя устранить Репаро и Обливэйтом. Так что для юных магов все заканчивается предупреждением и воспитательной беседой. Если волшебник совершает что-то серьезное после четырнадцати, то его могут наказать, но это не исключение и не сломанная палочка. Детей в принципе почти невозможно исключить из школы, пока они не сдали СОВы. За практику запрещенной магии можно попасть в Азкабан. Но только в том случае, конечно, если маг совершеннолетний. Несовершеннолетние

получают ограничители магии и общественные работы. Переламывают палочку и исключают... убийц. Но в Азкабан попадают лишь те из них, кому есть четырнадцать.

Я сидела и хлопала ресницами, переваривая интереснейшие сведения. Как много можно узнать, если поговорить с тем, кто живет в магическом мире. Точнее, с тем, кто живет в магическом мире и не против просветить других.

Дальнейшее исследование висящих в воздухе надписей выявило, что у меня нет никаких блоков, ограничителей на магических способностях. Как нет и зелий в крови. А из уже проявившихся способностей значатся парселтанг, высокая регенерация и сверхвысокая интуиция.

— Я ожидала увидеть больше, — искренне призналась гоблину. — Какой-нибудь семейный дар...

— Ничего странного, — успокоил Костехрум. — Вам только-только одиннадцать. Обычно так рано дары и не проявляются. Лишь в исключительных случаях. Думаю, повторная проверка немного позже покажет иной результат. Так что вы решили?

Я вздохнула и на миг прикрыла глаза. Решение было очень и очень важным. И его стоило как следует обдумать. Как и многое другое. Не хотелось бросаться с места в карьер.

— Мне нужно немного времени, — призналась гоблину. — Пройтись и подумать.

И вот куда я могу отправиться? Я едва ли знаю город. Разве что самый центр, где нахожусь. Маги оказались достаточно ушлыми ребятами. Вроде и не особо горят общаться с магглами, а все самые важные места у них в центре маггловского города, столицы. Да еще и практически в шаговой доступности. До того же вокзала, если подумать, и пешком дойти не сложно. Всего-то полчаса пути. А самые известные достопримечательности еще ближе.

— Скажите, как мне добраться в Годрикову Лощину? — немного поразмышляв, спросила я. — Хотелось бы навестить могилу родителей.

Пусть Лили и Джеймс мне никто, но маленькая Харолина была их дочерью. И я теперь обитаю в ее теле. Она наверняка была бы не против побывать на могиле родителей. И пусть ее душа более не занимает эту оболочку, для ее покоя и моего спокойствия Лощину стоит посетить и попросить у Лили и Джеймса прощение за то, что ребенка, которому они дали жизнь и которого защищали, более нет на свете.

— Вы можете переместиться прямо из моего кабинета камином, — ни капли не удивившись, предложил зеленошкурый. — Адрес «Годрикова Лощина, кафе «У Тони»». Это единственный общественный камин в поселении. Вернуться сможете сюда же, если назовете мое имя. Если меня не будет на месте, то просто немного подождите. Или можете подобрать себе какой-нибудь иной маршрут, используя этот справочник.

Гоблин извлек из ящика стола тонкую брошюрку, оказавшуюся справочником адресов общественных каминов. Раскрыв первую же страницу, я увидела карту Лондона, на которой оказалось отмечено несколько точек. Заинтересовавшись адресом возле Гайд-парка, я перевернула страницу и узнала, что данный камин расположен в гостинице «Маргаритка», а сама гостиница находится прямо при входе на магическую улицу под названием Змеиная, возникновению которой способствовало появление в первой половине восемнадцатого века озера в парке. А всего в магический Лондон на карте было отмечено пять входов.

— Спасибо, — пробормотала я, читая список общественных каминов. Оказывается, даже на вокзал совсем не обязательно было ехать через маггловскую часть города, можно было переместиться напрямую. Как и в Хогсмид.

Хмыкнув, я подошла к камину, захватила горсть пороха, шагнула на закопченные камни

и четко произнесла адрес, бросая порох под ноги. Ужасно волновалась, но все получилось с первой попытки. И я даже не упала, пока меня с невероятной скоростью несло мимо множества чужих каминов. В одних я видела смазанные цветочные пятна, в других — только зеленое пламя и каминные решетки, а один раз рассмотрела перекошенное гневом лицо какого-то толстощекого волшебника, гневно вещавшего что-то невидимому собеседнику.

Кафе «У Тони» оказалось небольшой местной забегаловкой для магов: большой зал, разделенный на уютные кабинки перегородками из плетеной лозы винограда и плюща. Только волшебников не смутят живые растения в помещении и снующие повсюду пчелы! За прилавком самозабвенно колдовал полноватый мужчина с пышными усами. Парочка ведьмочек в аккуратных серых платьях и белых передниках сплетничали за натиркой пивных бокалов. На меня никто из них не обратил внимания. Видимо, общественным камином здесь пользовались достаточно часто.

Не желая маячить перед магами хоть на минуту больше, я осмотрелась, прочитала на медной табличке, что стоимость пользования камином равна четырем кнатам, и поспешила наружу.

Кафе расположилось рядом с центральной площадью, в центре которой возвышался мемориальный обелиск. Стоило подойти поближе — и сужающийся кверху камень преобразился в талантливо вытесанных из гранита мужчину и женщину, на руках которых сидел пухлощекий малыш с торчащим чубчиком волос. Невольно пригладив челку, я прочла памятную табличку, сообщавшую, что статуя изображает семью Поттеров, отдавших все для защиты магического мира от зла.

— А мне казалось, Лили и Джеймс хотели только защитить своего ребенка, — пробормотала я и философски пожала плечами. — Вряд ли в момент опасности они думали про весь магический мир.

Искать кладбище не пришлось. Оно виднелось прямо с площади. А дом Поттеров я обнаружила, уже входя за ограду погоста.

Магическое кладбище Годриковой Лоцины оказалось весьма познавательным местом. Кроме Лили и Джеймса здесь покоилось еще несколько Поттеров, живших и умерших в промежутке между серединой семнадцатого и серединой двадцатого веков. Были тут и могилы Дамблдоров, вроде могилы матери директора и его сестры. И Певереллы нашлись, но могилы были настолько старые, что я и фамилию-то прочитала чудом, а имена и годы жизни различить не смогла.

Постояв на могиле Лили и Джеймса, я решительно развернулась и направилась к дому Поттеров. Прохожих видно не было, но я все равно старалась действовать осторожно. Очень не хотелось, чтобы какая-то старушка выглянула в окно, увидела у ограды незнакомого ребенка и растрепала всем знакомым, ради этого преодолев боль в коленях.

Домик выглядел совершенно разрушенным, сквозь крышу даже проросло дерево. Двор заполнили сорняки. Для пушего впечатления не хватало только каркающих на ветвях засохшей яблони ворон! Рядом с калиткой была прибита латунная дощечка, сообщавшая, что в этом доме тридцать первого октября восемьдесят первого года, защищая сына, погибли миссис и мистер Поттеры, а их сын, сумев отразить Аваду, избавил магический мир от гибели. А еще в надписи нагло указывалось, что этот дом отныне является мемориалом подвигу Лили и Джеймса Поттеров, а так же их сына, Мальчика-Который-Выжил.

— Интересно выходит, а ничего, что дом этот вроде как должен быть частной собственностью? — спросила я в пространство и осторожно осмотрелась. На первый взгляд никто за мной не наблюдал, и я решила. Даже не стала пробовать открыть калитку, перебралась через низкую ограду и, пригнувшись, замерла в тени зарослей. Когда никакие чары не засветились, аворы на проникновение не явились и никто не заорал о нарушении границ, перебежками направилась к дому.

Дверь оказалась не заперта, и я с облегчением выдохнула, тщательно заперев ее за собой. А стоило обернуться лицом к маленькому холлу, меня нежно и приветливо обняло теплом. Будто кто-то родной и любимый набросил на плечи нагретый на батарее плед. Внезапно пришло понимание, что я дома. И пусть это был не мой дом, я не удержалась и расплакалась.

Слезы хлынули так внезапно, что я невольно опустилась прямо на присыпанный пылью и грязью ковер и разрыдалась, обнимая себя руками.

Оказывается, все эти дни я держалась исключительно на упрямстве и понимании, что

расклеиваться нельзя. А еще меня не покидало чувство опасности, из-за чего никак не удавалось расслабиться.

Нос заложило мгновенно. Я хлюпала, утиралась рукавом рубашки и думала обо всем случившемся со мной.

Казалось бы, в моей жизни была какая-никакая определенность. Я ничего не планировала, но примерно представляла собственное будущее. Хотелось завершить учебу, найти работу, встретить хорошего парня... влюбиться, если повезет, а если нет, то просто удачно выйти замуж. Так ведь тоже можно! Родить ребенка, а лучше двух. Найти новую работу, лучше прежней. И жить... Жить счастливо.

А теперь...

Моя привычная жизнь закончилась, а новая полна неизвестности.

Я ребенок, у которого нет ни одного человека, достойного доверия.

Я сирота. И я сирота дважды. Мои родители остались в другом мире, а родители из этого мира мертвы.

И я не знаю, что делать дальше.

Очень хотелось заползти в какую-нибудь нору и никогда из нее не выбираться. Ни я, ни Харолина никому ничего не должны. Не должны играть в игры взрослых, не должны участвовать в противостоянии группировок детей, не должны спасать мир...

Вот только вряд ли магический мир оставит нас в покое.

* * *

Не знаю, сколько проплакала, но к моменту, когда я закончила, за окнами уже стемнело. Дом я осматривала в сумерках, удивляясь тому, что никто не растащил его на сувениры. Все выглядело так, будто события октября почти десятилетней давности случились только вчера. Даже чашка из-под кофе осталась стоять у мойки на кухне. И если не считать изрядно пострадавшей детской, дом выглядел достаточно крепким и даже более-менее жилым.

Обойдя все комнаты, в последнюю очередь я зашла в библиотеку. Хотя эту небольшую комнатку с несколькими шкафами едва ли можно было назвать библиотекой, скорее это была гостиная для уютного чтения. И кто-то изрядно проредил полки и без того не слишком богатого собрания. И было это очень давно — на книгах и в прорехах между ними лежал толстый слой пыли.

Я уже хотела уйти, когда заметила слабое свечение из дальнего угла. Стоило подойти ближе — и стало видно, что свечение исходит из большого камина.

Кусая губы, я приблизилась вплотную и потрогала светлый камень отделки, пытаюсь определить источник свечения. В тот же миг мрамор чуть-чуть нагрелся под моими пальцами. Повинуясь порыву, я отыскала на журнальном столике старое перо и решительно оцарапала им кончик пальца, а потом размазала выступившую кровь по гладкой теплой поверхности. Мрамор потеплел еще больше, свечение усилилось. Теперь оно пробивалось во все щели между камнями, а сами камни зашевелились и стали увеличиваться. На мраморном портале камина стали возникать узоры из виноградных лоз, цветов пиона и мальвы, рун и символов солнца, звезд и луны. Вскоре на месте камина высилась величественная резная мраморная арка, а каминная решетка превратилась в тонкие кованые солнце и луну, утопленные прямо в камень на стене за аркой.

Следуя за интуицией, я шагнула в арку, заранее готовясь к соприкосновению лба и стены, но камни без сопротивления меня пропустили. Лишь луна и солнце на миг

засветились. Я моргнула, а глаза открыла уже по другую сторону волшебного прохода, посреди просторного темного холла.

— Интересно, где я? — спросила в пространство, надеясь, что сейчас, как в сказке, вспыхнет свет, а ко мне явится кто-нибудь из хранителей этого места, чтобы обо всем рассказать. Но свет не зажегся и никто не явился. Я стояла посреди пустынного помещения, контуры которого едва-едва могла различить в тусклом свете, пробивавшемся через высокие симметрично расположенные окна слева и справа.

Постояв немного, я подошла к окну и медленно раздвинула шторы, надеясь рассмотреть вид. И охнула, осознав, что более не нахожусь среди небольшого смешанного поселения. Дом окружали высокие деревья, заслоняя угасающий свет дня.

— Это... настоящий дом Поттеров? — спросила я, но ответа вновь не получила.

Когда шторы были раздвинуты на всех окнах, стало видно, что помещение, в котором я находилась, ни больше, ни меньше огромная прихожая с потолками под десять метров. Выложенный широкими темными плитами пол, серые каменные стены, украшенные резьбой, массивные квадратные в сечении колонны, поддерживающие своды.

Решившись, я отправилась исследовать дом. И чем дальше шла, тем явственней осознавала принадлежность к этому месту. Меня не овеивало теплом магии, но я чувствовала себя в безопасности впервые за последние дни.

Обойдя несколько полупустых комнат на первом этаже, я обнаружила кухню. Это явно была вотчина эльфов, судя по огромным, но низеньким столам, печам и плитам. При виде чайника я вспомнила, что ничего не ела и не пила с того момента, как покинула дом на Тисовой этим утром. В потрепанном рюкзаке, прихваченном с собой, лежали бутылка купленной на вокзале воды и пачка какого-то печенья из запасов Петунии. Стоило сесть и перекусить, прежде чем предпринимать какие-то дальнейшие действия. Решив, что если не чаем, то хотя бы теплой водой стоит разжиться, я осмотрела чайник, дровяную плиту и взялась вспоминать то, чему меня учила прабабушка, когда была жива.

— Итак, что у нас в сухом остатке? — спросила я себя, сев за стол с чашкой чая, заваренного из тех остатков заварки, что нашла в одной из жестянок в шкафу. — Я в теле Гарри Поттера, который на самом деле девочка по имени Харолина. Будем называть ее Харо, чтобы отделить от меня, Лины. Сейчас Харо без недели одиннадцать лет. Вот-вот должны начать приходить письма. Очень добрый дедушка явно хочет показать бедному ребенку существование магии. И наверняка пошлет Хагрида, ведь кто, кроме великана, лучше покажет ребенку существование волшебства одним своим видом? А дальше будет все, как в книге... И как мне поступить?

Еще в доме Дурслей я решила, что дальнейший план буду составлять после визита к гоблинам. Что же. Случилось даже больше. Я сижу в доме Поттеров. Причем, похоже, в доме Рода Поттер. И пора выбирать путь.

— Я могу вернуться в дом Дурслей и позволить всему идти так, как в каноне, — размышляла я. — Безумие с письмами. Попытка сбежать. Остров. Ночной визит Хагрида. Косая Аллея. Банк. Ключ, который... который у меня! — Я рассмеялась. — Агитация за Гриффиндор, рассказы про доброго директора. Белая приметная сова. И возвращение к Дурслям.

Такое развитие давало мне шанс осмотреться и не привлекать к себе внимание человека, который весьма потрудился, чтобы сделать из ребенка Поттеров марионетку еще до поступления в Хогвартс.

Читая книги, я списывала нелюбопытство Гарри на воспитание дяди и тети. Те тумаками впихнули в голову мальчика правила: ни о чем не спрашивать, не выделяться на фоне других. Но теперь было ясно, что без Дамблдора тут не обошлось. Это объясняло то, почему смена обстановки не мотивировала Гарри пересмотреть приоритеты.

— Но надо ли мне такое? — спросила я себя и честно ответила: — Нет. Пусть и опасно сразу показывать собственную самостоятельность, но я не смогу притворяться. Значит, нужно вступать в игру с первых же дней. И защитить себя от более сильного игрока.

Я не собиралась себя обманывать. Дамблдор превосходит меня в интригах. А на моей стороне нет никого. Кроме того, я ребенок, а детей никто не слушает. Значит, мне нужна такая защита, чтобы никто не смел вертеть мной, как куклой.

— Значит, я не возвращаюсь к Дурслям, — решила я. — Пока остаюсь здесь. И наблюдаю. Схожу завтра к Костехруму и попытаюсь принять титул. Дальше нужно как-то решить с визитами на Косую ради подготовки к школе. Мне нужно купить все необходимое, но при этом не попасться на глаза любому, кто хотя бы предположит, что я Поттер. Если купить мантии без озвучивания имени еще как-то удастся, то что делать с палочкой?

Этот вопрос занимал меня все то время, пока я пила чай, ела печенье, а потом исследовала второй этаж, подыскивая себе удобное место дня ночлега.

Очень хотелось надеяться, что в этом доме меня никто не обнаружит. Успокаивало то, что, похоже, никто не знал о втором доме, раз Министерство позволило себе присвоить коттедж Лили и Джеймса. Вряд ли они посмели бы сделать что-то подобное, зная, что через маленький дом можно попасть в главный. Наверняка посягательство на родовое имущество у магов считается преступлением.

Я нашла комнату Джеймса, с резной табличкой на двери. И комнату Сириуса, если судить по обилию красно-золотых вещей. Даже у отца Харо не было такого явственного гриффиндорства в убранстве. Нашла и спальню дедушки с бабушкой. Она выглядела хуже всего: разбросанные вещи, смятое белье в темных пятнах. Зябко обняв себя за плечи, я поспешила убраться из комнаты, навевавшей плохие чувства. Страшно было думать, что старшие Поттеры умирали прямо здесь, в этом доме. И где в это время был их сын? Он гонялся за Пожирателями Смерти и изображал из себя бравого вояку!

Уйдя подальше от разгромленных покоев, я расположилась в одной из безликих комнаток, явно предназначенных для гостей. Белье под покрывалом пахло пылью и цветами, но меня это не беспокоило. По меркам общаги — чисто и свежо.

То, что это сон, я поняла сразу. Хотя мне редко что-то снилось. И обычно мои сны мало отличались от реальности. В своих снах я проживала еще раз прошедший день или день будущий, если предстояло что-то важное. Так мне однажды приснился экзамен, и я его завалила. И проснулась ужасно расстроенной. Каким же счастьем оказалось осознание, что это был лишь сон.

Сейчас же я видела тот самый дом, в котором находилась, но с трудом его узнавала. Все комнаты заливал яркий солнечный свет, золотистые блики лежали на полах, стенах, мебельной обивке. В воздухе танцевали и искрились пылинки.

— Здравствуй, внученька, — раздалось совсем рядом, и я перепугано обернулась, чтобы практически уткнуться в темно-серый плащ.

Передо мной возвышалась худая фигура, полностью скрытая тяжелой тканью, будто бы поглощавшей свет и спадавшей до пола тяжелыми складками. Глубокий капюшон не позволял увидеть лица, даже контура челюсти.

— Здравствуйте, — выдохнула я, не представляя, что делать.

— Не боишься, — констатировал то ли мужчина, то ли женщина, голос звучал странно, будто говорило со мной сразу несколько человек.

— Так и есть. У меня сотни голосов. Ведь я многолика. Многолик. Многолико.

— Вы?..

— Смерть? — спросили меня. — Да. Я Смерть.

Я закусила губу, пытаюсь определиться с половой принадлежностью этого великого и опасного создания.

— Вы назвали меня...

— Внучкой? Можно сказать, что тебе я бабушка, — ответила Смерть.

Я захлопала ресницами, пытаюсь осознать сказанное. И Смерть рассмеялась, видя смену эмоций на моем лице и явно читая сумбурные мысли.

— Тебе пора учиться контролировать себя, — посоветовала Смерть.

Я ожидала, что это существо тут же подарит мне какой-нибудь защитный амулет, пожурит и даст напутствие, но Смерть лишь рассмеялась хриплым каркающим смехом, обняла меня и погладила по голове. Через миг мы оказались сидящими на диванчике. От Смерти веяло холодом, но мне все равно было уютно в ее объятиях.

— Это от того, что ты моя внучка, — сказала она, мягко вода над моей макушкой. — Харолина тоже была моей внучкой.

— Вот как?

— Да. Малышка Поттер родилась среди потомков Певереллов. В той ветви этого Рода, что вел свое происхождение от Игнотуса. Из трех братьев лишь он уважал меня и пользовался моим даром для защиты жизни. Его старший брат убивал бузинной палочкой и породил волну убийств, когда раскрыл силу моего дара. Многие захотели владеть этой палочкой и многие отдали за нее жизнь. Тот, кто владеет бузинной палочкой, проклят навечно. Она пробуждает в людях жажду власти, превосходства. Средний брат, получив воскрешающий камень, решил переступить через сами законы бытия. И это свело его с ума. Как свело с ума и других. Воскрешающий камень проклят. Тот, кто им владеет, быстро начинает считать себя повелителем жизни, а это не так. Держись подальше от этих моих

даров, они способны принести лишь несчастье.

— Но я ведь не из Певереллов, — кивнув, напомнила я. — Как я могу быть вашей внучкой?

— Помнишь, как ты тяжело заболела в детстве? — спросила Смерть.

Я нервно вздохнула. Сама я этого почти не помнила, но мама часто рассказывала, как я всех перепугала, как тяжело мне сбивали температуру, и как на несколько мгновений перестала дышать. Потом было много-много дней тяжелой борьбы, много стоившие и мне, и моим родителям. Но я выжила.

— Ты тогда подошла близко-близко к Грани, где нет места живым, особенно таким крохам, и пробыла рядом с ней слишком долго. Но ты крепко держалась за жизнь и смогла выкарабкаться. Ты оказалась очень сильной девочкой. И после редко серьезно болела, ведь так? И в некоторые моменты тебя будто чудо берегло?

Я невольно закивала.

— Грань оставила на тебе свой след. Мне пришлось вмешаться, чтобы уберечь тебя от воспоминаний о ней.

— Но... Харолина?

— Ее мой подарок тоже оберегал, ведь мало того, что она была потомком Игнотуса, так еще и ее мама так молила сохранить ее жизнь, — вздохнула Смерть. — И в дальнейшем я не раз уводила малышку прочь от Грани, не давала ее переступить. Но избавить ее от снов не смогла. И в какой-то момент Харолина просто не желала оставаться в этом мире, ей было так плохо, что она хотела уйти за Грань, к родителям, ведь не раз слышала их голоса, когда оказывалась на краю.

— И вы позволили ей умереть?

— Уйти, — согласилась Смерть. — Перед тем, как я перевела ее на другую сторону, Харолина попросила меня сохранить жизнь тому, кто окажется безнадежен и кому не избежать мира мертвых. Она хотела сохранить хоть чью-то жизнь, если не свою. И я позволила ей уйти. Вот только того, кто неизбежно должен умереть, спасти трудно. И для тебя был лишь один шанс...

Я невольно уткнулась лицом в складки плаща Смерти и постаралась не дрожать. Я не помнила, что со мной случилось, но слова... бабушки принесли ощущение необъятного страха, отчаяния и ужаса.

— Тебе не стоит помнить, — сказала Смерть, и ее голос стал еще глубже, почти разделяясь на мужской, женский и детский. — Просто живи.

— А как же то, что у Харолины такая непростая судьба? — спросила я.

— Ты сильная, — погладила меня по голове бабушка. — И знаешь больше. Ты справишься.

— Как мне быть?

— Не доверяй тем, кто готов пожертвовать *чужой* жизнью, даже если он жертвует ради других. Никто не вправе решать, кому жить, а кому умирать, если только человек не готов отдать *свою* жизнь за жизнь других, — зашептала Смерть. — Тот, кто торгует жизнью других, дорого платит за это.

— А если раскаивается?

— Не многие по-настоящему осознают свою ошибку, — покачала головой Смерть. — Еще помни, что зло не всегда зло, а добро не всегда добро. А между Тьмой и Светом не так много различий. И гораздо честнее то, что можно назвать Тенью.

— Хорошо.

Смерть вновь погладила меня и будто что-то стряхнула с моих плеч.

— Тебе это не нужно, — пояснила она свои действия.

— Что?

— Поводок, — ответила Смерть. — Кто-то очень хотел влиять на твою жизнь...

Я сглотнула, понимая, что должна поблагодарить, но не в силах сказать хоть слово.

— Не нужно, — успокоила бабушка.

— Мы еще встретимся? — со вздохом спросила я, чувствуя, что сон истончается. И тает плащ Смерти под моими пальцами.

— Мы будем часто видеться, — успокоила бабушка. — Но не бойся меня.

— Хорошо.

Когда я открыла глаза, сквозь шторы пробивался солнечный свет. И пусть сон оставил после себя легкое ощущение горечи, я более не чувствовала себя одинокой. Пусть и такая необычная, но у меня была родственница. И раз мне позволено жить, пусть и вместо другого человека, я воспользуюсь этим шансом!

* * *

Пока Лина нежилась в нагретой за ночь постели и с улыбкой рассматривала полог кровати — синий в мелкие золотые звезды, в маленьком городке в графстве Суррей утро началось с проклятий в адрес негодного мальчишки, не вернувшегося накануне домой. Пусть Вернона Дурсля никогда особо не заботил племянник жены, этим утром мужчина впервые чувствовал беспокойство, и оно вылилось у него в множество очень резких слов, часть из которых достались даже жене и сыну.

— Дадли, принеси почту! — рявкнул Вернон.

Дадли насупился, но оставил в покое пирог и вышел из кухни. Через минуту он вернулся с пачкой писем. Отец выхватил у мальчика конверты и открытки и с ворчанием приступил к разбору корреспонденции.

Отложив в сторону счет, он чуть успокоился, пока читал послание Мардж на открытке. А потом увидел то, что меньше всего ожидал увидеть среди своей почты.

— Петунья! — громким шепотом закричал он. — Это... Это! Это от них?

Ничего не понимая, злая миссис Дурсль бросила натирать полотенцем серебряное блюдо и развернулась к мужу. И тут же побледнела до синевы. Она открывала и закрывала рот, глядя на конверт из плотной желтоватой бумаги.

— Что там? — потребовал ответа Дадли, не любивший тайны и всякие непонятные ситуации.

— Ничего, — прохрипел Вернон, прикрыл письмо открыткой и подскочил со стула. Стекло в двери зазвенело, когда мужчина вылетел из кухни. Петунья засеменяла следом, продолжая открывать и закрывать рот.

— Вернон... — выдохнула она, когда супруги заперли за собой дверь спальни.

— Что это значит? — спросил мистер Дурсль. — Ему пришло письмо? И адрес! Посмотри на адрес, Туни! А мальчишка куда-то удрал.

— Что нам делать? — занервничала женщина. — Как быть?

— Игнорировать? — спросил Вернон, а потом решительно покивал сам себе. — Да, игнорировать.

— А мальчик? Он никогда не уходил из дома, всегда ночевал здесь.

— Вернется, — уверенно отмахнулся Вернон. — И лучше, что его не было. Он не видел

письма. Значит, ничего не узнает.

Следующие несколько дней письма приходили пачками и целыми мешками, проникая в дом то через щель для писем, то через щелку под дверью, то в бутылках вместо молока, то в яйцах. Несколько попали даже в машину Вернона. Парочку миссис Дурсль обнаружила в своих домашних туфлях вместо стелек. И все это время Гарри Поттер не возвращался домой. И тогда, доведенные до отчаяния, мистер и миссис Дурсль решили пуститься в бега, чтобы избавиться от настырной совиной почты.

Настроение было приподнятым ровно до того момента, пока я не обнаружила, что дом Поттеров совершенно не пригоден для жизни. Множество комнат и вид на лес не компенсировали тот факт, что в доме отсутствовало электричество или его магический аналог, не было даже газовых ламп, как в доме Блэков. Но если это еще можно было как-то пережить, то вот отсутствие воды в трубах — с трудом. Сказочный особняк магического Рода был просто огромным зданием без удобств и со слоем пыли на каждом видимом предмете, полу и даже на обоях!

Пришлось первым делом сбегать в лес. Благо он и при более близком рассмотрении оказался лесом, а не неухоженным садом, и я смогла уединиться в кустиках. Воды на чай в бутылке не осталось, но во время быстрой прогулки я заметила неподалеку ручеек. Набрав воды в обнаруженное на кухне ведро, отмыла и часть стола, и сидение стула, и парочку чашек про запас.

Выпив очень невкусного и почти бесцветного чаю и доев печенье, я продолжила осмотр дома и леса вокруг него. Хотелось понять, где находится особняк. Ни из окон верхних этажей, ни из разных частей леса я не заметила границы владений, а подъездная аллея вела к воротам, за которыми клубился серебристый туман. Высовывать нос за кованую решетку я не рискнула. Как и не рискнула выйти из особняка через арку в холле. Мало ли, могу ведь и не попасть в дом второй раз.

Лишь к обеду я обнаружила вход в подвал и очутилась, наконец, в ритуальном зале. Это была большая круглая комната, будто целиком высеченная в скале. Потолок, стены и пол плавно перетекали друг в друга, а сплошной рисунок из всевозможных рун, звезд и линий немного светился бледно-золотистым светом, позволяя рассмотреть возвышение в центре.

Небольшой по высоте, но широкий гранитный круг, густо покрытый высеченными на нем рунами, служил обрамлением для огромного плоского драгоценного камня. Внутри камня мягко пульсировал алый огонек, делаая его похожим на гигантский рубин с множеством граней внутри, от которых свет отражался, преломлялся и рассеивался к самому краю.

На ощупь камень оказался теплым и не таким гладким, а сияние завораживало настолько, что хотелось вечно сидеть и смотреть в пульсирующую глубину. Я очнулась в тот момент, когда оцарапалась о рисунок рун на гранитном кольце. Выступившая капелька крови тут же впиталась, руны сверкнули — и алое каменное сердце вспыхнуло ярче.

— Это камень Рода? — спросила я себя, ведь больше некого. Даже многочисленные портреты, развешанные во всех комнатах, кроме спален, не двигались. — Мне надо?..

От фантазии, как я сознательно себя раню и поливаю все кругом кровью, меня передернуло. Пусть я не брезглива, но уже не ребенок, чтобы не задумываться о последствиях. Если и вскрою себе вену, то трижды подумаю и запасусь антисептиком и бинтами.

Зов желудка отвлек от дальнейшего осмотра и раздумий. Я поднялась из подвала, собираясь отправиться обратно к Костехруму. И уже в холле отметила, что все кругом, если сосредоточиться, опутывает сияние нитей разных цветов и оттенков, которые складываются где просто в хаотичное переплетение, где в сияющие руны. Забыв о желании поесть, я увлеклась этим открытием и вскоре поняла, что руны сияют там, где для каких-то целей

были использованы рунные цепочки. А рисунок из линий, завитков и геометрических фигур — чары, наложенные при помощи палочки, а цвет и форма нити зависят от использованного заклинания. А я, пусть не помню ни одного движения палочкой и не знаю ни одной руны, интуитивно понимаю значение каждого символа.

— Видимо, это что-то из родовых особенностей в сочетании с интуицией, — проводя пальцами по линиям на портале большого камина в холле, пробормотала я. Обнаружив разрыв в одном месте рисунка, я, не желая видеть несовершенство, потянула на себя два хвостика нитей, соединила их и лишь после сообразила, что сделала. Тем временем вновь заработавший камин сверкнул зеленым светом, будто приглашая им воспользоваться.

На полке стояла шкатулка с дымлетным порошком, но я не кинулась тут же проверять работу транспортного средства. Сначала я попыталась найти и изменить настройки. Это оказалось сложнее, чем просто связать две порванные нити. Я действовала на голой интуиции, но в конечном итоге удалось закрыть доступ всем, кроме меня, и сменить адрес — не хотелось, чтобы кто-нибудь узнал, что особняк Поттеров нашелся.

— Добрый день, мистер Костехрум, — сказала я, выйдя из камина в кабинете гоблина, искренне надеясь, что мое дилетантское вмешательство в настройки камина не мешает мне вернуться в особняк.

— Здравствуйте, мисс Поттер, — осклабился зеленошкурый. Он сидел за своим широким столом и перебирал какие-то бумаги.

Лишь когда я опустилась в предложенное кресло, Костехрум отложил документы и уставился на меня.

— Решились?

— Да.

Гоблин сам себе кивнул, вытащил и выставил передо мной на стол небольшой каменный сундучок.

— По договоренности с Родом Поттер этот артефакт хранится в банке.

— И что это? — спросила я.

— Хранилище для колец Рода, — явно удивившись моему вопросу, Костехрум отпер сундучок и откинул крышку.

На подушке из алого бархата возлежало несколько колец разного диаметра и из разного материала.

— Это родовые перстни Поттеров, — поведя когтистой лапой, сказал гоблин. — Кольцо главы Рода, наследника, регента Рода и хранительницы Рода. После смены статуса или смерти владельца кольца сами собой возвращаются в хранилище.

Я покивала и вновь взглянула на кольца.

— И какое из них — кольцо лорда?

Гоблин издевательски осклабился и повел лапой вновь, как бы давая понять, что подсказки закончились, выбрать мне придется наобум.

— Вы должны почувствовать нужное, — сказал он.

«Вот попадос!»

Ничего не оставалось, кроме как всматриваться и водить ладонью над кольцами, пытаясь хоть что-то понять. Магия колец была хорошо спрятана, так что пришлось довериться интуиции. И немножко посомневавшись, я подняла широкий ободок из золота, украшенный пятью квадратными рубинами. Стоило его примерить, кольцо сжалось до размера моего пальца, а после произошло то, чего я совсем не ожидала: широкая полоска

золота будто впиталась в кожу, чтобы с пощипывающей болью проступить от запястья и выше золотистой с алыми вкраплениями тату из звезд, солнца, завитков и рун. Я задрала рукав рубашки Дадли, чтобы рассмотреть ее. Рисунок был столь плотным, что скорее напоминал тонкий золотой наруч.

— Поздравляю! — объявил Костехрум. — Вы достойны титула главы Рода.

Я подняла на гоблина полный вопросив взгляд.

— Чтобы стать полноценной леди Поттер, вам надо добраться до камня Рода и окропить его кровью, прося благословения предков. После этого вы, возможно, станете полноценной главой Рода Поттер.

— А если нет? — напряглась я.

— Через какое-то время кольцо вернет свой изначальный вид, — ответил гоблин. — И мало чем будет отличаться от любого самого обычного кольца. Вы даже не сможете его скрыть или вновь сделать наручем.

«А вот и подвох!» — констатировала я.

Выходит, не достаточно просто примерить кольцо. Мало быть достойной титула, надо быть достойной и магии Рода, а она не в кольце, а в камне Рода. Двухфазная аутентификация какая-то!

— Хорошо, спасибо за пояснение, — успокоившись, сказала я. — Скажите, мистер Костехрум, с момента моего ухода происходило что-то важное, что прямо или косвенно касается меня и семьи Поттер?

Гоблин отрицательно покачал головой, его темные глазки сверкнули любопытством.

«Значит, пока мое отсутствие в доме на Тисовой не обнаружено в мире магов, — подумала я. — Это хорошо!»

— А в родовое хранилище я смогу попасть уже после того, как полностью вступлю в права леди? — задала я еще один вопрос.

Гоблин удовлетворительно кивнул.

— Что ж... — пробормотала я. — На этом пока мои дела в банке завершены.

Благодаря брошюре, которую вызубрила наизусть, я за несколько секунд мысленно проложила себе такой маршрут, чтобы выбраться из магического мира в маггловский, минуя Косую Аллею и «Дырявый котел».

Осваиваться в новой реальности и в новом статусе я собиралась с мира обычных людей. Рисковала, конечно, но среди магглов у меня меньше шансов встретить того, кто хотя бы заподозрит во мне Гарри Поттера.

План на первый день был прост: купить вещи на первое время. Именно этим я и занялась, радуясь тому, что волшебный кошелек сам конвертирует волшебную валюту в фунты.

Через пару часов в потрепанном рюкзаке лежала новенькая пижама, темно-серые джинсы, несколько футболок, кеды, белье, носки. А еще пачка чая, коробка печенья, упаковка сыра, сосисок, десяток шоколадок, мешок леденцов. Остальное я тащила в пластиковом пакете: упаковку хлеба для тостов, несколько больших пачек чипсов и три литровых бутылки воды. Оставалось надеяться, что мне удастся вернуться в особняк. Иначе я буду очень глупо выглядеть со всем этим добром, если придется вернуться к Дурслям.

После покупок я забежала в кафе с фаст-фудом и от души побаловала себя вкусными гадостями. Хорошо быть маленькой и тоненькой. В ближайшее время не грозит поправиться, даже если буду лопать жирное и сладкое по семь раз в день.

— Наслаждайся, Лина, — обозрев заваленный едой поднос, шепнула я себе. — Похоже, прямо сейчас есть и не толстеть — единственный плюс в новой жизни.

Последним делом я заглянула в аптеку и купила все, что могло понадобиться в ближайшее время.

На мое счастье камин в гостинице «Маргаритка» спокойно перенес меня домой, стоило бросить под ноги порошок и шепнуть «Дом Ри По в лесу» по-русски. Параноик во мне подошел к шифру со всей ответственностью. Если и найдется поблизости тот, кто знает русский, то вряд ли он сообразит, что Ри По — это от ГенРИетты ПОттер. Зато вышло просто и коротко. И не забуду, и не собоюсь, произнося.

За время моего отсутствия особняк ни капельки не изменился. Пыль, сумрак и ни тени жизни. Я оставила продукты на кухне, сбегала наверх, сменила безразмерные вещи Дадли на новую одежду и с пакетом из аптеки направилась в подвал.

— Ну, начнем, пожалуй, — подойдя к родовому камню и немного над ним постояв, шепнула я и выдохнула. — Будем надеяться, не случится ничего непредвиденного.

Из пакета я извлекла бинт, антисептик и маникюрные ножнички. Пришлось повозиться, чтобы нарезать бинт и сложить его небольшими квадратиками. Протирая руку антисептиком, я вдумчиво оценивала каждую вену. Резать ладонь не стоило. Заживать будет долго, а я не смогу ничего делать. Как и прокалывать пальцы. Вены на запястье наводили на мысль о людях с психологическими проблемами, а в сгибе локтя — откровенно пугали тем, что могу не справиться и сильно себе навредить.

— Вот и решай, — хихикнула я, после того, как протерла всю руку от запястья и почти до плеча. — А! Ладно.

Протыкать руку ножничками было страшно, но нож мне не продали бы ни в хозяйственном, ни в магазине для охотников, а рядом с родовым камнем ничего подходящего не валялось. Застонав от ужаса, когда на запястье быстро выступила огромная капля, я перевернула руку, позволяя крови стекать прямо на огромный рубин. Капли одна за другой мгновенно впитывались, а мне оставалось только наблюдать, как камень Рода разгорается и пульсирует все ярче и быстрее.

Когда в голове немного зашумело, я спохватилась, пережала руку полоской бинта выше локтя, обработала порез и поскорее туго забинтовала.

— Ты идиотка! — обозвала себя. — Разве можно отвлекаться, когда делаешь что-то подобное?

Ответить было некому, а вести с собой диалоги, отвечая то за Харо, то за Лину — шизофрения.

«Ничего, ты освоишься, — убежденно заверил внутренний голос. — На ближайшее очень долгое время твой лучший друг и союзник — ты сама!»

Из ритуального зала я выбиралась почти ползком, а наверху первым делом распаковала шоколадку и умяла ее в несколько больших укусов, едва ощущая вкус. После этого упала на стул и прикрыла глаза.

— Нет. Так не пойдет, — поняла через минуту. — Надо подремать.

Понадеявшись, что сосиски не испортятся, я запихала всю еду в большой белый шкафчик, более всего похожий на своеобразный холодильник, но без холода, и, тем успокоив свою совесть, отправилась в облюбованную спальню. Переделась в пижаму и завалилась спать.

* * *

Развернув утром «Ежедневный пророк» и убедившись, что жизнь в магической Британии тиха и размеренна, Альбус Дамблдор даже немного расстроился. Отсутствие хоть каких-то событий означало, что никто не вспомнит про Великого и Светлого мага, мудрого старца и защитника, не придет за советом и не будет благодарен впоследствии.

Как же хорошо жилось раньше! Пусть Гриндевальд или Волдеморт пугали волшебников, но для Альбуса их присутствие на арене было лучшим временем жизни. Кровь бежала по венам, разум был занят разработкой планов и просчитыванием будущего на несколько шагов вперед. Как хорошо было быть игроком, фигурки которого движутся по шахматной доске в танце, известном лишь гроссмейстеру. А сейчас?

Его, самого известного волшебника Британии, задвинули в темный угол и прикрыли пыльным куском ткани! О нем пытаются забыть!

— Ничего, скоро все вспомнят, кому обязаны своим спокойствием, — добродушно усмехнулся директор. — Ждать осталось совсем недолго.

Чуть больше месяца осталось до поступления в Хогвартс мага, для которого Альбус уже разработал очень занимательную партию на своей игральной доске. Осталось лишь установить фигурку Гарри Поттера на предназначенную ему клеточку.

Довольно напевая прилипчивый мотивчик, Дамблдор наполнил чашку чаем и бросил в рот лимонный леденец. Скосив взгляд, волшебник пронаблюдал за тем, как зачарованное перо раз за разом выводит на конверте адрес.

Уже скоро все изменится. Надо только дождаться письма из банка с ключом от сейфа Поттера, а потом директор снарядит Хагрида с визитом к юному Гарри. Стоит даже заранее предупредить великана, чтобы тот успел заранее порыдать и подготовиться.

* * *

Но ключ не прибыл ни в этот день, ни через день. Нацепив маску смирения и доброжелательности, Альбус Дамблдор совершил личный визит в Гринготтс, но самый главный гоблин взглянул на него сквозь очки и сообщил:

— У нас нет ключа от сейфа Гарри Поттера.

— А где он? — самым вежливым тоном уточнил Дамблдор. У него не было видов на содержимое сейфа своего героя, хотя деньги из наследства Джеймса закончились еще пару лет назад, но ключ был хорошим способом держать мальчика под контролем. Тот ни в коем случае не должен и помыслить себя свободным и независимым.

— Мы не можем этого знать, — осклабился, что у гоблинов означало вежливую улыбку, самый главный гоблин.

Дамблдор внутренне напрягся, хотя внешне ничто не выдавало его состояния. Он ужасно не любил общаться с гоблинами. Все время казалось, что они издеваются над ним.

Альбусу нравилось слыть чудаковатым, это давало более широкий простор для маневра, и никто никогда заранее не знал, что директор выкинет. Но совсем другое дело — быть смешным в глазах существ, которых Дамблдор считал не такими уж и разумными.

— А кто может знать?

— У вас нет полномочий для владения этими сведениями, — очень серьезно ответил самый главный гоблин.

И даже некоторое время спустя добиться от гоблинов объяснений не удалось. Зеленошкурые не только заявляли о собственной независимости от законов и властей остального магического мира, но и оправдывали собственные заявления.

Дамблдор вернулся в Хогвартс в середине дня, чтобы увидеть сотню сов, рассеявшихся на

всех мыслимых и немыслимых поверхностях в собственном кабинете. И если пережить изгнание галдящих наглых птиц, каждая из которых требовала компенсацию за неудавшуюся доставку, кое-как удалось, то сотня пятнышек на полу, столе, кресле, приборах и шкафах едва не довели волшебника до припадка.

С десяток раз взмахнув палочкой, чтобы удалить грязь, птичий помет и перья, Дамблдор вытащил из шкафа прибор, распознающий местонахождение Гарри Поттера.

Всего артефактов, настроенных на мальчика, у директора было не меньше полудюжины. Большую часть времени он следил лишь за одним — пластинкой с множеством разнокалиберных трубочек, из которых то и дело вырывались сгустки разноцветного дыма. Этот маленький прибор давно и прочно занял место на столе директора, и многие воспринимали его как забавное украшение, не видя его истинного назначения. Другие артефакты были и в разы больше, и от них сильнее фонило ныне запрещенной магией. Альбусом же, как главой Визенгамота, запрещенной.

Извлеченный артефакт напоминал большой компас — укрепленный на полусфере диск из серебра, который наклонялся из стороны в сторону, когда крохотные шарики на нем перекачивались по лабиринту бороздок.

Установив прибор в центре стола, Дамблдор привычным жестом активировал его и приготовился наблюдать за появляющимся над пластиной изображением. Когда-то давно Альбус привязал этот артефакт к мальчику, и с тех пор в любое время дня и ночи мог понаблюдать за ним так, будто находился совсем рядом, но за десять лет использовал эту возможность всего раз пять или шесть. Находились и более важные дела, чем лично следить за Гарри Поттером. Отчетов Арабеллы хватало с лихвой.

Ждал директор довольно долго, но ничего не происходило. Тогда он еще раз активировал прибор, но и со второй попытки ничего не вышло. Мысленно выругавшись, Альбус отсоединил диск от полусферы и заглянул в крохотный резервуар под ним. От легчайшего дуновения мелкая, как прах, алая пыль облачком вырвалась из углубления и рассеялась по столу.

— Что... — выдохнул Дамблдор и замер, рассматривая собственный стол. На его памяти ничего подобного прежде не происходило. Правда и о кровной магии Альбус знал очень мало. — Ничего. Не страшно.

Успокаивая себя, директор извлек еще один прибор, завязанный, на этот раз, на Петунью ныне Дурслей. Настроил его Дамблдор много лет назад, когда получил письмо от этой нахальной магглы. У Альбуса были большие планы на Лили, и не хотелось, чтобы им помешала ее старшая сестрица. После этот предусмотрительный жест очень помог, ведь даже сама юная миссис Поттер не знала, куда перебралась ее старшая сестра после свадьбы с Верноном Дурслем.

На этот раз прибор сработал надежно, и над ним, возникая линия за линией, оказалась спроецирована сильно увеличенная карта какой-то местности. Не узнав в изображении город, где все эти годы жили Дурсли, Альбус насторожился.

Пробуждение вышло внезапным и пугающим. За стенкой грохотало, почти взрывалось, и я по старой общажной привычке попыталась нащупать на тумбочке телефон, чтобы затем уползти под стол у окна.

Телефона на привычном месте не оказалось, а край кровати отодвинулся настолько, будто я спала не на своей продавленной полуторке.

Где-то рядом все еще что-то гроыхало, скрипело, пищало и свистело, но я осталась лежать, непонимающе таращась в темнеющий над головой полог кровати.

«Где я?» — возник в голове запоздалый вопрос, но тут же вспомнилось все, что приключилось со мной за последние дни. И интуиция подсказала, что лучше остаться в комнате и переждать.

— Я же не героиня малобюджетного ужастика, где герои знают, что в подвале кто-то есть, но все равно отправляются вниз, — напомнила я себе, и внутренний голос поддакнул. Ему уже стоило придумать собственное имя.

Этим я и занялась, настороженно прислушиваясь к пугающей какофонии за пределами спальни.

— М... Моя интуиция? Слишком просто, — перебирала я. — Мой мудрый внутренний голос. Слишком пафосно. Шиза? Просто... слишком.

* * *

Дамблдор вернулся в свой кабинет и раздосадовано упал в кресло. Он побывал в Литтл Уингинге, но там его постигло первое разочарование. Арабелла лишь растерянно хлопала глазками, когда Альбус ворвался в ее дом и потребовал ответа.

Оказалось, сквибка сломала ногу, вернулась домой три дня назад и почти не вставала с постели. Поэтому она не видела ни самого Гарри, ни Дурслей, ни сов с письмами.

Осторожные расспросы соседей, легилименция и последовавшие за всем этим Обливэйти тоже ничего не дали. Только выяснилось, что Вернон Дурслль оставил в своей фирме неясное сообщение на автоответчике, что уезжает с семьей в отпуск, но никто из его работников не знал, куда именно так спешно отправились Дурсли.

Карта, которую показывал артефакт, была ужасно неудобной, но кое-как Альбус разобрался и отыскал миссис Дурслль. Та вместе с мужем и сыном нашла в какой-то маленькой гостинице в Коукворке. Заглянув в разум всех троих, Дамблдор ничего не выяснил о местонахождении Гарри Поттера. Лишь то, что однажды вечером несколько дней назад тот не вернулся домой и больше не появлялся.

Дальше Дамблдор искать не стал, и так понимая, что время упущено. И виноват в своей неудаче он сам. Не стоило все пускать на самотек.

Много лет назад он так спешил избавиться от маленького проблемного комочка, что быстро написал записку, прицепил к ней чары, которые должны были заставить того, кто прикоснется к пергаменту, не любить, но принять сына Джеймса и Лили, и с облегчением отправился наслаждаться заслуженными почестями. Правда уже через день газеты подхватили брошенные им слова, и вместо того, чтобы восхвалять ум и прозорливость Альбуса Дамблдора, орденцы которого победили Волдеморта и спасли мир, волшебники вознесли на пьедестал Мальчика-Который-Выжил.

Пережив разочарование, Дамблдор спешно вернулся в маленький городок близ

Лондона, чтобы провести над Гарри ритуал «Паутина». Альбусу совсем не хотелось, чтобы уже через день дом по Тисовой завалило письмами от поклонников, а Дурсли заподозрили, что подброшенный им мальчик не просто волшебник, а известный волшебник.

Тогда же Дамблдор привязал к Гарри пару артефактов-следилок. Но один прибор был темным и очень мощным. Его нельзя было завязывать на ребенка. И тогда Альбус исхитрился и обошел это ограничение, привязав Гарри к артефакту через тетку. Но из-за этого следилка работала не слишком корректно. Она показывала точное местонахождение мальчика лишь в том случае, если он жил в одном доме с миссис Дурслей. Но стоило двум связанным объектам разлучиться хотя бы на сутки — и артефакт сначала сбоил, продолжая показывать положение Гарри прежним день или два, а потом отключался.

Пару раз за эти годы Дурсли уезжали в отпуск и оставляли мальчика с Арабеллой. Тогда артефакт отключался, но вновь начинал работать через три дня после того, как Дурсли возвращались.

Но этим летом отъезда Дурслей не предвиделось. И Альбус расслабился. И не допустил и мысли, что Поттер куда-то денется. Перо, которое Альбус настроил на следилку, выводило адрес, а мальчика уже не было в доме по Тисовой улице. Оставалась надежда на артефакт, постоянно находившийся на столе директора, но и тот перестал работать, хотя все, что он показывал — состояние физического и магического здоровья Гарри Поттера.

Думать о том, что Поттер не просто исчез, а погиб, не хотелось. Это происшествие тут же обрывало все планы Альбуса на многие и многие годы вперед.

* * *

Из безопасного укрытия спальни я выбралась лишь к полудню нового дня. Дом, как ни странно, не развалился, на него не напали дикие звери, не случилось внезапного локального ливня. Объяснить шум и тряску было нечем, пока я по привычке не крутанула кран на кухне, забыв о том, что в трубах нет воды. Выругавшись, я отвернулась к ведру, собираясь зачерпнуть из него немного для умывания, и тут раздался такой знакомый, такой обыденный и такой чарующий шум воды, что несколько секунд просто стояла и ошарашено таращилась на то, как в раковину хлещет кристально чистый ледяной поток.

Как оказалось, с того момента, как я проверяла в последний раз, в доме появился свет, вода и заработали бытовые артефакты. На выяснение этого я потратила несколько часов, всякий раз восторженно вскрикивая, как ребенок.

Теперь у меня была возможность нормально жить в огромном, пугающе пустом, но удобном доме. Домик Ри По в лесу ожил! Я могла зажигать лампы во всех комнатах, вода шла из всех кранов во всех ваннах, работал слив в уборных, а на кухне активировался шкаф, который оказался не холодильным, а с чарами стазиса. Именно в него я вечером сунула продукты, так что всеми новыми удобствами я наслаждалась еще и на сытый желудок.

До комфорта было еще далеко, но приятные перемены позволяли надеяться на светлое будущее. И я старалась не думать о том, что, вероятно, все в доме работало на моей собственной магии, перейдя в камень Рода с моей кровью. Вроде и весело чувствовать себя источником собственного комфорта, но фантазия очень быстро начала подбрасывать картинки того, как дом однажды ночью съедает меня, чтобы оживить еще что-нибудь. Бр-р!

В следующий выход из дома я накупила кучу всего необходимого для того, чтобы продержаться в доме до отъезда в Хогвартс. Возникла мысль вообще не ехать в школу, но это означало, что мне надо обустроить не домик девочки Лины, а убежище леди Поттер. Вряд ли про меня забудут, если первого сентября я не явлюсь в Хогвартс. Уж Дамблдор точно

поднимет на уши все доступные ему силы, и меня будут выслеживать и загонять, как дичь.

Пока меня спасало то, что Смерть, похоже, оборвала все висящие на мне следилки. Но никто не гарантирует, что волшебники не найдут новые способы меня разыскать. Особняк Поттеров надежно скрыт, конечно. Вряд ли хоть кто-то знает, где находится дом. И вряд ли у кого-то есть возможность в него попасть. Но не буду же я сидеть в особняке постоянно. Надо будет хоть раз, но выйти до семнадцатилетия, а там попадусь на глаза какому-нибудь магу — и все, конец. Глаза у то ли девочки, то ли мальчика Поттера очень уж приметные. Да и шрам, хоть и тоненький, но есть.

В общем, немного поспорив с внутренним голосом, я разработала простой и выполнимый план: месяц стараюсь как можно меньше контактировать с магическим миром, постигаю основы обитания среди волшебников и являюсь на вокзал утром первого сентября. И это означало, что хоть раз, но мне придется выбраться на Косую Аллею за покупками, а все остальное время я могу вполне комфортно получать необходимое в маггловском мире.

Действуя согласно плану, я прикупила кое-какую бытовую химию, косметику, средства гигиены, еще немного одежды и еды. И приступила к более вдумчивому осмотру дома. Если рассуждать логически, в доме волшебников наверняка должно было найтись достаточно вещей, которые я смогу использовать не только в самом доме, но и за его пределами.

Именно поэтому тщательному осмотру в первую очередь подверглись спальни Джеймса и Сириуса. И я не ошиблась! Нашлись учебники по чарам, трансфигурации, астрономии и другим предметам. И книги были в прекрасном состоянии. Я без раздумий перетащила их в комнатку по соседству со своей спальней — мою новую комнату для занятий. В итоге мне предстояло купить лишь книги по зельям и защите. Все остальное совпадало со списком учебников за первый курс, который я помнила по канону. Оставалось лишь при первой возможности проверить свою память в магазине, взглянув на собранную стопку учебников.

Кроме книг нашлись черновики летних домашних заданий, письма, квиддичные журналы и огромное количество черновиков на начатые, но так и не законченные Джеймсом артефакты. Перебирая листочки, я осознала, что отец Харолины был увлекающимся раздолбаем, но раздолбаем невероятно талантливым. Даже я, ничего не зная о магии, понимала почти все и понимала, что это гениально.

Впервые я ощутила, что у маленькой девочки, место которой я заняла, был отец. И тот должен был стать артефактором, но почему-то решил, что его миссия в жизни — воевать. И это все плохо закончилось. Но я не могла на него злиться. Я чувствовала лишь жалость и скорбь.

— Он ведь был не старше меня, когда его убили.

Эта мысль пугала до чертиков. Мне умирать не хотелось. И даже участвовать в чем-то, что сопряжено с опасностью.

В шкафу Джеймса я обнаружила немного потрепанный рюкзак, оказавшийся совсем не рюкзаком, а каким-то невероятно дорогушим артефактом. Методом тыка я определила, что одна из рунных цепочек превращает простой и легкий рюкзак в огромный сундук с десятками отделений, каждое из которых обладало своими чарами расширения пространства. Просто брошенные в рюкзак вещи попадали в самое первое отделение, а не разлетались по сундуку случайно. Это обнадеживало, ведь у меня в планах был один, но очень большой забег по магазинам в магическом мире.

Нагрязнать на Косую Аллею и в парочку других мест я решила в последний день июля. Это было рискованно, но мое любопытство перевесило осторожность. Почему-то я решила,

что один раз удастся проскочить незамеченной.

Был лишь один момент, где не удастся действовать инкогнито. И это лавка Олливандера. Но мне нужна волшебная палочка. Без нее никак. Именно поэтому дальше дом я обыскивала очень тщательно.

И была вознаграждена, когда обнаружила комнату, которой раньше то ли не было, то ли я ее не видела.

Это было небольшое помещение, похожее на сейф в Гринготтсе, но здесь на полках хранилось не золото, а семейные реликвии Поттеров: вышитые золотом мантии, украшенные драгоценными камнями и пышными перьями шляпы, рукописи... и волшебные палочки. Именно ими я и занялась, надеясь, что хоть одна из палочек мне подойдет.

Не желая повредить какую-нибудь семейную реликвию, я вынесла палочки из хранилища и расположилась с ними на широкой поляне среди леса. Палочек было больше трех дюжин, каждая в своей деревянной коробочке с небольшой карточкой-вкладышем — кто-то заморочился и не только подписал имена прежних владельцев, но и состав палочек.

Для начала я разделила палочки по внешнему виду, решив проверить красивые в первую очередь. Если ни одна не подойдет, то я успею смириться, если в итоге откликнется какая-нибудь неказистая.

Посмотреть было на что! Одна палочка очень напоминала кривую и короткую палочку Беллатрисы, другая пестрела инкрустацией из разных пород дерева и драгоценных камней. Одна была полностью гладкой, но из золотистого дерева, а другая поражала воображение тончайшей резьбой.

Но красивые и необычные палочки оставались лишь кусками дерева в моей руке. Я приуныла и перешла к палочкам попроще. Но и ивовая, и рябиновая, и сосновая палочки никак не откликнулись. А парочка палочек с сердцевинкой из жилы дракона и вовсе окатили холодом, как презрением. В итоге осталось всего две палочки, и я присмотрелась к ним повнимательнее, растягивая время перед окончательным провалом.

Палочкой из эвкалипта владел некий Харольд Поттер, живший более трех столетий назад. Палочка выглядела все еще крепкой, но на ней остались сколы и царапины. Мне она понравилась менее всех остальных.

Стоило взять ее в руки — и старенькая палочка к моему ужасу осыпалась пеплом прямо в траву. Но я не испытала вины за это. Лишь облегчение. Палочка выглядела хуже, чем первая палочка Рона Уизли.

Последнюю палочку я откладывала подальше не из-за внешнего вида, а из-за древесины, из которой она была сделана. Со вздохом взяв палочку в руку, я прикрыла глаза, не желая видеть пусть и другую, но все же остролистовую палочку. Но через миг распахнула глаза, ощутив, как палочка мягко нагрелась в ладони.

— Никуда от этого не деться, — смиряясь, выдохнула я, когда из кончика палочки посыпались золотые и фиолетовые искры.

Теперь я более внимательно рассмотрела палочку и прочла карточку. Светло-серое с зеленоватым отливом дерево, довольно короткая и простая палочка, лишь рукоять украшена тонким рисунком, похожим на мелкие чешуйки. Ничего выдающегося или примечательного. И ничего о сердцевине. Самой интересной деталью палочки было имя ее предыдущей владелицы. Ею оказалась тезка Харо, Харолина Поттер, бабушка Джеймса.

— В этом есть что-то символичное, — нашла я положительный момент в случившемся. — Лучше так, чем палочка-близнец Волдеморта.

На вокзале я была за час до отправления поезда. Во-первых, ужасно боялась запутаться и не успеть, а во-вторых, хотела без помех рассмотреть и платформу, и вокзал с магической стороны. Выданный Костехрумом справочник оказался настоящим кладом! Одной этой тоненькой книжки хватило, чтобы показать, как мало Гарри знал о магическом мире.

Так с маггловского вокзала попасть можно было не только на платформу 9 и 3/4, но и на несколько других: 10 и 3/4, 8 и 3/4, 7 и 3/4. На самом деле с магической стороны расположился самый настоящий магический вокзал, с которого можно было не только уехать в Хогвартс, но и отправиться через пролив, а так же в Эдинбург и Кардифф, например. Да и Хогвартс-экспресс ходил чаще, чем казалось. Пусть его расписание и подстраивалось под нужды учеников, но во время учебных месяцев поезд совершал поездки до Лондона и обратно раз в две недели.

Все это я узнала в зале магического вокзала, вход на который обнаружила на платформе со стороны головы поезда. Через этот зал можно было попасть и на остальные платформы. А большая мемориальная доска на стене рядом с расписанием сообщала, что в конце шестидесятых и начале семидесятых несколько лет поезд в Хогвартс отбывал с ныне закрытой платформы 6 и 3/4.

Это объясняло довольно странный вопрос Молли Уизли. По крайней мере, я решила пока не воспринимать эту семью в штыки и рассматривать все возможные версии. Хотя идти и проверять, как Уизли отреагируют на меня, не решилась. Пусть и очень хотелось это сделать. Как и наплевать на все и отправиться камином сразу в Хогсмид, а не трястись несколько часов в поезде. Не может же быть, что совершенно все студенты прибывают в школу на поезде из Лондона! А как же те, кто живет в Шотландии, например?

На платформе пока было мало народу, так что я без помех заняла купе ближе к хвосту поезда, устроилась поудобнее и принялась наблюдать. Торопыг, подобно мне, не было. По-настоящему платформа начала заполняться людьми лишь в половине одиннадцатого. Но я не жалела. Во всем есть плюсы. Моим плюсом было то, что появилась возможность рассмотреть значительную часть студентов, которых мне предстояло видеть в школе каждый день. А приоткрытое окно позволило еще и узнать имена некоторых. И без имен многих я бы и не узнала, хотя данному факту не удивилась, прогулявшись на Косую Аллею тридцать первого июля.

За день до этого важного похода я серьезно задумалась над тем, стоит ли гримироваться. Раздумывая, я долго крутилась перед зеркалом в полный рост. Более всего расстраивало то, что девочкой на один день прикинуться не выйдет. Петунья так остригла непослушные волосы Харо, что я более всего походила на помойного котенка, чем на девочку. Более того, рассмотрев себя как следует, я поняла, что Петунья не просто сэкономила на парикмахере для Харо, а сознательно уродовала ребенка. Даже я, не присматриваясь, считала свою новую внешность весьма средней, если не хуже. На деле же Харо была довольно миленькой маленькой девочкой.

Ничего так и не придумав, я пару раз дернула себя за пряди, жалея, что у меня нет времени отрастить волосы, и отправилась спать. А утром... При пробуждении я заорала от страха, увидев перед лицом темную завесу. Это потом я обнаружила, что за ночь мои волосы отросли до середины спины, а сразу показалось, что на меня кто-то набросил темную ткань.

Оказалось, что волосы у Харо вовсе не торчат в разные стороны непослушными прядями, просто у Поттер блэковские кудри, которым совершенно не подходят короткие стрижки. Под собственной тяжестью отросшие пряди распрямились у корней и вились блестящими локонами на концах.

С длинными волосами мое лицо совершенно преобразилось. Стали видны и высокие скулы, и острый подбородок, и даже глаза заблестели ярче. Теперь меня бы и Дурсли не узнали, увидев в шаге от себя.

Завершила преобразование я уже на маггловской стороне, купив в большом торговом центре довольно обычное серое платье, белые гольфы и удобные туфли из черной кожи. Образ серой мышки разбила желтым кардиганом и желтой же лентой в волосы. На фоне яркого элемента цвет глаз чуть потерялся. Волосы заплела в две толстые косички.

В магическом Лондоне я появилась со стороны банка и решительно направилась в магазин писчих принадлежностей. Несколько раз ходить на Косую Аллею не планировала, а потому стоило поскорее прикупить все нужное. За каких-то два часа я обошла несколько магазинов, скупая пергамент, чернила, перьевые ручки, стилизованные под перья, недостающие учебники, дополнительную литературу, все для практических занятий по всем предметам и тому подобные вещи. Очень помогало то, что продавцы при моем появлении уточняли только курс, и никому ничего объяснять не приходилось. Неполный набор учебников продавец в книжном тоже сам себе быстро объяснил тем, что у меня должен быть старший родственник-студент.

Дополнительную литературу выбирала почти вслепую. Задавать вопросы побоялась, чтобы не привлекать внимание, а без помощи в огромном магазине найти много стоящего не удалось бы ни одному магглорожденному. Думая об этом, я заинтересовалась тем, по какому принципу и кто советовал дополнительную литературу Гермione, раз девочка еще до школы знала все о Гарри Поттере.

Думая об этом, я еще в магазине пролистала учебник по зельям и мысленно выругалась. На паре сотен страниц почти не было никаких объяснений, лишь бесконечные рецепты. Скупые и не очень внятные. Если я не найду хоть что-то еще по предмету, то провалюсь на первом же уроке с таким же треском, как и Гарри.

Когда со всеми основными покупками было покончено, я отправилась покорять единственный магазин, мысль о котором вызывала беспокойство. Магазин «Мантии на все случаи жизни» встретил меня шелестом ткани, звоном ножниц в задней комнате и усталым пыхтением замершего на подставке светловолосого мальчика.

«Малфой?» — мысленно опешила я, быстро отведя взгляд. Пришлось отвернуться к вешалкам справа, чтобы скрыть удивление.

На знакомый мне образ Драко этот мальчик не походил совершенно. Тощий, какой-то нескладный мальчик, с не просто светлыми, а совершенно белыми волосами, при моем появлении поднял взгляд темно-серых глаз. Честно говоря, этому Малфою было очень далеко до своего киношного образа.

Я приготовилась отбивать словесные атаки, но блондин помалкивал. Я не могла повернуться и посмотреть на мальчика, чтобы понять причину его молчания, а потому просто мялась у вешалок со школьными юбками для девочек.

— Едем в школу, милая? — раздался веселый голос, и передо мной появилась мадам Малкин — аккуратненькая брюнетка в идеально скроенном комплекте из платья по моде прошлого века и укороченной мантии.

— Здравствуйте, — вежливо сказала я, быстро соображая, как поступить.

Я планировала купить брюки, рубашки и все остальное в маггловских магазинах. Но мне нужны были мантии, а я совершенно не представляла, есть ли разница между мантиями для мальчиков и для девочек.

— Мне пока рано ехать в школу, — начала я импровизировать, — но мой брат поступает в Хогвартс в этом году. Я хочу сделать ему подарок. Мама дала денег. И я подумала, что пара лишних мантий — более практичный подарок, чем шоколад или печенье.

Для подтверждения легенды я вытащила из кармана десяток золотых. Мадам Малкин доброжелательно улыбнулась, и я добавила:

— Думаю, не составит труда подыскать нужное — мы с братом одного роста.

Теперь у меня была возможность повернуться и бросить украдкой взгляд на Малфоя. А тот продолжал помалкивать и непреступно таранился в окно. Только на бледных щеках проступил легкий румянец.

В итоге оказалось, что мантии от мадам Малкин универсальные. И даже на седьмом курсе и парни, и девушки носят одни и те же бесформенные хламиды. Настоящее гендерное равенство! Различались мантии лишь по качеству материала и по числу пуговиц.

Через несколько минут Малфой все так же молча удрал, прихватив свой заказ, а я осталась и долго вдумчиво щупала разные мантии, попутно запоминая фасоны и цвета другой школьной одежды. А потом купила три мантии не из самой дорогой, но наиболее внешне приемлемой ткани. И прихватила каталог.

Большую часть одежды в итоге купила в обычном мире, благо белые рубашки, черные брюки, серые пуловеры продавались в каждом магазине одежды. Как и обувь. А путем нехитрых манипуляций через Костехрума удалось дозаказать у Малкин защитные перчатки, зимние мантии, галстуки, шапку, перчатки и шарф. Благо подобрать оказалось совсем не сложно.

И теперь мой удобный рюкзак, он же сундук, наполнял такое количество одежды, какого у меня в прошлой жизни и близко не было. Одних носков и платков целая гора. Чтоб уж наверняка.

— Оливер! — вскричал кто-то на платформе, отвлекая меня от самолюбования.

Как раз перед моим окном на ходу замер и недовольно нахмурился высокий полноватый мальчик.

— Оливер!

Его догнал такой же высокий тощий паренек с оттопыренными ушами.

— Что тебе надо, Флинт? — недовольно спросил полноватый.

Я только хмыкнула. Лопухость ничуть не портила довольно симпатичного в этой реальности Маркуса.

Дальнейший разговор я не услышала, переключившись на возникшую в отдалении Гермиону. Вот Грейнджер узнавалась без труда: грива волос, кругленькое личико, выпирающие передние зубы.

Девочка сосредоточенно тащила огромный чемодан, пыхтела, отдувалась и успевала все внимательно рассматривать.

Потом появились и другие знакомые по книгам, но слабо или совершенно не узнаваемые мальчики и девочки. Разве что еще Невилла я угадала без сомнений, заметив рядом бабушку и жабу.

Устав разглядывать волшебников, я отвлеклась на то, чтобы обжить имеющееся

пространство. А потому едва не пропустила появление семейства Уизли.

Впереди рыжей колонны рябых бледноглазых подростков неслась низенькая толстая тетка в вязаном берете. На буксире Молли Уизли тащила невнятную мелкую пигалицу, половая принадлежность которой угадывалась исключительно и только по ситцевому платью в мелкий цветочек. Платье довольно сильно походило на ночную рубашку. Остальные дети неслись по бокам и позади миссис Уизли, от них все разбегались в стороны, не желая попасть под колеса их тележек.

Рона среди этого рыжего вороха усмотрела лишь с пятой попытки. Он, как и многие, очень сильно отличался от знакомого образа: маленькое, как у зверька, лицо, кудрявые волосы, светло-голубые глаза. Высокий для своего возраста, он почти не уступал близнецам, но казался настолько худым, что его легко бы сдул сильный порыв ветра.

— Полное несоответствие, — хмыкнула я, разглядывая лицо, в котором не было ничего наивного и простецкого. — Похоже, будет интересно!

Я отвернулась, взяла извлеченную из рюкзака толстую тетрадь, сбросила ботинки и улеглась на диванчик, вытянув ноги.

Месяц жизни в особняке пролетел незаметно. Я листала учебники, тренировалась писать пером и продумывала план на первое время в школе. Заучивать школьную программу в мои планы не входило совершенно. Хотя, казалось бы, ответственный попаданец должен знать и уметь все и вся. От кулинарии до строительства космической ракеты! Что там говорить про учебники за первый курс Хогвартса! Но мне претила идея впечатлять преподавателей. Оставим эту роль Грейнджер. Мне хватит и среднего уровня.

Гораздо больше времени я тратила на поиск полезных книг в домашней библиотеке и на исследование каждого сантиметра моего нового дома. Этого вполне хватало, чтобы не скучать.

Через день я спускалась в ритуальный зал и сцеживала на алтарный камень немного крови. Чем дольше я это делала, тем быстрее заживали мои ранки, тем лучше себя чувствовала. Да и на дом мои манипуляции действовали. К магическому освещению и работающей канализации прибавились включившиеся чары уборки, благодаря которым с видимых поверхностей исчез толстый слой пыли. А я еще четче стала видеть магические нити. Даже недолгое время чувствовала себя особенной, пока не вычитала случайно, что видеть магию, вообще-то, нормально. Почти все волшебники видят магические нити без каких-либо дополнительных манипуляций. Лишь магглорожденные, полукровки и носители ограничителей, сильных проклятий и печатей через одного этого лишены.

Ближе к сентябрю я закончила исследовать дом и прилегающую территорию и решила повнимательнее осмотреть домик Джеймса и Лили. Я не надеялась, что найду что-то полезное. Все же в доме родителей Харо уже кто-то знатно порыскал, вынеся все ценное.

Для начала я отыскала довольно много фотографий и колдографий как Лили и Джеймса, так и их друзей, родителей. А в маленьком потрепанном маггловском альбоме оказались детские фото Лили, ее сестры, Северуса Снейпа. Было странно рассматривать маленького невзрачного мальчика и осознавать, что он вырос в грозного профессора зельеварения. Я тогда еще подумала, что никому из друзей Джеймса и Лили не повезло в жизни. Они, конечно, не были в этом виновны, но близость к ним в том или ином виде задела каждого, даже Снейпа, с которым гриффиндорка разругалась еще в школьные годы.

Обойдя дом, в последнюю очередь я заглянула в детскую. Даже у меня, которую никак не затронула эта трагедия, наворачивались слезы при мысли, что именно в этой комнатке на глазах ребенка убили его мать.

Что-то заставило меня внимательно осмотреть детскую и заглянуть под матрас в кроватке. Там-то и обнаружилась тетрадь, которая сейчас лежала у меня на коленях.

Я погладила тетрадь по корешку, наслаждаясь шероховатостью кожи, и раскрыла ее на случайной странице. Дорога предстояла длинная.

Обнаружив тетрадь, я сначала разочаровалась. Но через мгновение поняла, что обнаружила самую ценную вещь, оставшуюся в доме. Ну-у... кроме многочисленных фотографий.

Их я собрала и перетащила в особняк, а там при помощи веревки и обычных бельевых прищепок соорудила настоящую стену памяти. Раз у меня нет живых портретов, то пусть будут хотя бы колдографии и фотографии. Жаль, что у меня лишь карточки чужих родителей и их друзей, а не настоящих близких.

Тетрадь же была дневником Лили. И раскрылась мне лишь после капельки крови на корешок. Защита дневника поражала сложностью. Даже мне, вроде как дочери, дневник был доступен лишь частично. Я не могла открыть его на определенной записи или пролистать. И за раз мне открывалась лишь одна случайная запись.

Первая запись, на которой дневник открылся, датировалась октябрём восемьдесят первого, а последняя на данный момент — ноябрём семьдесят первого. Но внешне тетрадка не казалась такой уж толстой, так что я списала все на чары. Или на леность рыжей гриффиндорки, раз за десять лет она не исписала и сотни страниц.

Для себя я решила, что не буду читать дальше, если попадется что-то смущающее, но пока дневник Лили Эванс показывал эту особу пусть импульсивной, но все же вдумчивой и разумной девушкой. Она рассуждала о несовершенстве системы магического образования, искала способы улучшить лечебные зелья, жаловалась на волшебников и с нежностью делилась моментами своего материнства. У меня почти сразу вошло в привычку чтение по одной заметке каждый вечер перед сном. Вчера я почитать не успела и сейчас надеялась хоть немного отвлечься.

Нынешняя запись относилась к первым дням учебы Лили на втором курсе, и ее переполняло негодование хозяйки тетради:

«Вот и начался новый учебный год. Я снова живу в одной комнате с несколькими девочками и вынуждена терпеть присутствие Блэка и его компашки в гостиной, в Большом зале и на занятиях. Только в этом году эти глупые мальчишки стали еще злее! Они не только задирают Сева, мне тоже достается. Поттер вздохнуть не может, чтобы не сказать какую-нибудь глупость или гадость. Хуже всего в гостиной. Там мне совершенно не дают проходу. Теперь все эссе пишу в библиотеке.

Познакомилась с девочками-рейвенкловками. Оказывается, в Хогвартсе есть и другие студентки, кому нужна учеба, а не журнальчики и сплетни. Более того, мои новые подруги тоже считают программу обучения излишне упрощенной.

После бесед с девочками решила обратиться к декану с просьбой о переводе на другой факультет. И что же? МакГонагалл на все мои аргументы только губы поджала и через день пригласила к директору! И уже Дамблдор два часа мне объяснял то, что можно уложить в несколько фраз: Как я могу предавать свой факультет? Это не по-товарищески. Нельзя поддаваться сиюминутным желанием. Гриффиндор — лучший.

Всю лекцию я таращилась в одну точку, пытаюсь понять, как личный выбор одной второкурсницы, имя которой большая часть львов вообще не знает, может повлиять на отношение к учебе всего факультета. Но, так или иначе, в перераспределении мне отказали. Да еще и сообщили о моей просьбе всему Гриффиндору. Теперь Блэк и его подпевалы зовут меня предательницей. Я же в отместку стала чаще ходить на дополнительные уроки к Флитвику и Слагхорну. А декану прямо в лицо заявила, что ее предмет мне более не интересен. Теперь Гриффиндор ежедневно недополучает баллы, ведь мне не хочется отдуваться за других!»

Хмыкнув, я оторвалась от чтения. Лили, оказывается, была не такая уж и милая, скромная и послушная девочка. Второй курс, а характер покруче гермиониного! Да и внушаемости поменьше будет. Жаль, что мне не суждено познакомиться с этой волшебницей.

Запись Лили вернула меня к размышлениям о выборе факультета. От этого решения зависело мое будущее на ближайшее время. И очень сильно зависело!

Я не планировала до окончания времен скрывать свой пол. Да и вряд ли выйдет. Прямо сейчас от разоблачения меня отделял мелкий возраст, общая убежденность магического населения и кардинально не девичья стрижка. Но пройдет год или два — и, возможно, очертания фигуры станут более женственными. Тогда никакая мантия не спасет.

А пока я собиралась пользоваться ситуацией. И знала, что мне за это ничего не будет. Так гласил толстенный справочник по законам магического мира. До малого совершеннолетия все волшебники были защищены и практически неподсудны. Устав Хогвартса, копия которого нашлась в собрании Поттеров, лишь усилил мою уверенность. Я же не собиралась никого обманывать. Просто... не планировала рассказывать правду и рассеивать чужую слепоту.

Пусть быть женщиной среди магов гораздо приятнее, чем среди магглов. Ущемлений, как явных, так и скрытых, гораздо меньше. Но меня это не защищает на все сто.

Так, оказывается, амортизация на мужчин влияет сильнее, чем на женщин. Но от амортизации есть противоядие. А вот от подчиняющихся амулетов, десятки разновидностей которых можно купить вполне легально, страдают как раз волшебницы. Да и с наследством представительницам моего пола сложнее. Особенно до четырнадцати.

— Итак, на каком факультете я смогу без невосполнимых потерь дожить до малого совершеннолетия? — спросила себя, захлопнула тетрадь, прижала ее к груди и задумалась.

На первый взгляд, Гриффиндор казался самым неудачным выбором. О нем из книг было известно больше всего, но это и вводило в заблуждение.

МакГонагалл, конечно, совершенно не занимается своими подопечными. Дамблдор настолько загрузил ее своими обязанностями, что у него хватает времени на Министерство, МКМ и вечера за чаем со студентами, а Минерва даже редкие обращения выслушать недосуг.

Каждый год в школу поступает с десятков или больше детей, которых оторвали от семьи и дома и поселили в холодном замке на десять месяцев. Вряд ли они легко адаптируются. Но МакГонагалл не помогает им, ничего не объясняет, сбрасывает это дело на старост. Но! Кто старосты? Пятикурсники и семикурсники! Выпускники. Их собственные проблемы явно заботят больше, чем кучка перепуганных детей.

Спальни у Гриффиндора общие. Душевые и туалеты — тоже не место для уединения. Гостиная тесная. Да и гриффиндорцы не пример хороших соседей по общежитию.

Но! На фоне Рейвенкло... гриффиндорцы еще адекватные! Каждый год они находили причины люто ненавидеть Гарри или почти носить его на руках. Он мог жить под постоянным обстрелом оскорблений львов и их осуждающих взглядов, но ни одному из гриффиндорцев не пришлось в голову по-настоящему нарушить границы. Рейвенкловцам же хватило одной только необычности Луны, чтобы гнобить ее много лет, утаскивая и пряча ее одежду и обувь.

— Но и хорошими гриффиндорцев все равно считать нельзя, — напомнила себе. — Да, они не нападали физически, не портили вещи Гарри. Но они излишне внушаемы. Они не стоят горой за своих. У них в принципе все сложно с моралью.

Джинни фыркала и наскокивала на Малфоя, когда тот в привычной манере болтал с Поттером, но ей и в голову не приходило подобным образом отстаивать интересы Лавгуд перед воронятами, а ведь блондинку мелкая Уизли знала гораздо дольше мальчика со шрамом.

Флитвик тоже... полугоблин. Вещь в себе, как говорится. Не похоже, чтобы вникал в проблемы своих студентов.

Слизерин. Ничего неизвестно, но они точно самые скрытные из всех. Аристократия!

Традиции. Показать истинные эмоции не близким — признак слабости. Не удивительно, что Малфой постоянно провоцировал Поттера, но сам банально порыдать ушел в пустой туалет.

И к этим ребятам прилагается Северус Снейп — человек мало того что сложный, так еще и страдающий от постоянной усталости и недосыпа. Я после нескольких вечеров поздних отходов ко сну и ранних подъемов, приправленных скудным питанием, вызывала у окружающих инстинктивное желание обойти меня по широкой дуге. И это я еще добрая и миролюбивая.

— И что выходит? — спросила я. — Хаффлпафф? За Диггори его ребята были горой, а Помона Спраут кажется очень славной. Но что у барсуков с проживанием? И с остальным?

Ответа не было. И вряд ли до самого момента распределения я найду верное решение. Эх...

Вдруг дверь отъехала в сторону, явив рыжего мальчишку. Тот с сомнением осмотрел меня с ног до головы, поджал губы и хмуро уточнил:

— У тебя соседи есть? Мест совсем не осталось.

Моего ответа шестой Уизли дожидаться не стал, ввалился в купе и плюхнулся на свободный диванчик.

«Вежливость — редкий зверь, занесенный в Красную книгу семьи Уизли», — хмыкнула я про себя.

Поведение Рональда в этой реальности отличалось кардинально. Никакого извиняющегося тона, никакого кроткого взгляда. Да и рассматривал он меня так, будто я этого не замечала. И чем дальше рассматривал, тем больше кривился. А ведь одежда у меня самая простая, просто новая и из хорошей ткани. Или дело в другом?

Книги — жизнеописание Гарри Поттера. Все, что происходит не в его присутствии, остается как бы в тени. Значит, Рон тоже может быть разным «в кадре» и «за кадром». Понаблюдаем.

Я уже мысленно потирала руки, когда дверь снова отъехала в сторону, явив Невилла.

Драко обессилено оглядел платформу, прежде чем устремиться вслед за родителями.

— Быстрее, сын, — негромко, но требовательно позвал лорд Малфой.

— Да, папа, — откликнулся мальчик и постарался натянуть приличествующую моменту маску, за которой можно спрятать и нетерпение, и разочарование.

Этим утром младший Малфой проснулся очень рано, хотя уснуть смог лишь перед рассветом. За завтраком ему кусок не лез в горло, не хотелось даже любимого шоколадного торта. Отъезд из дома и радовал, и пугал. Но радость пересиливала любые страхи.

Впереди ждало самое настоящее приключение! Он, Драко, будет жить отдельно от родителей, познакомится близко с теми, кого до этого лишь изредка видел на приемах. Да и там все разговоры происходили под бдительным наблюдением родителей. Но теперь...

Несколько последних месяцев Драко представлял, как гоняет на метле не один, а в компании друзей или — мечты-мечты! — квиддичной команды факультета. До самых зимних каникул не будет воспитательных бесед отца и нудных чаепитий в компании матери. Можно не притворяться взрослым. По крайней мере, в то время, пока не видит крестный.

А еще юный волшебник мечтал о том, как встретит на платформе того самого Гарри Поттера, как поздоровается и как они тут же подружатся.

Почему-то именно о дружбе с Поттером мечталось больше всего. Казалось, это то самое событие, которое должно неизбежно наступить. А как иначе? Драко Малфой и Гарри Поттер! Они, для начала, родня. По меркам магического мира — очень близкая родня. Оба наследники своих семей. К тому же, последние в своих родах. В таких обстоятельствах о полукровности Поттера никто не вспомнит. Если только волшебник сам не даст повода.

Вот и видел Драко в фантазиях себя и Поттера лучшими друзьями. И позволял себе надежду, что это будет не только его первый, но и настоящий друг. Не считать же друзьями Крэбба и Гойла! Те никогда не разделяли интересов Драко. В редкие и короткие визиты Грегори и Винс могли только трескать приготовленные эльфами угощения и невнятно мычать. Почему-то Драко казалось, что Поттер обязательно окажется другим: обаятельным, остроумным, начитанным и... Мальчик сбивался на второй дюжине качеств, которые заочно приписывал герою магического мира.

Радостное предвкушение портил лишь скепсис матери и полная уверенность отца, что мечтам Драко не суждено осуществиться. Вот и этим утром Люциус Малфой напомнил сыну:

— Особо не рассчитывай. За десять лет никто из тех, с кем я хоть как-то пересекаюсь, не видел наследника Поттеров. Я скажу больше, его в принципе никто и никогда не видел. В прошлом его скрывали родители, теперь мальчика прячет Дамблдор. Не уверен, что даже его доверенные лица хотя бы издали видели Гарри Поттера.

Драко мог лишь молча поджимать губы и хмуро смотреть на отца исподлобья. Слова лорда Малфоя могли поколебать уверенность юного волшебника, но он гнал от себя неприятные мысли.

— А это означает, что Поттер воспитан на идеях директора Хогвартса. Да, есть надежда, что это не так. Но, Драко, он был оторван от общества волшебников. Зная Дамблдора, в окружении наследника Поттеров нет и не было ни одного образованного чистокровного мага. И вряд ли мальчику не вложили в голову ненависти к Слизерину.

— Ему наверняка подавали всю историю последней войны весьма однобоко, — кивнув на слова супруга, сказала мама.

Драко насупился еще больше, не желая верить разумным доводам. И все еще обижался на родителей. Особенно из-за того, что они прибыли на платформу перед самым отправлением поезда. А это означало, что выверенный план Драко летел мантикоре под хвост.

— Так, сын, — остановившись перед одним из вагонов, где Драко уже ждали Грегори и Винсент, сказал лорд Малфой. — Помни все, о чем мы с тобой говорили.

— Да, отец, — постаравшись показать всю свою серьезность, отозвался мальчик.

— И пиши нам почаще, — дрогнувшим голосом добавила мама.

— Да, хорошо.

— Учти, я жду от тебя достойного поведения. Не позорь нас, факультет и своего декана, — велел Люциус Малфой.

— Да.

Мама не удержалась и крепко обняла Драко. Он на миг плотно к ней прижался, вдыхая ненавязчивый аромат духов и впитывая исходившее от нее тепло. Внезапно стало грустно и одиноко. Испарилась вся радость от поездки и начала нового периода в жизни. Захотелось все бросить и отправиться с родителями домой.

«Я не могу. Это не достойно наследника семьи Малфой, — напомнил себе мальчик. — А я хочу быть достоин!»

В итоге последние наставления Драко выслушивал, задержав дыхание. Не хотелось расплакаться. Да и родители... Те, кто не знал, сочли бы их в этот момент холодными и отстраненными, но юный маг хорошо изучил родителей и видел намеки на их истинные эмоции. Лишь воспитание не позволяло маме рыдать, а отец едва сдерживался, чтобы не обнять сына на глазах у всех.

— Я буду писать, — заверил Драко и поскорее поднялся по ступенькам, боясь оглядываться. Тут же накатила паника, и мальчик с тревогой осмотрелся по сторонам. Из-за репутации отца семье приходилось тщательно отбирать гостей, которым хоть изредка, но открывались двери мэнора. Драко знал, что родители очень переживают за него, но их паранойя привела к тому, что наследник никогда и ни с кем не оставался наедине. И почти не общался со сверстниками. Грег и Винс не в счет. И они, и Драко с самого раннего возраста знали, что этим двум мальчикам предстоит стать тенями позади младшего Малфоя. Лорд Малфой слишком беспокоился о том, что ему могут попытаться отомстить через сына как, так называемые, свои, так и чужие. И теперь даже у Драко было не так много шансов отвязаться от этих мальчишек. Но эта вынужденная мера не могла заставить юного Малфоя считать мальчишек друзьями. Телохранители. И только.

— Вы заняли купе? — растягивая слова, как делал всегда, когда волновался, спросил Драко. Парни закивали, и юный Малфой с облегчением направился вслед за ними по коридору.

* * *

Идти искать Поттера Драко решил через час, когда смог договориться со своим внутренним интровертом. Это слово он вычитал в одной маггловской книге по психологии, а саму книгу ему добыл нервный и не слишком расторопный эльф Добби пару лет назад.

Добби достался Малфоям в качестве наследства через леди Малфой, когда умер ее дядя Альфард. Этот странный Блэк с не менее странными взглядами умудрился за годы владения

раскачать психику своему единственному эльфу, вкладывая тому в голову совершенно неподходящие идеи. В итоге Добби был почти бесполезен и ему поручали только небольшие и простые задания. Но отец не терял надежду перевоспитать домовика.

Успокоив частое сердцебиение при помощи дыхательной гимнастики, Драко поднялся и вышел из купе. И едва не столкнулся с весьма колоритной парочкой. Наследник Лонгботтом с лицом цвета сметаны вынужденно выслушивал разглагольствования какой-то лохматой девчонки. Присмотревшись к ее ауре, Малфой решил, что девочка магглорожденная — окутывавшая юную волшебницу магия не складывалась в плотные нити и завитки, а разливалась вокруг легким хаотичным сиянием. Это означало, что над девочкой никогда прежде не проводили ритуалы. Никто не занимался ее безопасностью, никто не пытался повлиять на ее прирожденные таланты, усиливая одно и нивелируя другое. Чистая и оттого пока бесполезная сила.

На ее фоне аура растерянного Лонгботтома походила на многослойную броню из вставок различного цвета. Уже сейчас можно было увидеть, что бабушка больше беспокоится о безопасности внука, а не о его талантах — щиты на Невилле стояли такие, что не трудно было предположить наличие пары-тройки семейных неснимаемых артефактов. Такие, конечно, не защитят от чего-то атакующего, но какой-нибудь Петрификус слетит секунд через пять.

Пообещав себе поискать способы обойти действие артефактов, Драко прошел мимо, но остановился через десяток шагов, услышав знакомое имя.

— Подумай еще раз, — тоном строгой учительницы велела девочка. — Где ты мог видеть свою жабу в последний раз?

Лонгботтом замялся и тихо прошептал:

— Н-на платформе мы с бабушкой точно поймали Тревора, но потом... Я не помню. Я поставил переноску на сиденье, познакомился с Симусом и Дином... А потом оказалось, что Тревора уже нет на месте.

— И ты спрашивал во всех купе? — продолжала допрашивать кудрявая девочка.

— Я обошел... почти все, — промямлил Лонгботтом, вызывая этим у Драко приступ раздражения. — Но никто не видел... даже Рон Уизли. И его сосед. Кажется, это Гарри Поттер.

— Что, Гарри Поттер? — переспросила девочка. Ее глаза тут же загорелись любопытством. — Он здесь?

— Ну... или это просто какой-то другой магг... мальчик с зелеными глазами, — с запинками прошептал Невилл.

— Давай еще раз обойдем и всех спросим, — предложила девочка тоном, который не предполагал отказа. — И заодно узнаем имя мальчика.

Драко едва не задохнулся от возмущения. Уизли? Эти рыжие всюду пролезут первыми! И как только не стали самыми богатыми в магическом мире с такими талантами?! Еще и эти... мямля и магглорожденная туда же! А он, Драко, не успел! Он не первый познакомился с Гарри Поттером.

Ужасно хотелось рвать и метать, но Малфой сдержал свои порывы и последовал за ничего не замечающей парочкой. Он должен был выяснить номер купе, в котором ехал Мальчик-Который-Выжил.

Рональд сидел напротив и гипнотизировал взглядом мой лоб. Я не собиралась облегчать жизнь ни шестому Уизли, ни кому-то еще, а потому усиленно делала вид, что читаю или любовалась пролетающими за окном пейзажами. Уж что-что, а игнорировать чужой взгляд я умела практически профессионально. Зато у меня появилась возможность подумать и понаблюдать.

Сласти я покупать не стала, чем, похоже, еще больше выбила из равновесия рыжика. Он даже что-то пробубнил себе под нос, когда я вытащила из рюкзака сверток с парочкой сендвичей и маленький термос с чаем.

За этот месяц я выяснила, что у волшебников какой-то совершенно уникальный метаболизм. Или я забыла, или в свои прошлые одиннадцать я не могла умять столько всякой снеди за раз. Так еще и сладкого хочется раза в три сильнее, чем я привыкла. Но всему находилось самое простое объяснение — магия. Чтобы хорошо колдовать, надо хорошо есть. А после сильных магических затрат сладкое — первое спасение волшебника. Особенно маленького, с его детскими силенками. Вот поэтому в поезде и продают сладости, а не что-то полезное, а каждодневный рацион в школе полон жареного и тушеного мяса, пирогов и булочек, а не диетических салатиков. Не удивлюсь, если волшебник-веган — редкий и уникальный зверь.

За размышлениями были съедены сендвичи, выпит чай, а вздохи Уизли прошли мимо меня. Уизли, не дождавшись от меня никакой реакции, со страдальческим видом жевал свои сендвичи с говядиной, когда дверь купе отъехала в сторону, явив самоуверенно задранный нос Гермियोны Грейнджер. За ней, бледнея и краснея, в тамбуре топтался Лонгботтом.

За недолгую поездку волосы девочки стали еще пышнее, и эта неряшливость сильно контрастировала с идеально подогнанной формой, аккуратно повязанным галстуком. Даже гольфы были натянуты на одинаковую высоту. Интересно, ей религия не позволяет причесываться?

— Никто не видел жабу? — выдала девочка строго, будто точно знала, что жаба находится именно в нашем купе, и мы ее удерживаем против ее, жабьей, воли. — Невилл ее потерял.

— Нет, не видели, — не слишком внятно отозвался Рональд. — Он уже тут был и спрашивал.

Я из-под ресниц наблюдала за собравшимися, ожидая, как будут развиваться события дальше. Взгляд в раскрытый дневник позволял мне не отвечать на вопросы, пока их не зададут напрямую. И, похоже, именно возможность задержаться Грейнджер и искала, осматривая купе.

Я мысленно хмыкнула, сообразив, что и в каноне девочка просто воспользовалась неудачной попыткой шестого Уизли, чтобы задержаться и познакомиться с другими первокурсниками. Интересно, она и в другие купе так врывается? Теперь и не узнаешь.

— Что читаешь? — не придумав ничего другого, спросила девочка, шагнула ко мне и бесцеремонно выдернула дневник Лили из рук. У меня невольно открылся рот от подобной наглости. Отмерла лишь тогда, когда у Грейнджер не вышло пролистать тетрадь.

— Юная леди, вас родители не учили, что брать чужое без разрешения — дурной тон? — выдохнула я с почти змеиным шипением.

— Я просто хотела узнать, что это за книга, — чуть сбившись с менторского тона, пробормотала девочка, с каждой секундой все больше и больше бледнея. Похоже, я узнала не все о защите дневника. Пришлось поскорее вернуть тетрадку, чтобы никто ничего не заметил.

— И? — хмуро уточнила я. — Что это меняет, юная леди?

Грейнджер на миг поджала губы, а потом уже прежним тоном заявила:

— Как можно быть таким грубым?

У меня аж брови взлетели. Очень хотелось напомнить девочке, что это она вломилась в купе, а не я. Но зачем озвучивать очевидное? Рон смягчать ситуацию явно не собирался. Пришлось притушить негодование и более спокойно сказать:

— Разве родители не говорили вам, что трогать чужие книги — опасно? В мире волшебников даже на самых простых книгах есть какие-нибудь чары. Самоочищения или консервации. Но полно и менее безобидных вещей!

— Мои родители не волшебники, — сообщила девочка. — И среди родни нет волшебников. — Ее щекам медленно возвращался здоровый цвет. — И это был такой сюрприз, когда я получила письмо, но, конечно, очень обрадовалась, ну, вы понимаете, это же лучшая школа колдовства из существующих, как я слышала... Конечно же, я заучила все учебники нашего курса наизусть и очень надеюсь, что этого будет достаточно... Кстати, я Гермиона Грейнджер, а вы кто?

Не слушая юную волшебницу, я тарасилась ей в рот, пытаюсь понять, как она умудряется так быстро тараторить, и отмерла лишь на вопросе. Еще до отправления на платформу 9 и $\frac{3}{4}$ я себе поклялась, что постараюсь или не врать вообще, или лишь тогда, когда нет иного выхода. Но с именем план не работал. Назвать себя Гарри я не могла и не знала, как уклониться от ответа.

— Я — Рон. Рон Уизли, — сообщил рыжик, за ним представился Лонгботтом, и троица студентов уставилась на меня.

И в этот момент, невольно спасая меня от затянувшегося молчания, Невилла у порога потеснил Драко Малфой. Не в полумраке ателье мадам Малкин он казался еще более нескладным. Но волосы были все такими светлыми, почти серебристыми, а глаза — пронзительно серыми. Я невольно отметила, что из всех собравшихся хорька более всего напоминал Уизли с его узким маленьким лицом. А вот Малфой походил на щенка. Породистого, но пока неловкого и нескладного.

«Щенка борзой, — решила я про себя. — Такой тощий...»

Прилизанные волосы лишь усиливали сходство.

— Это правда? — спросил он. — Я слышал, что в этом купе едет Гарри Поттер. Так это ты?

Малфой смотрел на меня в упор. И было заметно, что он чем-то недоволен, но очень старается держать маску высокомерия.

— Интересно, хоть кто-нибудь тут собирается сначала здороваться, спрашивать, не помешал ли, представляться, а уже потом задавать вопросы? — пробормотала я себе под нос, но услышали все. И покраснел почему-то один Малфой.

Хм, вот и выяснили, кому хотя бы рассказывали о вежливости, отсутствие которой не красит даже королей.

А еще выяснили, что краснеет Малфой не горячечным алым румянцем, а будто заледеневшего белого мрамора касается отсвет заката, придавая статуе хоть какое-то

подобие жизни.

— Это Крэбб, а это Гойл, — ровным тоном представил маячивших в коридоре парней блондин. — Меня зовут Малфой. Драко Малфой.

И вновь мне не пришлось представляться в ответ. Рон фыркнул, испортив вполне пригодную попытку начать нормальный разговор. Хотя о какой нормальности может идти речь, если в купе и в тамбуре скопилась уйма народа? И это я не даю им возможности войти и сесть, вытянув ноги на диванчике. А на втором сиденье хватило места только Рону, Гермионе и Невиллу.

Пока два чистокровных выясняли, кто из них круче, я отметила два факта. Во-первых, даже дети чистокровных не все знакомы между собой. Об этом уже говорил Костехрум, но я не до конца верила. И теперь понимала, почему существует традиция отправлять детей на учебу поездом. Если старшекурсники просто могут повеселиться и поделиться новостями до прибытия в Хогвартс, то малышня получает шанс познакомиться и завести первых друзей до начала учебы. Да и выбор факультета многие делают именно в поезде, рассматривая и слушая других студентов.

А во-вторых, прежде я не замечала, как много разного смысла закладывают юные волшебники, называя себя. Я не думала об этом, когда читала книги. Как и не пыталась понять, зачем Драко Малфой в принципе искать Поттера в поезде.

Шестой Уизли первым делом назвал имя, а уже после фамилию. Малфой — наоборот. Интересно, это было сознательно? Если бы я была тем мальчиком, который рос в чулане, не знал любви и заботы, видел только жестокость со стороны Дурслей и особенно Дадли, то, само собой, мигом прониклась бы симпатией к более понятному и простому рыжику в чуть потрепанной одежде и с грязью на носу, а не аккуратненькому напыщенному аристократу, у которого, как у кузена, есть собственная свита громил. Вот только я не мальчик и я не из чулана. И прекрасно понимаю, что в целом эти двое равны друг другу, если не брать во внимание их семьи. Но и семьи их я не собираюсь воспринимать так, как бы воспринял Гарри Поттер. Судить о людях я могу лишь с высоты своего опыта и возраста. И, честно говоря, прямо сейчас никто из собравшихся не вызывал симпатию. А потому я, разве что подбородок не подперев кулаком, наблюдала за перепалкой двух чистокровных. Еще и щеку изнутри прикусила, чтобы не улыбаться. Подумать только! Два чистокровных в надцатом поколении одиннадцатилетки устроили словесную баталию из-за меня родимой. Ну... в смысле, из-за мальчика-полукровки. Пусть Того-Самого-Мальчика, но все же полукровка. Увлекательное зрелище! Сюда бы ведро попкорна!

— ...они могут себе позволить, — припечатал Малфой, и мы все услышали возмущенный возглас Грейнджер.

Блондин же взглянул на меня и осекся. Почудилось, что он даже ругнулся про себя, помянув Мерлина, Моргану, Мордреда или всех вместе.

* * *

Малфой вытерпел несколько минут, а потом просто вломился в купе, где и без него с приятелями было тесновато. Мама часто повторяла, что Драко, как и все Блэки, часто сначала делает, а уже потом думает. Мальчик и сам нередко ругал себя за горячность, несдержанность и огромное любопытство. Но сейчас просто не мог ждать удачного момента.

Еще бы! Рядом с Поттером находились и предатель крови, и нюня Лонгботтом, и эта девчонка, явно магглорожденная или полукровка. Все успели раньше, чем он, Драко!

Оттеснив внука Железной Августы, Малфой взглянул на остальных собравшихся в купе, мигом находя того, кто мог быть Поттером. И едва удержал лицо.

Драко откусил бы язык, но не назвал бы себя поклонником Гарри Поттера. Но это не мешало юному волшебнику изучить все, хоть сколько-то связанное с Героем магической Британии. Ни в одной из книг не упоминалась внешность Мальчика-Который-Выжил, только некоторые детали, вроде шрама-молнии и ярко-зеленых глаз. Но Драко никогда не сомневался, что узнает Поттера. Из всех рассказов, всех сплетен и статей в книгах вырисовывался образ юного аристократа с недюжинной магической силой. И Драко представлял темноволосую копию самого себя, хоть и понимал, что это невозможно.

Реальный Поттер оказался совершенно не таким, каким его себе придумал Драко. Но промахнулись и те волшебники, кто знал или хотя бы видел колдографии родителей Гарри Поттера.

Сначала Драко заметил зеленые глаза и носки в яркий цветной ромбик, а уже потом все остальное. Поттер оказался милостивым очень худеньким мальчиком. Пусть он и лежал на диване, не позволяя никому сесть рядом, одежда юного волшебника не казалась неопрятной: идеальные стрелки на очень черных брюках, белоснежная рубашка, мягкий темно-зеленый пуловер без намека на крошки и вездесущую пыль. И будто этого было мало, волосы Героя оказались пострижены как-то так, что хваленая поттеровская лохматость бесследно пропала. Если была. Виски, бока и затылок выстрижены очень коротко, макушка подлиннее и очень длинная челка, завивающаяся в несколько мягких плотных локонов. Эти локоны падали на лоб, не позволяя рассмотреть знаменитый шрам. Аккуратный, сдержанный, хоть и чуть необычный образ, удовлетворивший бы даже придирчивого Люциуса Малфоя, и внезапно цветные носки под стать Дамблдору.

Рыжий будущий гриффиндорец в поношенной одежде, лохматая неизвестная девчонка с задранными до небес носиком и постоянно то бледнеющий, то краснеющий Лонгботтом рядом с таким Поттером смотрелись неуместно. Даже несмотря на носки. Драко и сам чувствовал себя глупо, никогда прежде его самооценка не падала настолько низко. Остро захотелось ощупать галстук и одернуть мантию. И потребовать себе такие же носки. Он никогда не носил бы их прилюдно, но с удовольствием надевал с пижамой, такими теплыми и уютными они выглядели.

От растерянности и недовольства собой голос Малфоя зазвучал язвительно, а когда Уизли дал повод, Драко даже с некоторой радостью бросился в словесную атаку. Но при этом в голове вертелась неприятная мысль, что все наставления отца летят мантикоре под хвост. Весь день складывался совсем не так, как мечталось. Вот, теперь еще и выставил себя скандалистом перед Поттером!

«Но хотя бы раскрою ему глаза на семейку рыжего! — со злостью подумал Драко. — Если не дурак, то поймет».

Воскликнула девчонка. Уизли сжал кулаки. Похоже, он прекрасно понял неприкрытый намек Драко. Было видно, что рыжий готов броситься на него, но удерживало присутствие Грегга и Винса. А еще то, что Поттер никак в перепалку не вмешивался.

Внезапно повисшее напряженное молчание, нарушаемое только стуком колес, огласил скрип и хруст. Все одновременно уставились на источник шума, а Поттер, будто и не чувствуя, что в купе вот-вот начнут летать молнии, извлек из рюкзака какой-то сверток, оказавшийся упаковкой печенья. Он даже не дернулся и не смутился, обнаружив, что на него все смотрят. Спокойно разорвал бумагу, извлек из кулька кусочек печенья и спокойно

сказал:

— Не обращайтесь внимания. Продолжайте! Только если надумаете силами помериться, то вне купе, пожалуйста.

И невозмутимо отправил печенье в рот, тут же громко им захрустев.

* * *

Чистой воды ребячество, но я не удержалась!

Оказывается, когда за твое внимание кто-то спорит, это невероятно приятно. А еще приятнее рушить знакомый по книгам ход событий. Вряд ли потом мне будет так же весело, поэтому... наслаждаемся!

Я сунула в рот еще одно печенье, стараясь не хохотать, а удержаться было сложно — две вытянутые от удивления детские мордахи уж очень к этому располагали.

Интересно, я им своей реакцией все основы мироздания порушила или пока нет? Рыжик наверняка вырос на идее, что Гарри Поттер — настоящий светлый маг, герой, готовый сражаться за справедливость. Ребенок из старой семьи, но незаносчивый и дружелюбный, фанат квиддича и всевозможных развлечений. И так далее и тому подобное. Что там еще Гарри Поттеру записали в добродетели?

Хотя... Стоп! Кажется, в книге Рональд «слышал», что Гарри жил с магглами, о чем сразу и сообщил. Хм... Интересно.

— Предупреждаю, я знаю, где вагон старост! — заявила Грейнджер. — Я их расспрашивала и точно знаю, что драки в поезде — нарушение правил. Я все расскажу!

Какой же у нее противный голос. Режет, как пила. Ее сдать старостам хочется первую, но вряд ли кого-то устроит моя жалоба. Зато я точно знаю, что обязательно постараюсь избежать факультета, который Грейнджер выберет. Я же с ней не уживусь! Ни мальчиком, ни девочкой.

Очень хотелось выставить из купе всю компанию. Но и понаблюдать за детьми тоже хотелось. Безвыходная ситуация!

— Что тут происходит? — внезапно раздалось в коридоре. — Почему перегородили проход?

Я невольно подобрала ноги, сев по-турецки. И немного перепуганного Драко кто-то из его толстых приятелей практически пихнул ко мне на сидение. Рон, увидев это, запыхтел еще громче и уже открыл рот, собираясь что-то высказать Малфоя, как в дверном проеме возник высокий рыжий парень в круглых очках. Он глянул на кого-то из парочки Крэбб-Гойл, оставшихся в тамбуре, оценил вид набившихся в купе детей и строго спросил:

— Что здесь происходит? Рон?

Шестой Уизли как-то разом заалел, сгорбился и недовольно искривил губы. Получить выговор от старшего брата в присутствии посторонних ему явно не хотелось.

— Я староста факультета Гриффиндор, — предупредил юноша. — Немедленно назовитесь. Учтите, если что-то произойдет, я обязательно вспомню потом и сниму баллы с ваших факультетов.

— Даже с Гриффиндора? — возмутился Рональд.

— Даже с Гриффиндора, — подтвердил Перси, а это мог быть только он.

— Гермiona Грейнджер, и я ничего не делала. Это все они! — чеканя слова, сказала девочка и ткнула пальцем в шестого Уизли и Малфоя.

— Лонгботтом, — пробормотал Невилл, который после всех перипетий оказался притиснут к самому окну.

— Поттер, — воспользовалась я возможностью, заметив, что имени мальчик не назвал.

— Гойл, Крэбб, — пробасили приятели Малфоя.

— Драко Малфой, — с самым независимым видом изрек блондин после короткой паузы.

— Я запомнил. Учтите, я выполню обещание, если что, — пригрозил Персиваль Уизли.

Мы дружно проводили старосту взглядом. На несколько секунд повисло молчание, а потом Малфой повернулся ко мне.

— Зна-ачит, все же По-оттер... — произнес он.

Несколько лет назад бабушка решила, что Невилл достаточно взрослый для серьезного разговора, и отвела его в зал предков — в большую круглую комнату, где не было ничего, кроме кресел в центре помещения и двадцати трех портретов лордов и леди Лонгботтом. Невилл тогда жутко испугался, расплакался под нечитаемыми взглядами светловолосых мужчин и женщин. А потом заплакал еще горше, когда сообразил, что опозорил поверившую в него бабушку. Но леди Августа не расстроилась. Она ласково погладила внука по голове, выдала мягкий батистовый платочек, усадила в кресло и заставила выпить стакан воды.

Именно там, в присутствии предков, бабушка сообщила Невиллу, что ей неважно, будет он в итоге магом или сквибом, ведь Лонгботтомы славятся не этим, но он, будущий лорд, должен с честью нести имя семьи и делать только то, что можно засчитать ей во благо. И прямо сейчас благо для Лонгботтомов — тихий неприметный наследник, которого никому не придет в голову втянуть в какую-нибудь сомнительную историю. Но это совсем не означает, что он, Невилл, должен на самом деле быть слабым, никчемным.

— Твой отец был излишне самонадеян, — сообщила леди Августа жестко. — Возможно, всему виной влияние твоей матери. Алиса была сильной девочкой, но видела мир в черно-белых красках. Идеалистка! Она и заразила этим Фрэнка. В другое время я похвалила бы обоих, но тогда шла война. И два сильных волшебника с нереалистичными идеалами были отличной мишенью для тлетворных идей Дамблдора. Ты должен быть умнее их. С Фрэнком я упустила момент, думала, что он должен сначала повзрослеть. И это была моя ошибка. Я не допущу ее снова! Я не хочу потерять еще и тебя.

С того дня Невилл еженедельно проводил несколько часов в компании предков, которые вдальблывали в его голову законы магии, историю магического и маггловского миров, рассказывали события из собственной жизни. И никто не пытался разбудить в Невилле магию, никто даже не заикнулся о вероятности, что он сквиб, а потому мальчику нравилось беседовать с портретами.

А потом выяснилось, что предки воспользовались этими разговорами, чтобы подобрать Невиллу наилучшие защитные амулеты из имевшихся в семье. Выбор пал на артефакты, увидеть которые мог разве что маг с даром Видящего. И проверить их слова леди Августе и Невиллу выпало всего через несколько дней во время визита родственников.

Дядюшка Элджи и тетушка Энид, на самом деле приходившиеся Невиллу двоюродными дедушкой и бабушкой, любили навещать родовой особняк Лонгботтомов. Леди Августа всякий раз едва не шипела от злости, видя эту парочку, и Невилл с некоторых пор понимал, почему бабушка так реагирует на этих довольно миролюбивых с виду родственников.

— Пираньи! — откровенно припечатала леди как-то. — Думаешь, они являются в наш дом лишь потому, что скучают? Нет. Они ждут удобную возможность. Элджи лишь немногим меня младше, но мечтает или сам стать лордом, или получить опеку над тобой в случае моей смерти или недееспособности. Не доверяй этой парочке ни в чем!

Невилл и не доверял, но ничего не мог поделать с тем, что пухленький дядюшка Элджи гораздо проворнее его, маленького мальчика. Впоследствии, чтобы не выдать их осведомленность, бабушка Августа сделала вид, что поверила в раскаяния брата своего покойного мужа. Невилл сделал вид, что у него от испуга случился магический выброс, а не сработали защитные амулеты. А дядя и тетя сделали вид, что не пытались навредить

наследнику, как бы случайно выбрасывая его в окно.

— Они воспользовались простой лазейкой в законах магии, — позже объяснили Невиллу предки. — Да, все знают, что детей трогать нельзя. Магия накажет за прямое нападение на любого ребенка, а уж за нападение на ребенка-родственника сотрет в порошок. Но на сквибов этот закон не распространяется. Тебе уже восемь, а магия все еще спит. Обычно выбросы начинаются... самое позднее в пять лет. Так что он почти не рисковал.

— А если бы магия проснулась?

— Даже тогда, — был ответ. — Ведь магия проснулась бы уже после нападения.

С тех пор дядя и тетя посещали родовое поместье лишь по праздникам и к внуку их леди Августа больше близко не допускала. А магия у Невилла проснулась в девять лет.

К одиннадцати наследник знал все, что ему полагалось, и даже чуть больше. Бабушка готовила его будто не к учебе, а к битве.

— Это и есть битва, — заверила Невилла леди Августа, когда он об этом спросил. — Точнее, война. Да, она началась еще до твоего рождения, но тебе не увернуться от нее, а значит... ты должен быть готов выстоять в ней, выжить и сохранить наш род. Никто не может гарантировать, что я смогу поддерживать тебя достаточно долго...

— Бабушка!

Невиллу никогда не нравились эти разговоры, но леди Августа чем дальше, тем чаще заводила с внуком речь о своей возможной близкой кончине. Последний разговор состоялся накануне отъезда в Хогвартс. И сейчас, наблюдая за собравшимися в купе студентами из уголка, Невилл невольно эту беседу вспомнил.

— Завтра ты окажешься в змеином гнезде, — наставляла бабушка, глядя юному волшебнику в глаза. — Всегда помни об этом. И помни ту роль, которую должен играть.

Невилл мог только кивать и тихо вздыхать. На самом деле ему не так уж много и предстояло играть. Он, возможно, был самым подготовленным наследником древнего и благородного рода, но как маг не мог похвастаться даже самыми базовыми знаниями. Разве что гербология давалась ему легко.

— И самая крупная змея в Хогвартсе — Альбус Дамблдор, — продолжала леди Августа. — Опасайся его больше, чем кого бы то ни было. Поверь, он покажется тебе добрым и безобидным стариком, но на самом деле директор Хогвартса — хитрый, жестокий и корыстный человек. Он всегда врет, всегда недоговаривает и умело жонглирует словами. Дамблдор многим запудрил мозги, и многие верят в его непогрешимость и мудрость. Великий светлый волшебник! — бабушка фыркнула. — Добрый дедушка! Не верь ни одному его слову.

— Но как...

— Спрятаться от глаз Альбуса очень просто, — заверила волшебница. — Я учила тебя этому все последние годы. Ты должен с самых первых дней выставить себя глупым, слабым магически, неповоротливым и невезучим.

Мальчик поморщился.

— Дамблдору не будет интересен запасной герой, если он не соответствует его ожиданиям.

— Хорошо, бабушка, — покладисто кивнул Невилл.

— И еще... Постарайся попасть на тот же факультет, что и Гарри Поттер, — добавила леди Августа еще более серьезно.

— Зачем? — удивился мальчик. Прежде бабушка ничего такого не озвучивала.

— Как я говорила, война еще не закончена. Дамблдор сам предрекает ее продолжение, то и дело повторяя, что Сам-Знаешь-Кто еще вернется, — помолчав несколько секунд, принялась объяснять волшебница. — Пусть Альбус и врет через слово, но этому его заявлению я склонна верить. Когда маг, убившийся о последнего Поттера, восстанет, вновь встанут друг против друга две силы. Пусть другие заблуждаются, считая, что это было и есть противостояние света и тьмы, добра и зла. Нет, это противостояние двух очень сильных волшебников, каждый из которых готов ради собственного величия на очень и очень многое.

Невилл печально кивнул. Он провел много часов, слушая рассказы бабушек и дедушек о так называемых великих магах прошлого, и уяснил самое главное: жизнеописание великих волшебников красиво и величественно лишь в легендах. В реальности мало кто из этих людей был добр, мудр, справедлив и светел. Так же как и среди темных магов было не так уж много истинных злодеев.

О Дамблдоре дедушки и бабушки тоже рассказывали. О том, как этот маг использовал других для противостояния Гриндевальду, а сам отсиживался в Хогвартсе. О том, как и когда он участвовал в исследованиях Николаса Фламелья, и что они на самом деле открыли и открыли ли. О том, как на самом деле Дамблдор победил своего старого друга. О тех нововведениях, которые победитель Гриндевальда продвигал в Хогвартсе, все больше и больше снижая уровень получаемого студентами образования. И уже сама леди Августа просветила внука о действиях Альбуса во время противостояния с Тем-Кого-Нельзя-Называть.

— Дамблдор никогда не выходит вперед, из-за спин своих пешек, если есть шанс проиграть хотя бы одну битву, — сказала бабушка. — Всегда есть кто-то, на кого Альбус переложит ответственность за войну, а сам будет дожидаться финальной битвы, где будет шанс забрать себе лавры победителя. Так было и в этот раз. Кто сейчас вспомнит, что больше десяти лет именно Дамблдора считали главным противником Того-Кого-Нельзя-Называть? Но потом появилось неясное пророчество, был избран мальчик и враг Альбуса навсегда или временно об него убился. Дамблдор получил свою порцию славы, Джеймса и Лили Поттеров оплакали и забыли, а из их сына состряпали красивую легенду. Но где этот мальчик сейчас? Его никто не видел десять лет. И только Дамблдор от его имени раздавал интервью, купаясь в лучах славы. — Леди Августа покачала головой. — Но скоро мальчик приедет в Хогвартс... И Альбус вновь начнет его использовать, но уже не как сказочку, а как реального героя. Он выставит его, как фигуру на шахматную доску. И тебя он тоже хочет в свои фигуры, Невилл.

Мальчик невольно сглотнул. Под ложечкой неприятно засосало.

— Вы бы были не пешками в его игре. Слонами. Да, слонами. Фигура поценнее пешки, но не такая уж и ценная. Если что, фигурой можно будет и пожертвовать. Зато слон — хороший воин. Альбус лишь порадует, если Мальчик-Который-Выжил окончательно избавится от Того-Кого-Нельзя-Называть и умрет сам, — продолжала леди Августа. — Если ты правильно сыграешь свою роль, то улизнешь от попытки... — именно попытки! — сделать из тебя второго слона. Но война никого не минует. И, как ни странно, самое безопасное место для тебя будет в тени, рядом с Гарри Поттером.

Невилл не до конца понял довод бабушки, но кивнул.

— Поезд едет достаточно долго. Воспользуйся этим. Выясни, на какой факультет собрался Поттер. Хотя у меня и есть почти полная уверенность, что мальчишку ждет не дождется Минерва МакГонагалл. Довольно легко сделать подобное предположение, ведь

Дамблдор всякий раз намекает, что именно он опекает Гарри Поттера. Неприятно это признавать, но ребенок наверняка находится под полным влиянием Альбуса.

— А если нет? — с небольшой надеждой спросил Невилл, не горевший желанием поступать на львиный факультет. — А вдруг... Гарри решит пойти не на Гриффиндор?

— Тогда я очень сильно удивлюсь! — усмехнулась пожилая волшебница. — И выпью глоток бренди за его здравомыслие.

— Ну а если... Если он выберет не Гриффиндор, а... Слизерин?! — свистящим шепотом спросил Невилл.

— Тогда ты отправишься вслед за ним на Слизерин! — жестко припечатала леди Августа. — Подобный выбор Поттера будет означать, что Дамблдор не имеет над ним власти. Да, мальчик едва ли способен представлять собой некую третью сторону в противостоянии двух слишком сильных, а потому безжалостных магов, но если Альбус не сможет использовать Поттера как свою игральную фигуру, как символ света, символ сторонников Дамблдора, то есть шанс, что противостояние не будет развиваться по сценарию великого и светлого.

На последних словах леди Августа неприкрыто презрительно фыркнула.

— Бабушка?

— Не нужно заблуждаться по поводу Дамблдора и его мотивов, — спокойно пояснила волшебница. — Чужое благо его волнует гораздо меньше своего собственного. А благо Альбуса — неиссякаемая слава самого великого светлого волшебника. Только это ему нужно. Ради этого он, я полагаю, даже однажды согласится умереть. Умереть мучеником за... всеобщее благо, — передразнила леди Августа, явно подражая тону директора Хогвартса. — А до этого он будет бросать в бой свои пешки. Или избавляться от того, кто не захочет быть его пешкой.

— А если это такой план? — спросил Невилл. — Если именно Дамблдор и отправит Гарри на Слизерин?

— Нет, — отмахнулась волшебница. — Альбус хитер, но он никогда не позволит своему игральному слону из белого стать черным. Слон — фигура удобная, но прямолинейная. Герой должен быть чист, светел. Геройствовать во благо других! И никакой Слизерин не должен бросать даже тень на образ героя.

— Ясно... — вздохнул Невилл, не представляя, как ему вызнать намерения Гарри Поттера.

— В общем, держись поближе к этому мальчику. Стань... нет, не другом... Другом Гарри Поттера быть опасно. Да и... если мальчик — ставленник Дамблдора, то ему уже подобраны подходящие друзья. Нет, ты должен быть не другом, но близким знакомым. Чтобы знать, что происходит, и успеть сориентироваться, пока другие будут хлопать ушами. Если я хоть немного знаю Дамблдора, то прямо сейчас ему не нравится, что о нем все больше и больше забывают. Ему хочется вновь быть в центре какого-то действия, чувствовать направленные на себя взгляды, повелевать... Он обязательно разожжет пламя. И надо быть или близко к эпицентру или на другом конце мира, чтобы выжить в будущей заварухе.

— А если Слизерин?

— Тогда тебе точно нельзя быть ни на каком ином факультете. Иначе Альбус любыми правдами и неправдами попытается вылепить из тебя хотя бы подобие замены Герою. И мое несогласие его не остановит. Скорее я верю в то, что Дамблдор найдет способ убедить меня... или избавиться от меня, — ответила пожилая волшебница. — Если же вы оба будете

на Слизерине, то Дамблдор первым делом попытается изменить мнение своей взбунтовавшейся игральной фигуры...

Последние слова надолго засели в голове Невилла. И сейчас, наблюдая за Гарри Поттером, он пытался понять, кто же перед ним: игральная фигура или игрок.

— Поттер-Поттер, — подтвердила я и забросила в рот еще одно печенье. Раз уж нарушать всякие приличия, так со вкусом! Со вкусом вкуснейшего песочного печенья с орешками и колотым шоколадом!

Мое поведение и вообще реакция на все происходящее настолько разнилось со знакомой мне историей, что злополучные слова, разрушившие саму возможность если не дружбы, то хотя бы приятельских отношений с Малфоем, не прозвучали. Драко и Рон вообще тарасились на меня так, будто я двум роботам программу сбила. То есть, молчали и зыркали то на меня, то друг на друга. А я, хрустя печеньем, внезапно со всей отчетливостью поняла, что происходит.

Не было никакой сложной многоходовки ни со стороны Дамблдора, в исполнении Уизли, ни со стороны Люциуса, в исполнении Драко. Если и будут попытки взрослых как-то на меня влиять через детей, то позже. А пока есть два мальчика, каждый из которых действовал самостоятельно. Да что там! Помалкивающий, краснеющий, но очень внимательно наблюдающий за всеми Невилл больше походил на засланца, чем эта парочка наивных летних детей.

Пусть здесь и сейчас ничего подобного не прозвучало, но по книге я хорошо помнила знакомство в поезде. Тогда Рон сдал всю свою семейку с потрохами. «Я слышал, ты жил с магглами» — одна фраза, но как много за ней скрывается! О том, что Харо «Гарри» Поттер живет с маггловскими родственниками, знало не так уж много людей: директор, запихнувший ребенка к Дурслям, подосланная директором старуха Фигг и несколько мелких волшебников, вроде Дедалуса Дингла. В общем, только сторонники Дамблдора. Всем же остальным скормили совершенно иную версию жизни ребенка.

Если Рон «слышал» о том, что Харо жила с магглами, то выходит, в Норе не раз и не два этот момент обсуждали. Более того, Уизли, похоже, знали о том, в каких условиях Харо росла у этих самых магглов. Интересно, что именно было озвучено? Можно только гадать. Но то, что рассказали о Гарри Поттере, явно натолкнуло Рона на мысль, что он легко станет другом Мальчика-Который-Выжил.

Я припомнила, что говорил и делал шестой Уизли в другой реальности. Сознательно или нет, но Рон проехался по всем ключевым точкам, сделав все, чтобы Гарри, мечтающий о семье, не получавший внимания, любви и заботы, проникся к рыжему симпатией, решив, что тот такой же простой мальчик, как и сам Поттер.

Вот только Уизли — не простой мальчик, пусть он хоть до конца жизни донашивает одежду братьев и разыгрывает из себя самого обычного парня. Рон — чистокровный маг в надцатом поколении. Его родители, дедушки, бабушки, прадедушки и прабабушки и все остальные родичи вниз по семейному древу были чистокровными. Он из семьи, входящей в священный список, но единственной семьи в этом списке, которую считают нищей. Вполне обоснованно считают. Но все же это одна из двадцати восьми семей. А еще Уизли — семья с весьма подпорченной репутацией. Исправить первое Рону не под силу, но вот второе...

Первый и главный друг Гарри Поттера по всем законам жанра получает свою долю внимания и уважения. И уже не имеет значения фамилия, ведь друг Героя и сам становится немножко Героем. И Герой, выросший с магглами, не имеющий связей в магическом мире, ничего о нем не знающий — отличная возможность подняться. В этом даже нет злого

умысла, если разобраться.

Вот отчего шестой Уизли так усиленно рекламировал Гарри Гриффиндор. Вот отчего всячески препятствовал попыткам кого-либо наладить с Поттером отношения. Вот отчего так настырно втягивал Гарри во всякие приключения, пока не оказалось, что все происходящее уже не детская забава.

С Малфоем все было еще проще. Он знал о Поттере только общеизвестные данные и вполне обоснованно считал, что Мальчик-Который-Выжил получил соответствующее дошкольное образование и воспитание. Такое же, как у самого Драко. Поттер ведь пусть полукровка, но все же наследник старой чистокровной семьи. В целом — вполне достойный представитель магической молодежи, дружбу с которым в любое иное время одобрили бы родители. А сейчас дружба с Героем — удачная возможность выстроить мостик и преодолеть затянувшийся разрыв в обществе из-за войны. И кому, как не Драко, эту связь налаживать? Малфои — самые близкие Харо чистокровные и влиятельные родственники во всем магическом мире. Об этом все знают. И Драко знает лучше всех. А еще Малфои — достаточно влиятельный род, стремящийся занять лидерскую позицию в обществе.

С детским максимализмом мальчик верил в то, что сможет наладить дипломатические связи там, куда не пытался соваться его отец. А потом, в другой реальности, все планы младшего Малфоя разбились, когда он увидел мелкого очкарика в обносках, который никак не вязался с историями о Герое. Даже одиннадцатилетка поймет, что на такого Героя рассчитывать не приходится. Разве что сжалиться и взять под опеку. И кто виноват, что Гарри ничего не знал о планах и чаяниях Драко по полному восстановлению репутации Малфоев? Кто виноват, что сам Малфой никогда не сталкивался, видимо, с магглорожденными и маггловоспитанными, а потому плохо представлял их воспитание?

«И вот я, вся такая нахальная, разбила мечты обоих!» — про себя сказала я и даже услышала самый настоящий злодейский смех.

Ладно, я не такая плохая. И ничего такого я не планировала. Просто собиралась жить, раз уж обстоятельства сложились так, с максимальным для себя удобством. Ни под кого не подстраиваясь.

Отправив в рот еще печеньице, я невольно заметила, что Гермиона не столько поглядывает на собравшихся, сколько к чему-то прислушивается. И это подтвердилось через несколько секунд, когда девочка выбралась в проход, выглянула в коридор и с облегчением вздохнула. А потом оглянулась и громким шепотом припечатала:

— О чем вы думали?! Хотите получить наказание еще до начала занятий? Какая безответственность!

Рон мигом запыхтел, как паровоз, и пошел алыми пятнами. Драко вздернул нос и поджал губы.

— Тебя не спросили, — огрызнулся шестой Уизли.

— Вы едва не втянули меня в неприятности, — напомнила девочка.

— А тебя никто сюда и не звал, — почти выплюнул рыжик.

Ох, кажется... эти двое поругаются уже сейчас, а не через два месяца.

— Сюда вообще никто никого не звал, — себе под нос пробормотала я, но услышали все.

И без того недовольная, Гермиона поджала губы, громко выдохнула, а потом раздосадовано выпалила, вбивая каждое слово, как гвоздь:

— А я ведь все-все про тебя прочитала, Гарри Поттер! Не думала, что ты такой!..

Девочка вскочила и выбежала из купе. Оставшиеся сидеть мальчишки переглянулись, будто решая, что должны делать. Мне, как «не такому», по идее, стоило бежать следом и утешать Грейнджер, но я на самом деле была «не такой» и вообще не видела своей вины во всем произошедшем. Совесть у меня отмерла еще в прошлой жизни, и в этой я не собиралась ее реанимировать. Я ведь могла совершенно спокойно ехать в купе одна, наслаждаясь видами и чаем с печеньем. А мне испортили путешествие.

«Вот, ты уже оправдываешься», — напомнила я себе и прекратила думать об необоснованных обидах Грейнджер.

— Ты тоже вали, Малфой! — хмуро выпалил Уизли. — Склизким змеям тут делать нечего!

Я аж жевать перестала и закашлялась.

— Ты как-то плохо себе представляешь змей, — заметила я, глотнув чая. Очень хотелось сохранить дистанцию, но тыкающий Уизли не располагал к вежливости. — Они, вообще-то, сухие и тепленькие. А склизкие... это про лягушек там, улиток. О, рыбомиксины — прям очень скользкие! Они вырабатывают уникальную слизь, способную остановить кровотечение.

Умолкнув, я под прицелом пяти пар глаз выудила из упаковки последний кусочек печенья.

— Ты о чем вообще? — возмутился рыжик. — Он слизеринец, ему тут делать нечего!

— Почему? — нейтральным тоном спросила я. — Если правильно понимаю, мы все первокурсники и пока не ясно, кто и где окажется. Распределение у всех впереди. Да и... все факультеты одинаковы.

Шестой Уизли возмущенно вскрикнул и набросился с увещеваниями:

— Ты что, хочешь на Слизерин? Да ты хоть знаешь, что там учатся только темные волшебники! Сам-Знаешь-Кто учился на этом факультете!

Я вежливо выслушала рыжика и уточнила:

— Сам-Знаешь-Кто? О, тогда у него есть и нормальное имя?

— Ты о чем? — в очередной раз сбитый с толку, хмуро спросил Рон.

— Ну, у него же есть обычное имя, не псевдоним, — терпеливо пояснила я. — Не мог же профессор Дамблдор... кажется, тогда он преподавал трансфигурацию? Так вот, не мог же он вызывать этого волшебника для демонстрации словами: «Мистер Волдеморт, к доске!»

Внезапный хрюк из уголка дал понять, что описанная ситуация показалась смешной как минимум одному из первогодок. Я улыбнулась Невиллу, оценившему шутку, и продолжила:

— Так как его на самом деле зовут? А то в современных изданиях эта информация отсутствует.

— Том Марволо Реддл, — подал голос Малфой. — Так звали Темного Лорда раньше.

Я сделала вид, что усиленно обдумываю полученную информацию, но Уизли не позволил мне и дальше уводить разговор в сторону.

— Да какая разница? — протрубил он. — Главное, что он был злобным волшебником и убил твоих родителей. И Малфои его поддерживали!

Драко тут же вскочил, сжимая кулаки. За ним поднялись и Гойл с Крэббом.

— Мой отец был под Империей! — почти прошипел Малфой. — Это доказано. Его оправдали.

— Да уж! Оправдали! Все знают, что твой папаша просто откупился. А иначе сидел бы

сейчас в Азкабане! — постарался ударить побольнее Рональд.

— Ну вот... баллы точно снимают, — доверительно шепнула я Лонгботтому, чуть наклонившись в его сторону. — И это еще будет неплохим исходом. А если подерутся? Тут мало места...

Мое полное пренебрежение показательной попыткой очернить Слизерин вызвало у рыжика очередной недовольный возглас, и он, так и не начав драку, плюхнулся на сидение. Малфой садиться не спешил, прожигая Уизли гневным взглядом.

— Так что, драки не будет? — уточнила я на всякий случай.

Мальчишки сопели и пялились друг на друга, но даже палочки не вынули из карманов.

— Жаль, жаль, — пробормотала и громко скомкала упаковку от печенья. — А вообще... Ну, допустим, волшебник, пугающий всех даже после своей смерти настолько, что его имя боятся произносить, учился на Слизерине. Причем тут факультет как таковой? Если ничего не путаю, то программа обучения одинаковая.

— Есть разница! — сказал Уизли. — Гриффиндор — лучший факультет в Хогвартсе. Вот!

Малфой на это лишь красноречиво фыркнул.

— Хм... А какой критерий определения лучшего факультета? — спросила я, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Да ясно же, — протянул Драко. — Уизли считает, что Гриффиндор лучший, ведь вся его семейка училась там. И, конечно же, Дамблдор тоже закончил львятник.

Среагировав на тон, Рон взвился:

— Дамблдор — величайший волшебник!

— А твои родители учились на Слизерине, — покивала я, глянув на Малфоя. — А?

— На Гриффиндоре, — тихо отозвался Невилл. — И бабушка тоже, а вот дедушка закончил Хаффлпафф.

— Твои родители закончили Гриффиндор, — настойчиво повторил рыжик.

— И дедушка, а вот бабушка у меня... Блэк, — сказала я спокойно. И залюбовалась тем, как до Уизли медленно доходит смысл сказанного.

— Все Блэки закончили Слизерин, — с кивком подтвердил Малфой. — Моя мама в девичестве Блэк.

«Драко, хватит так усиленно намекать, что у нас много общего. Я уже поняла», — мысленно сообщила я Малфою, а вслух поправила:

— Ну, если уж соблюдать точность, то мой крестный, Сириус Блэк, учился в Гриффиндоре.

На миг повисла гнетущая тишина, а потом Малфой выпалил:

— Блэк — твой крестный?!

— Ну да, — невинно похлопав глазками, подтвердила я.

— Но как тогда... — выдохнул Невилл, даже рот открыл от удивления.

— Что? — спросила я.

— Как его могли осудить и посадить в Азкабан? — закончил за Лонгботтома Малфой. — Крестный? Магический? — Он дождался моего кивка. — Это невозможно! Магический крестный не может навредить крестнику. Блэк должен был умереть... или хотя бы стать сквибом после того, как фактически подставил под удар твою семью и тебя!

Я мысленно хмыкнула. Вот так. Стоило избежать одной драки и втянуть трех чистокровных в разговор, чтобы выплыло больше фактов, чем за несколько лет учебы Гарри.

— Как его тогда обвинили? — в пространство спросил Невилл.

— Как-как, неужели вы думаете, что кому-то было интересно разобраться, кто там на самом деле виновен, а кто нет? — спросила я с усмешкой. — Магическое общество жаждало мщения, а потому за решетку улетели все, кого хотя бы заподозрили. Без разговоров. Без толкового следствия.

Я немного выпала из образа ребенка, но собравшиеся этого не заметили. Невилл пялился в пространство, обдумывая что-то свое, Малфой кусал губы и хмурился. Гойл и Крэбб просто на всех бездумно таращились. И только Уизли недовольно пыхтел. Его явно мало интересовала чужая несправедливость.

— Мне нужно написать отцу... — очень тихо пробормотал Драко, но я услышала, а громче добавил: — Это все очень странно. Если Блэк жив и в Азкабанае, то он все еще маг. Выходит, он или как-то обошел клятву, или не виновен. Но если не он, то кто?

Я неопределенно пожала плечами. И так разболтала больше, чем нужно. Если о разговоре узнает Дамблдор, то непременно задумается о том, как я обо всем узнала. И это до кучи к тому, что ускользнула прямо из-под носа директора, не позволив осуществить план по агитации Гарри Поттера силами Хагрида.

«Мне нужны союзники», — со вздохом подумала я, понимая, что рано или поздно Дамблдор вызовет меня к себе для беседы и увещаний, а я... даже в своей прошлой жизни я против него была бы только несмышленным ребенком.

— Не может быть, что это не Блэк! — заявил рыжик. — Его дело должен был разбирать сам Альбус Дамблдор! Он сменил на посту Бартемиуса Крауча в первых числах ноября 1981 года!

Я беззвучно хмыкнула. Есть все же польза в том, что Уизли является фанатом директора. Хоть его биографию знает назубок.

Невилл и Драко промолчали, но по лицам было видно, что думают они примерно в одном ключе. Пусть они и относятся, вроде как, к двум противоположным лагерям, но весьма скептически настроены в отношении одного бородатого волшебника. Точнее, скептически настроены их родные, а дети просто повторяют за ними. Как хорошо, что они еще такие маленькие и пока не способны постоянно контролировать выражение лица!

— Альбус Дамблдор — самый справедливый и мудрый маг нашего века! — уверенно заявил Уизли. — Он бы не посадил невинного.

Глядя на Рональда, я увидела его искреннюю веру в сказанное. Выходит, Артур и Молли считают директора непогрешимым. Делаем выводы. С учетом того, что я знаю о бородатом старце, мне ни в коем случае нельзя сходить с Уизли. Они мало того, что попытаются агитировать за директора, так еще и легко вытряхнут любое мое откровение на операционный стол этому архитектору человеческих жизней.

— Факты как-то... спорят с этим утверждением, — осторожно заметил Невилл.

Уизли вспыхнул, пронзил всех нас недовольным взглядом, а потом прошипел:

— Ты на чьей стороне вообще?

— Думаю, лучшая сторона — правда, — как бы задумчиво промолвила я, глядя в окно.

Высказывание было нейтральным. Но Рональд вскочил и с пыхтением навис надо мной. Из его кармана свесился крысиный хвост, привлекая мое внимание. Хвост был неподвижен, и я мысленно пожелала Петтигрю сдохнуть до того, как я увижу его крысиную морду.

— Что ты хочешь этим сказать?! — выпалил шестой Уизли.

Я даже немного опешила от подобной реакции. Человек, искренне верящий кому-то, решил бы, что мои слова — слова поддержки. Так почему рыжик вспыхнул? Он что, тоже не так уж верит Дамблдору? Или просто все непонятные высказывания принимает в штыки?

— У моих слов нет второго дна, — нейтрально отозвалась я и пожалала плечами. — А о чем ты подумал?

Уизли, похоже, вообще не думал, потому как краснел, пыхтел, но помалкивал.

— Кажется, мы отклонились от темы разговора, — игнорируя все еще нависающего надо мной Рона, сказала я и миролюбиво улыбнулась.

— Да... — кашлянув, согласился Лонгботтом и осторожно потянул к Уизли за руку, пытаясь усадить на диван. Тот его манипуляций не заметил, только еще больше покраснел и еще громче запыхтел, хотя во взгляде нет-нет, да проскальзывало недоумение. Похоже, мальчик в принципе не знал, что противостояние не всегда перетекает в драку.

— А на какой факультет кто хочет? — спросила я, меняя тему. — Я сейчас не говорю о семейных традициях, которые... Почему это обязательно должно как-то влиять? В общем, если не брать во внимание ожидание родни, то кто на какой факультет хочет поступить?

Гойл и Крэбб притворились мебелью, Уизли плюхнулся на сидение и уже оттуда сверлил меня взглядом.

— Бабушка надеется, что я поступлю на Гриффиндор, — немного подумав, ответил Невилл. — Там учились мои родители. Но я еще не решил...

— Я буду в Слизерине, — безапелляционно отчеканил Малфой. — От меня этого ждут. Да и там больше всего моих знакомых. И декан...

Мальчик покосился на Уизли и оборвал фразу.

— А ты? — вместо этого спросил Драко.

— Пока не знаю, — пожав плечами, ответила я. Уизли вскинулся, но я продолжила прежде, чем он что-нибудь ляпнул: — Да, мои родители учились на Гриффиндоре. Но многие родичи — на других факультетах. Да и... Я вроде как сирота, мне не на кого производить впечатление. Не нужно оправдывать ожидания. Так что предоставлю выбор Шляпе.

Сказав это, я краем глаза отметила, что Рон не взялся нести чушь про троллей и испытания.

— Шляпа прислушивается к пожеланиям, — поделился Лонгботтом. — Ее можно уговорить.

— Вот как? — изобразив интерес, я улыбнулась мальчику. И дальше со вниманием слушала рассказ Невилла, а тот, внезапно позабыв про стеснительность, принялся живописать историю Распределяющей Шляпы. Даже Малфой в какой-то момент увлекся и кивал в некоторых моментах повествования. Рон какое-то время тоже слушал, а потом, что-то бухтя себе под нос о заучках и книжных червях, удалился, прижимая руку к карману, где преспокойно и ни о чем не подозревая дрых крыс.

За следующие несколько часов я узнала обо всех самых известных артефактах Основателей, историю их утраты и поисков. Слушать было на самом деле очень интересно, хотя краткую версию я читала в «Истории Хогвартса». Невилл знал очень много деталей. Но было заметно, что сам он из всех Основателей выделяет Хелену Хаффлпафф.

— На самом деле существует множество версий, как был основан Хогвартс, — отметил Малфой, когда Невилл краем затронул эту тему в своем повествовании. — И та... романтизированная версия, изложенная в «Истории Хогвартса» — самая популярная. Ее приводят в разных книгах. Понятное дело, никто точно не скажет, как все было на самом деле. Но надо понимать, что «Историю» начали выпускать только в 1793 году, при этом в каждой новой редакции что-то обязательно меняется. А все, что было до того... Сохранившиеся... даже не дневники, а копии дневников Основателей относятся к периоду, когда школа уже во всю работала. Да и эти дневники считаются не настоящими, а поддельными, состряпанными перед тем, как был принят Статут о секретности.

— И как, по-твоему, все было на самом деле? — с улыбкой спросила я, перестав жалеть о том, что в мое купе вломилась толпа первоодок.

— Я верю в более простое объяснение. Без добрых дядюшек и тетушек, решивших учить безграмотных и несчастных волшебников. — Драко покосился на меня. — Папа любит исследовать этот период, коллекционирует вещи Основателей... Но, конечно, отдал бы много больше не за чужое, а за наше. Наше наследие. Род Малфоев, по легенде, был образован незадолго до появления школы.

Я вопросительно вздернула бровь.

— Не хочу пересказывать кратко, а на версию, которую отец считает наиболее правдивой, надо очень много времени, — пояснил мальчик.

— Расскажешь как-нибудь? — спросила я, склонив голову к плечу, и чуть улыбнулась.

— Да, конечно, — согласился Малфой очень просто. Прямо сейчас он мало походил на заносчивого слизеринского принца. Не милая трогательная ромашка с белыми лепестками, но вполне безопасное и миролюбивое создание, еще не успевшее отрастить себе ни шипы, ни клыки. За ним было интересно наблюдать.

— Даже если мы попадем на разные факультеты? — с усмешкой уточнила я.

Драко думал лишь мгновение, а потом кивнул.

— Ловлю на слове, Малфой, — предупредила я с улыбкой и протянула руку для рукопожатия.

— Драко? — полувопросительно предложил блондин, глядя в глаза.

— Харо, — с кивком ответила я.

— Харо? — переспросил Малфой, пожимая мою руку. У него оказалась теплая и сильная ладонь.

— Не люблю, когда меня называют Гарри, — пояснила я и пожала плечами.

— Харо? — кашлянув, пробормотал Невилл. — Это сокращение от Харольда?

— Ну... мой отец хотел назвать меня так, — осторожно сказала я. Это была правда, я ни в одном слове не соврала. Недоговаривать — не ложь.

— Тогда почему... — начал было Драко, сбился, но потом быстро предположил: — Соккрытие истинного имени?

Я кивнула раньше, хотя не представляла, что мальчик имеет в виду.

— О! Тогда нельзя спрашивать полное имя, — сам себе пояснил Малфой. — Только если сам представишься.

Это прозвучало как утверждение. При этом никто из тех, кто собрался в купе, не ждал, что я назову это самое имя. Видимо, в дело вступало правило, о котором я еще не встречала упоминаний в книгах. Но я и прочесть успела преступно мало. Нахваталась бессистемно по верхам. Надо обязательно выяснить все про соккрытие имен!

— А меня можно звать Невилл, — тихо пробормотал Лонгботтом. Но тут же смущенно улыбнулся, когда я подала руку и ему тоже.

Вот так. Первый же день — и я весьма существенно изменила события канона. И вот ни капельки не страшно!

* * *

Уизли вернулся в купе перед самым прибытием поезда. Увидев, что ни Малфой, ни Лонгботтом никуда не ушли, рыжик показательно скривился, но лезть с увещеваниями больше не пытался. На платформе Рон уверенно оттеснил Невилла, но с Драко такой фокус не прошел, и в лодке вместе со мной и блондинчиком оказались малфоевские вассальные тумбочки — мебель, не двигающая сюжет, но полезная... для интерьера.

На причале Хагрид долго кого-то высматривал в толпе первогодок, нашел лишь жабу, торжественно переданную в руки покрасневшему Невиллу, и со вздохом повел нас к замку по длинной, чуть влажной из-за скользящего по озеру тумана лестнице. МакГонагалл оказалась довольно молодой волшебницей, но в остальном она полностью соответствовала знакомому образу: высокая и темноволосая, в изумрудно-зеленой бархатной мантии. Строгое выражение портило довольно красивое лицо. На нас женщина посмотрела без какой-либо теплоты, хотя мы еще не сделали ничего дурного.

Речь волшебницы совпадала с книжной. Почему-то вместо слов поддержки, мягкой улыбки и согревающих чар после выматывающего заплыва мы все получили сухую цитату, будто взятую из какого-то сценария.

«Тут зрители аплодируют, — обводя задумчивым взглядом уставших, голодных и продрогших студентов, сказала я про себя. — Кончили аплодировать!»

Приведения не произвели должного впечатления. Интерес вызвало лишь то, что они оказались не такими уж четкими, чуть расплывчатыми, из-за чего нельзя было детально рассмотреть их лица.

Драко уверенно держался рядом, Крэбб и Гойл блокировали подход кому-то еще справа, со стороны Малфоя. Так что Гермиона и ее голос нагнали меня только в Большом зале:

— Его заколдовали, чтобы он выглядел так же, как небо снаружи. Я читала об этом в «Истории Хогвартса».

Я заморожено рассматривала потолок все то время, что мы двигались по проходу между столами. Гул голосов не нервировал. Наоборот, я будто вернулась домой. Зато остальным малышам приходилось тяжело. Было заметно, что многие из них никогда не видели так много волшебников разом и не были готовы к чужим любопытным взглядам. Кто-то трясся, кто-то лишь выше задирает нос, но сейчас перед столом учителей сгрудилась маленькая толпа перепуганных ребятишек. Им бы отдохнуть, перекусить, сходить в туалет. И только после этого поучаствовать в распределении по факультетам. Причем, в камерной комфортной обстановке, а не в присутствии всей школы...

Но о чем я? Комфорт нам только снится!

Я поежилась, чувствуя, что мантия набрала влаги от тумана, а сотни свечей, плавающих в воздухе, не спасают от холодного дуновения сквозняков.

«Как же славно, что я захватила достаточно теплых носков», — подумала я, рассматривая зал и, украдкой, учителей.

Дамблдор оказался высоким худым старцем с белоснежной бородой. Темно-малиновая мантия делала его похожим на Санту, взгляд из-за очков-половинок, которым он медленно скользил по лицам первогодок, казался добрым и озорным, но то, как он постукивал пальцами по скатерти, выдавало его нервозность.

Постоянно вертясь, я не позволила ему поймать мой взгляд. И не планировала в дальнейшем давать директору такую возможность.

Хагрид, Трелони, Хуч, Пинс, Помфри я узнала без труда. Пусть лица мне были и незнакомы, но ошибиться не позволяли знакомые по книгам образы. Сложнее оказалось со Спраут. Глава Хаффлпаффа выглядела моложе, выше и стройнее. Но ее лицо казалось таким же добродушным, как и у созданного Мириам Маргулис кинообраза. Флитвик тоже оказался совсем не таким, как я ожидала. Мастер чар выглядел как весьма невысокий, но все же человек. Лишь серовато-зеленый цвет кожи, длинные острые уши и нос выдавали в нем полугоблина. Северуса Снейпа я узнала только по черной мантии с изумрудной отделкой, черным же волосам и арктически холодному взгляду темных глаз. В остальном же это был очень высокий и очень худой совсем еще молодой мужчина. Измотанный молодой мужик, который не высипался, кажется, последние несколько лет. Зельевар не пугал, а вызывал желание взять подушку... и всучить ее этому несчастью с приказом отправляться спать, перед этим принудительно покормив. А то даже Харо, не слишком обласканная Дурслями, выглядела хорошо упитанным представителем рода человеческого.

Дальше МакГонагалл вынесла табурет и Шляпу, и я бросила изучать профессоров. Рассматривать большую остроконечную штуковину, состоящую из одних заплаток, оказалось куда интереснее. Как и слушать песенку, хотя те кошачьи рулады, которые эта лоскутная штуковина выводила, едва ли можно было назвать пением.

А дальше началось распределение, и я уже ни на что больше не обращала внимания. Все же это невероятно увлекательно, пусть и знаешь, кто и куда попадет.

— Когда я назову ваше имя, надевайте шляпу и садитесь на табурет, чтобы вас распределили, — пояснила МакГонагалл, внимательно оглядев толпу первокурсников, и развернула свиток. — Аббот, Ханна!

Розовощекая девочка со светлыми косичками, спотыкаясь, вышла вперед, надела шляпу, которая тут же съехала ей на глаза, и села. Секундная пауза...

— Хаффлпафф! — выкрикнула Шляпа на весь зал.

Боунс, Бут, Броклхёрст, Браун, Булстроуд — дети отправлялись по тем же факультетам, что и в книге. Гермiona, естественно, попала на Гриффиндор и с невероятно самодовольным видом направилась к нужному столу, высоко задрав носик.

После заместитель директора вызвала Невилла. И вновь он провел под Шляпой несколько томительных минут, то хмурясь, то нервно кусая губы, пока артефакт не выпалил зловещее:

— Слизерин!

Если моя челюсть и приземлилась на пол, то я этого не услышала и не ощутила, в полной тишине вместе со всеми наблюдая за тем, как мальчик, едва не упав, рванул к столу змей со Шляпой на голове. Потом спохватился, залился краской, как спелый помидор, и, спотыкаясь, вернулся назад, чтобы вернуть артефакт. МакГонагалл на тихие извинения мальчика не отреагировала, будто находясь под Ступефаем. Покраснев до вишневого оттенка, Лонгботтом осторожно пристроил Шляпу на табурет и поскорее сбежал к слизеринцам, будто взгляды учителей его пугали больше, чем дети с факультета змей.

— Минерва, — позвал первым опомнившийся профессор Флитвик.

Заместитель директора оглянулась, обменялась взглядом с Дамблдором, кашлянула и продолжила вызывать студентов. Я же озадаченно таранилась в пространство, не веря в случившееся.

Невилл на Слизерине? Как?

Дальше распределение шло без подобных потрясений. Малфой закономерно отправился к змеям. Шляпа прокричала результат, едва коснувшись головы блондина.

И вот, наконец, настал самый важный для меня момент, когда профессор Трансфигурации объявила:

— Поттер, Гарри!

Я едва слышно хмыкнула, услышав имя. Похоже, Костехрум был прав, директор прикрыл меня заклятием, чтобы его будущего Золотого Мальчика никто не отыскал, а потому мое имя пришлось вписывать вручную, как студента из-за границы.

У меня был шанс исправить ошибку, но я не стала делать никаких заявлений, решив и дальше наблюдать и действовать по ситуации.

— Хм... — прозвучало в голове, когда Шляпа упала на глаза и шепотки в зале отдалились. — Как интересно!

— Что вам интересно, уважаемая Распределяющая Шляпа? — осторожно уточнила я.

— Вежливая девочка, девочка из другого мира, которую все здесь считают мальчиком, — ответил артефакт.

— Вы... меня выдадите?

— Зачем? — удивилась Шляпа. — Это не мое дело.

— А если кто-то спросит напрямую? — прищурившись, уточнила я.

— Я ведь Шляпа, для меня все люди одинаковы, — с хитрецей в голосе ответила Шляпа.

— Спасибо, — с облегчением выдохнула я.

— Так куда же тебя такую отправить? — спросила Шляпа.

— Туда, где я смогу сохранить свою тайну, — ответила я.

— Интересно, — пробормотала Шляпа. — Ты умна, у тебя много таланта, силы... Но ты просишь лишь защиты?

— Да, — честно ответила я. — Я понимаю, что директор... хочет видеть меня на Гриффиндоре, но...

— Я служу не директору, а школе, — перебил артефакт. — Сотни лет я слушала мысли и желания, девочка из другого мира, обретшая новую жизнь здесь, а потом отправляла детей туда, где им место. Но выбор вы все делаете сами. Осознанно или нет, но сами. А потому... Слизерин!

В вопле Шляпы мне почудилось змеиное шипение. Когда я сняла артефакт с головы, на меня не обрушился шквал голосов. В Большом зале царила потрясенная тишина. И в этой тишине я спокойно и неторопливо направилась к столу Слизерина.

Раз Шляпа обещала мне, что там я получу желаемое, то так тому и быть. Слизерин!

Лишь когда я уже устроилась между Невиллом и Драко, по залу разнеслись первые нерешительные хлопки. Первыми отмерли хаффлпаффы, похоже, самые нейтральные ребята из всех. Потом к ним присоединись вороны и преподаватели. Слизеринцы мешкали дольше остальных, но и они одарили меня сдержанными приветствиями. И только стол Гриффиндора хранил полное молчание. Я сидела к ним лицом, а потому видела и поджавшую губы Грейнджер, в точности повторившую мимику Минервы МакГонагалл, и озадаченных старших братцев Уизли, и чем-то очень обозленного темнокожего юношу с дредами, видимо, Ли Джордана. Еще не распределенный Рональд пошел алыми пятнами и готов был взорваться. Казалось, стоит МакГонагалл нацепить на него Шляпу, как старинный артефакт взлетит до самого зачарованного потолка. У рыжика разве что пар из ушей не валил от ярости.

«Не будет мне жизни», — со вздохом предрекла себе, видя этот чистый праведный гнев.

Лишь еще несколько минут спустя зал утих достаточно, чтобы заместительница директора, справившись с эмоциями, смогла довершить распределение. Рон, ожидаемо, отправился к ало-золотым, а Блейз Забини — к змейкам.

Случившийся казус, похоже, выбил из колеи даже Дамблдора, потому как директор разразился длинной и прочувственной речью о дружбе, верности и всем таком. Я перестала слушать на третьем предложении. Что волшебная, что обычная администрация с их внезапными или подготовленными, но всегда выверенными, сплошь манипуляционными речами действовали на меня усыпляюще. И пока остальные страдали от голода и ерзали на лавках, я рассматривала ребят, чтобы не прикорнуть прямо тут, между двумя юными волшебниками, раздумывая лишь над тем, чье плечо окажется мягче. А с учетом того, что на нас и так косились, выбор этот определял и то, как долго обо мне будут судачить. Хотя мы и так представляли интереснейшее зрелище! Со стороны Невилла нас от остальных слизеринцев прикрывал Тревор, с какой-то совершенно не жабьей грацией и осанкой рассеявшийся на лавке, а со стороны блондинчика — малфоевские вассалы, так что я оказывалась надежно отгорожена почти ото всех, кроме сидевших напротив старшекурсников, и мало кому посчастливилось рассматривать меня в упор. А посмотреть хотелось многим! То и дело кто-нибудь или привставал, или с любопытством вытягивал шею. И это сдержанные змеи, что говорить про остальных детей.

[image_24747|center]

Еда оказалась на удивление вкусной и разнообразной. Помня о том, что колдовство требует больше энергии, чем физические нагрузки, я не удивилась, что почти все кругом наполняли тарелки практически с горкой. Даже особо изящные едоки, орудовавшие всеми предложенными приборами, перетягивали к себе не по одному, а по два стейка. А потом добавляли еще по паре-тройке отбивных или куриных ножек. Даже одиннадцатилетки, изящные девушки, что уж говорить про огромных амбалов-старшекурсников.

Я не отставала от других, но успевала посматривать не только в тарелку, но и вокруг. И у меня появилась возможность и своих софакультетников рассмотреть, и оставшихся преподавателей. Отметив, что наше с Невиллом распределение нарушило равновесие, я принялась осторожненько изучать тех, с кем мне предстоит жить и учиться бок о бок ближайшие годы.

На Слизерин попало целых десять человек. Больше, чем на остальные факультеты. Четыре девочки, если считать меня правильно, и шестеро мальчишек.

Дафна Гринграсс. Белокурая красавица со светло-голубыми глазищами.

Миллисента Булстроуд. Крупненькая брюнетка с удивительно добродушным лицом.

Панси Паркинсон. Тоненькая как веточка брюнетка с очаровательным каре и полным чертиков взглядом желтовато-зеленых глаз.

Блейз Забини. Карие глаза, темная кожа, но черты лица наводили на мысль о чем-то таком то ли итальянском, то ли испанском. Немного подумав, я решила, что больше всего он напоминает мне цыганенка. Ему определенно пошла бы серьга в ухо и алая шелковая рубаха.

Теодор Нотт. Кареглазый брюнет с не по-детски серьезным лицом.

Ну и мы пятеро: я, Драко, Невилл и мебельный гарнитур «Двое-Из-Ларца».

Такой вот кордебалет. Мне с ними жить и с ними как-то... нет, дружить пока не будем, но вот существовать без конфликтов определенно хочется. А это означает, что мне нужно будет выяснить хотя бы краткую биографию каждого, чтобы где не надо не задеть, а где надо поддержать связную беседу. Чем не первый пункт плана на ближайшее время?

Вторым пунктом в воображаемом плане значился директор. У этого волшебника была какая-никакая власть над Поттером. И добрый дедушка обязательно попробует этой властью воспользоваться. Настоящая Харо росла тихим и послушным ребенком, который если и взбунтует, но немного и ненадолго, а по-настоящему против взрослых никогда не пойдет. Такая будет очень просить не отправлять ее к Дурслям снова, но поедет и будет молча страдать у дяди и тети, если ей заявят, что она должна и это для ее блага.

Что ж. Мне пока не выгодно, чтобы Дамблдор узнал о моей повышенной самостоятельности. Пусть думает, что будет достаточно пожурить-поругать меня за побег, а потом напомнить, что я должна жить с Дурслями, и Поттер, как дрессированная собачонка, выполнит команду. Самое главное, чтобы директор не надумал покопаться у меня в голове! Совсем не хочется после этого внезапно полностью забыть себя и превратиться в какое-то овощеподобное создание, способное мыслить лишь шаблонами, идти куда велят и жить чужим умом.

В следующий пункт плана я вписала Квиррелла. Пока я на него не смотрела, все было нормально. Но стоило уставиться на фиолетовый тюрбан, как я непроизвольно громко выпустила воздух сквозь зубы и едва не схватилась за голову.

«А думала, что избавилась от этой проблемы в другом мире и в другом теле», — тихо шипя, подумала я.

Так уж вышло, что в прошлой жизни лет в шестнадцать меня начали мучить скачки давления, некоторые из которых сопровождались обмороками. В итоге меня прогнали по всем врачам и процедурам, выяснив и отклонения в размерах почек, и запаздывание в раскрытии одного клапана сердца. И то, что у меня наблюдается сужение сосудов головного мозга в правом полушарии. В конечном итоге все кончилось диагнозом, таблетками, списком рекомендаций и запретов. Ничего особенного, я могла жить обычной жизнью, но иногда, особенно в холод и от усталости ощущала резко появляющуюся острую боль как раз там, где нынче красовался шрам. Боль всегда была резкая и неприятная, будто кто-то втыкал что-то мне в голову. И я была беспомощна как-то себе помочь в эти короткие приступы, только пережидать. И тогда я представляла, будто это полдюжины темных магов в черных плащах насылают на меня проклятие, а мне нужно избавиться от них, будто от мишеней в биатлоне. После десятого или двадцатого приступа я даже, кажется, начала верить в

истинность своей фантазии, потому как боль утихала в тот самый миг, когда лопался, будто шарик, последний злой колдун.

Вцепившись в собственное бедро ногтями, я медленно досчитала до десяти, глубоко и размеренно дыша, а потом снова посмотрела на Квиррелла. Тот, кстати, моей реакции не заметил. Зато на меня задумчиво косился Северус Снейп и с беспокойством — Невилл Лонгботтом.

* * *

После ужина первой из-за стола Слизерина вскочила невысокая темноволосая девушка и пусть негромко, но отчетливо призвала первокурсников собраться вместе. Ни за одним столом не наблюдалось никакой системы, сдержанности, построений и тому подобного. Уставшие подростки от одиннадцати до восемнадцати тихо гомонили и утекали из Большого зала тонкими ручейками. Но нас староста придержала, пересчитала и только после этого повела прочь, когда все остальные уже освободили проход.

— Меня зовут Джемма Фарли, — оглянувшись и обведя нашу стайку взглядом, представилась девушка и продолжила путь. — На ближайший год я и Маркус Флинт — ваши мамочка и папочка в стенах Хогвартса.

Сказано это было четко, с нажимом, тем самым тоном, после которого никому не хочется смеяться.

— Если у вас что-то случилось, вы идете к одному из нас. Если вам что-то нужно — ответ тот же. Мы отвечаем за вас головой, так что ваше здоровье, учеба и поведение — наша с Маркусом ответственность. — Эту речь я слушала внимательно и с интересом. — Но мы не будем носиться с вами, как с несмышленьшими, учтите. Вам не по пять лет. И вы попали на Слизерин! — продолжала девушка.

Мы дошли до спуска в подземелья, и Джемма замолчала. Первокурсники сгрудились и нерешительно потекли вниз, причем девочки невольно протиснулись в центр, оттеснив к внешнему краю даже Драко. А вот Невилл как-то удержался в середине, и его подперли так плотно, что Тревор то и дело жалостливо поквакивал и побулькивал у мальчика в руках. Но вот только тесниться не было смысла — ширина лестницы и коридора за ней позволяли идти совершенно свободно даже в ряд, а жарко пылающие факелы разгоняли любой намек на пугающие тени.

В подземельях стены украшала только резьба по камню и дереву, никаких гобеленов или картин не наблюдалось. И гостиная факультета пряталась не за портретом какого-нибудь аристократа, а за мало чем отличимым от остальных барельефом.

— Найти нетрудно. Смотрите, только на этой части стены изображены вставшие на дыбы танцующие змеи, — пояснила Джемма.

«Ну, она польстила резчику, — про себя хмыкнула я. — Надо иметь хорошую фантазию, чтобы углядеть тут змей».

То ли всему виной сырость, то ли эта часть замка была очень и очень древней, но резьба по камню была довольно примитивной, грубоватой даже. Вместо змей я видела несимметричные загогулины в окружении цветов и более мелких завитков.

— *Aut viam inveniam, aut faciam**, — четко произнесла староста — в стене тот час же появилась трещина как раз между змеями, барельеф раздвинулся, и мы смогли попасть в небольшой коридорчик, а из него — в просторную гостиную факультета. — Хорошенько запомните пароль. — Невилл на этих словах старосты удрученно вздохнул. — Пароли иногда меняются.

Джемма как-то так удачно рассчитала время, что к моменту нашего появления в гостиной уже не толпились старшие студенты, лишь у одного камина о чем-то переговаривались несколько ребят.

— Подождем Маркуса, а потом разойдетесь по спальням, — указывая на диваны и кресла в центре гостиной, сказала девушка. — А пока...

Первокурсники кое-как расселись и приготовились слушать. Невилл и Драко снова зажали меня между собой, но уже на диване.

— Итак, — встав перед нами и кашлянув, начала мисс Фарли. — Вы — новое поколение студентов благородного дома, основанного Салазаром Слизерином. Мы еще успеем рассказать вам, чем славен наш факультет, если вы этого не знаете, — сказала девушка и внимательно оглядела нас, — но сейчас для вас важно лишь одно — быть достойными дома, который принял вас. А сейчас...

Дальше Джемма вдумчиво и последовательно рассказала, что нас ждет в ближайшие дни и недели. Так оказалось, что у первокурсников первые две недели все занятия сокращенные. Это было сделано для того, чтобы дети успели пообвыкнуться, освоиться. И эти две недели нас практически за ручку собирались водить на все занятия, но не только старосты, но и другие слизеринцы.

Если на остальных факультетах забота о первокурсниках всецело ложилась на плечи старост, то на Слизерине в последние десять лет, при новом декане, придерживались своей системы, которая более чем всех устраивала. Старост, конечно, выбирали. И как на других факультетах, старостой мог стать пятикурсник, с продлением этой должности на шестом курсе. Так было с Маркусом Флинтом, а вот Джемма впервые носила значок. Но это не значило, что ей не были знакомы обязанности старосты.

Особо не распространяясь, на Слизерине выбирали не только старост, но и набирали желающих получить дополнительные баллы за выполнение поручений. Ничего обременительного этим ребятам не поручали, но разница в расписаниях вторых-седьмых курсов позволяла скорректировать действия студентов так, чтобы они передавали первокурсников по цепочке от урока к уроку. Благодаря этому старостам не приходилось сломя голову нестись через весь замок, а потом опаздывать на свои занятия. За такую помощь старостам студенты получали баллы, но только в том случае, если их работу положительно оценивали сами первокурсники при слепом голосовании.

Говоря об этом, мисс Фарли указала на ряд песочных часов на каминной полке одного из каминов. В верхних резервуарах поблескивали металлические шарики: медные, серебряные и золотые. Как оказалось, в первый день учебы декан присваивал каждому часам имя студента, решившего стать помощником старосты. После этого как первокурсники, так и другие студенты могли начислить или отнять у этих ребят «кнаты», «сикли» или «галеоны». Но часы были зачарованы так, что никто не мог проголосовать под давлением или из желания просто подкинуть кому-то халявных шариков.

Рассматривая этот вроде как простой, но на самом деле сложный артефакт, я невольно восхитилась человеком, сумевшим его создать. Пусть даже он только повторил школьные часы факультетов.

— Побудка в семь, — тем временем продолжала Джемма. — Завтрак вообще-то с четырех, но так рано встают только сумасшедшие, вроде игроков в квиддич.

— Я все слышу, Фарли! — крикнул, входя в гостиную из коридора, высокий, лопоухий, но в целом довольно симпатичный парень, оказавшийся Маркусом Флинтом.

— А разве вы не сумасшедшие? — скептически уточнила девушка. — Я раньше восьми на завтрак не выхожу, а до этого предпочитаю лежать в своей тепленькой кровати. В кровати, а не болтаться на метле в небе с рассвета и до заката. Так что, малыши, учтите! Я завтра поведу вас на завтрак в восемь. Ни раньше, ни позже. И буду водить на завтраки эти две недели, а Маркус — на ужины.

— Да, — подхватил парень, присел на подлокотник кресла напротив и ослабился. Он явно пытался нас припугнуть своей кривой улыбкой и неровными зубами, но в глазах плясали добродушные искры, сводя на нет все старания слизеринца. — Но учтите, что отлавливать вас по школе я не буду. Нет в гостиной в нужное время — ищите Большой зал сами или прибываетесь к старшим товарищам.

Мы поняливо закивали.

— Расписание узнаете завтра, — перехватила инициативу в разговоре Джемма. — Но занятия всегда начинаются в девять. И у вас поначалу будет не больше трех уроков в день. Разве что зельеварение всегда двойное. А уже потом начнутся стандартные по продолжительности занятия. Мы пока не знаем, что вас ждет завтра после уроков, узнаем утром, но обычно после обеда и до ужина декан проводит индивидуальные беседы с новичками.

— Беседы? — тихо переспросил Невилл, его чуть потряхивало. — Мисс Фарли.

— Ничего ужасного, — отмахнулся Флинт. — Декан у нас жесткий и требовательный, но о своих подопечных заботится. Профессор Снейп пораспрашивает немного, уточнит увлечения. Ничего особенного.

Старосты покивали друг другу, а потом Фарли сказала:

— Ну а еще он вас запишет на факультативы, которые вы сможете посещать после основных занятий. Их проводят так же ребята с нашего факультета.

— У других ничего такого нет, — похвастался Маркус.

— А что за факультативы? — спросила Дафна и устало вздохнула.

— Есть много разных, — ответила Джемма. — Одним нужна каллиграфия, другие хотят освоить бытовые чары, третьим не понятно, как вести конспекты, работать с материалами для эссе и как эти эссе писать вообще. Полный список я раздам утром вместе с расписанием или, если декан не успеет рассмотреть заявки репетиторов, немного позже, за обедом, например.

Объяснив еще кое-какие мелочи, старосты разделили нас по полу и повели каждый в свой коридор. Названная Флинтом фамилия не оставляла мне шанса прибиться к девочкам, хотя я не сомневалась, что смогу пройти на женскую половину Слизерина.

Коридор, в который мы углубились, вывел в небольшой зал, от которого веером расходилось уже семь коридоров.

— У Гриффиндора и Рейвенкло студенты живут в башнях. Там, конечно, есть окна и не так сыро, как у нас, — поведя рукой, сказал Маркус. Тревор пронзительно квакнул, явно голосуя за сырость, и принялся выдираться из рук хозяина. Флинт, глядя на них, весело хмыкнул. — Зато у них там тесно и постоянно сквозняки. У нас, как видите, никаких этажей нет, каждому курсу отведен свой коридор, зато...

Парень не закончил, поманив нас в третий по счету коридор. Вспыхнули факелы, освещая длинный широкий проход, украшенный такими же барельефами, как и стены в остальной части подземелий. Двери появились не сразу, пришлось пройти с пару дюжин шагов.

— Тут достаточно комнат, чтобы каждый жил отдельно, — предупредил Маркус. — Но можно и по двое, и по трое, если кому-то так удобнее.

Подтверждая свои слова, староста распахнул ближайшую дверь из темного дерева, скрепленного полосками кованого железа и заклепками. За дверью пряталась просторная прямоугольная комната, обставленная достаточно аскетично: кровать с зеленым балдахинном, шкаф-стеллаж для книг, шкаф для вещей, стол, стул, небольшой камин с креслом при нем и узкая дверца, за которой явно прятался свой отдельный санузел. Я не без облегчения выдохнула, уже представляя, как смогу спокойно существовать на мужской половине, ничем себя не выдавая. Это вам не Гриффиндор с общими умывальнями и открытыми душевыми, не спальня на пятерых.

«Живем, Харо!» — мысленно возликовала я и едва не рванула выбирать себе комнату, не дослушав последние наставления старосты:

— У нас тут уважают личное пространство, а потому учтите, что выбранная комната закрепляется за вами до самого выпуска и без вашего добровольного согласия в нее может войти лишь декан или староста. Это означает, что проспавших никто не придет будить, если вы заранее об этом с кем-либо не договорились.

Мальчишки что-то нестройно замычали, пока я через порог рассматривала уже открытую комнату. И не заметила, что Нотт и Забини утопали в ближайшие спальни, а Двое-Из-Ларца без раздумий облюбовали одну спальню. Я уже хотела было пойти поискать себе спальню подальше от других, как внезапно меня перехватили и запихнули в открытую дверь. Не успела я вякнуть, как оказалась в комнате не одна, Малфой и Лонгботтом без раздумий шагнули следом и не слишком довольно взглянули друг на друга.

«Тэкс, они оба хотят жить со мной в одной спальне? — быстро сообразила я. — Вот же обломинго!»

Сбежать, отмахиваясь желанием жить отдельно, я раздумала в первую же секунду, видя решительные взгляды мальчишек. А быстро изменившаяся спальня позволила надеяться, что уж с двумя соседями я как-нибудь справлюсь: спальня значительно расширилась, симметрично, но на значительном расстоянии встали три кровати, два больших стеллажа разделили комнату на три условные зоны. Столы и стулья в нужном количестве появились у стеллажей, а рядом с кроватями — шкафы. Камин стал больше и рядом с ним возникли дополнительные кресла, правда, разные по дизайну, пусть и с зеленой обивкой. А вот дверей в санузел оказалось две. За одной прятался туалет с тремя кабинками и тремя раковинами, а за другой — самая настоящая ванная комната с ванной, опирающейся на вздыбившихся змей, и душевой кабинкой с непрозрачными дверцами.

«Могло быть и хуже», — смирилась я, вспоминая общагу. Тревор чему-то довольно квакнул и таки вырвался из захвата хозяйских рук.

-
*Aut viam inveniam, aut faciam (лат.) — Или найду дорогу, или проложу ее сам

— Поздравим себя! Репутация пошла коту под хвост! Ура! — беззвучно сказала себе, изобразив на лице торжественность пополам с издёвкой, и незаметно для других подняла за это событие кубок с тыквенным соком. Выражением лица я сейчас составила бы достойную конкуренцию нашему профессору-зельевару, взиравшему на студентов из-за учительского стола так, что мухи дохли не долетая, а тыквенный сок на деле оказался тыквенно-яблочным с привкусом лимона и чего-то еще. Задумавшись над этим «чем-то», я пропустила появление за столом Нотта и Забини. А когда переключилась на здоровающихся со всеми ребят, то скривилась еще больше при виде их радостных мордашек. Надо сказать, за столом из всех первокурсников цветом лица и настроением меня поддерживал один Тревор. Вот кто истинный джентльмен и настоящий боевой товарищ!

— Ты один меня поймешь, прекрасный принц, — патетично сообщила я жабу, которого Невилл опрометчиво усадил на лавку между нами. Тревор увлеченно вылавливал из блюда с водой мошек, потому пока не пытался сбежать, а на обращение и вовсе повернул голову, воззрился на меня и приглушенно квакнул. Я кивнула, будто поняла смысл квака и признала его изречением мудреца: — Именно, ваше высочество. Именно.

Сонный, но в целом бодрый Малфой покосился на меня с подозрением. Но промолчал и продолжил упихивать в себя завтрак. Изящно и неторопливо, но именно упихивать. Мелкий блондин отправил в желудок полдюжины тостов с джемом еще до того, как я вяло доковыряла порцию овсянки, скорее размазывая ту по тарелке, чем отправляя в рот. С той же скоростью в Драко отправились яблоко, персик и еще один тост, но уже с маслом под две чашки чая по три ложки сахара в каждой.

Ребята вокруг не отставали. Мне тоже стоило нормально поесть, но после почти бессонной ночи и забытья, продлившегося, по ощущениям, не больше пары минут, от пищи откровенно отворачивало.

— Ква! — сообщил Тревор вдумчиво.

— И то верно, — согласилась я, отодвинула в сторону недоеденную кашу и переключилась на чай и тост с джемом. Раз не лезет, то не стоит и пытаться, но хоть что-то съесть надо, ведь до обеда нас никто кормить не будет.

Глаза сами собой закрывались, а мысли вяло скользили по поверхности того скрытого туманом озера, коим сейчас прикидывался мой разум. Стоило обдумать сложившуюся ситуацию, просчитать варианты развития событий в будущем, через день, год или семь лет, но... думать совершенно не хотелось. А хотелось поднять руку, опустить ее и сказать громко: «А пошло оно все!..», а потом отправиться в подземелья, забаррикадироваться в спальне и спать-спать-спать...

Заставила себя встряхнуться и глотнуть горячего чая.

С одной стороны, надо искать пути устроиться в этой новой жизни с максимальным для себя удобством, а испорченная репутация, как ни крути, перечеркнет все мое будущее в тот самый день и час, когда все магическое сообщество узнает мой истинный гендер. С другой стороны, зная историю Мальчика-Который-Выжил, мне и так будет весело на качелях между обожанием и попытками засадить меня в Азкабан. Так что рассуждения о чести и достоинстве одной отдельно взятой девицы просто потонут в том море грязи, в которое меня, в случае чего, с превеликим удовольствием сбросят с помоста. Плюсы определенно

перевешивали минусы. Так есть ли смысл переживать? Если станет совсем плохо, вернусь в дом Поттеров и выходить стану только по важным делам и только в мир магглов. Это у Гарри из другой реальности не было вариантов, куда податься: или Хогвартс, или Дурсли. Видимо, такое вот безвыходное положение очень устраивало Дамблдора. Самостоятельный ребенок с возможностью уклониться от войнушки взрослых ему не подходил.

По крайней мере, прямо сейчас стоило переживать вовсе не об этом, а о том, кому сейчас или позже я смогу довериться. Хочешь не хочешь, а надо подбирать себе союзников. Причем, среди взрослых. Мой прежний возраст в нынешней жизни можно себе не засчитывать, ведь на фоне прожженных интриганов, вроде Альбуса Дамблдора, и опытных двойных шпионов, вроде Северуса Снейпа... да даже на фоне любого одиннадцатилетнего аристократа я со своим опытом — младенец, пачкающий пеленки.

Вздыхнув, я окинула взглядом стол Слизерина. Союзники мне нужны уже сейчас. Сильные, влиятельные, деятельные, рискованные, но терпеливые. Но пока я даже толком не знаю, что сама представляю из себя во всей этой заварушке. И даже не с кем посоветоваться. Не у кого узнать стороннее мнение. Остается пока просто смотреть вокруг, постепенно расширяя радиус. И начала я еще вчера.

После того, как мы разошлись по спальням, еще долго никто не мог уснуть и в итоге к нам пришлепали Забини, Нотт и Двое-Из-Ларца. Последние помалкивали, я то и дело просто направляла беседу, желая узнать побольше и о моих сокурсниках, и о факультете Слизерин, а остальные мальчишки вели очень бурную беседу. Даже Невилл довольно активно участвовал в разговоре.

За два часа я выяснила много всего полезного и не очень, но ни на минуту не пожалела о том, что пожертвовала сном ради посиделок. Все равно бы не уснула, хотя в принципе привыкла спать в любом месте и при любой обстановке.

Матушка Забини, фамилию которой он носил вместо фамилии отца, училась в Шармбатоне, родного отца Блейз ни разу не видел, но вот среди отчимов нашлись и рейвенкловец, и слизеринец. К ветренности своей матери мальчик относился на удивление спокойно, без стеснения уточнив, что перевес в счете бывших мужей любвеобильной дамочки уверенно держали выходцы из Дурмстранга. Так что у Блейза имелось какое-никакое представление о разных школах и факультетах. Родители Драко оба учились на Слизерине, но его матушка неплохо общалась с девочками из Хаффлапфа и много раз заживала в их факультетскую гостиную. У Невилла и вовсе с барсучьего факультета были те самые зловерные дядюшка и тетюшка, стараниями которых юный волшебник узнал ощущения от падения из окна, а еще дед, но тот умер до рождения мальчика. Бабуля и оба родителя Лонгботтома, как и в книгах, закончили Гриффиндор. У Нотта же на Рейвенкло училась мать, а отец и все остальные родичи по отцовской линии — на Слизерине. Таким образом, обмен сведениями позволил оценить прелести обитания на каждом из факультетов Хогвартса.

Что же, если опираться исключительно на слова мальчишек, то Шляпа не обманула, среди змей мне будет проще всего.

Еще при директоре Армандо Диппете на каждый из факультетов поступало гораздо больше студентов, чем сейчас. Во времена той же Августы Лонгботтом на ее курсе училось порядка девяноста юных магов, а это больше двадцати на каждый факультет! Гриффиндорцы и тогда жили по четыре-шесть человек на одну спальню, но этих спален было несколько. Да и у рейвенкловцев было «тесно, но уютно». И только барсуки и змейки обитали привольно

— размеры подземелий позволяли селиться максимум по трое. Но уже при вступлении Дамблдора в должность заместителя число учеников стало уменьшаться, и во времена его директорства в Хогвартс поступало примерно столько же юных волшебников, сколько и сейчас. И если барсуки, змеи и вороны подстроились под новые реалии, то на Гриффиндоре ничего не поменялось с начала века.

— Я слышал! — подхватывая рассказ Невилла, кивал Теодор. — У гриффов до сих пор общие душевые и туалеты. Допотопные. Прямо такие же, как при квиддичном стадионе, где даже мужская и женская половины раздевалок разделены весьма... условно. А про ремонт речи не идет с тех пор, как должность декана занимает МакГонагалл.

— Пф! Еще дальше, — отмахнулся Драко. — Мол, спартанские условия закаляют характер! Да уж! Закаляют. Крес... Профессор Снейп не раз жаловался отцу, что с поздней осени и до конца весны львы потребляют бодроперцового зелья больше, чем все остальные факультеты вместе взятые. А слизеринцы в подземельях обитают, между прочим! Под землей!

— Ты сравнил, — хмыкнул Нотт. — У нас тут сквозняки не возможны по определению, чары ведь, а магическая вентиляция, камин и защитные плетения не дают и мизерного шанса сырости и холоду в спальнях.

К своему стыду, я ожидала, что жить под землей окажется неудобно. Но стены оказались чуть теплыми и сухими на ощупь, ни откуда не дуло, полы и вовсе плотно покрывали толстые ковры. Казалось, и без камина мы не замерзнем. И даже отсутствие окна ни капельки не удручало благодаря арочным окнам-иллюминаторам в гостиной, сквозь которые было видно глубины озера.

Барсуки, как выяснилось, жили в похожих условиях. У них тоже при снижении числа учащихся ввели возможность селиться по одному, своими силами сделали ремонт, а потрепанную мебель каждый год зачаровывала лично декан. Но только на Слизерине в течение всего срока учебы студенты могли менять комнаты, расселяясь или съезжаясь. Компанейские хаффлпаффы предпочитали жить по двое и не меняли соседей. Как и воронята. Те тоже с удовольствием воспользовались своей малочисленностью, предпочтя еще трем или четверем соседям такое же количество шкафов под книги.

И только гриффиндорцев продолжали селить всех в одной спальне, даже не доводя до сведения студентов, что в их башне гораздо больше помещений. Декана не волновали щели, старая мебель, потрепанные гобелены, а студенты и не думали проявлять инициативу, хотя те же семикурсники уже могли вполне качественно трансформировать мебель во что-то попримечательнее и закрепить чары хотя бы на пару-тройку лет. Что уж говорить про пустующие спальни! А ведь для жизни с комфортом совсем не обязательно было добиваться должности старосты.

«Хотя... Вряд ли те помещения пригодны для жизни, — слушая ребят, думала я. — Если ими не пользовались и двадцать лет назад, то сейчас там слой пыли по щиколотку!»

— Да что там, — покривился Теодор. — Взять школу в целом. Огромное ведь здание, помещений столько, что можно было бы выделить каждому студенту отдельную аудиторию для внеклассных занятий, но директор и его заместительница настолько заняты своей сверхважной работой, что не могут найти время и поручить эльфам отремонтировать хотя бы зал рядом с Библиотекой.

— Это тот, где раньше студенты могли делать домашнее задание, если не хватало места на территории факультета? — уточнил Блейз. — Хорошо, что у нас есть свой Тихий класс.

Я зацепилась за эту фразу и вскоре узнала, что у факультета Слизерин есть свой Тренировочный зал, свой зал для занятий уроками, тот самый Тихий класс. Даже своя Зельеварня. Та появилась уже при Снейпе, решившем, что такое помещение студентам нужнее зала под клуб «Слизней», существовавшем при Слагхорне. И это никто не считал малые комнаты, внутри и рядом с факультетской гостиной, где змеи проводили свои вводные факультативы для новичков.

— Как мне сказал отец, — начал Драко, растягивая слова, хотя еще недавно напрочь забыл об этом, — Попечительский совет раз в пару лет поднимает вопрос о ремонте, закупке нового оборудования... Да сами профессора им отсылают запросы, между прочим! Спраут каждый год пишет о том, что хочет восстановить Оранжерею, что нужно разбить новые теплицы... Наш декан настаивает на том, чтобы не нагружать школьников покупкой котлов, а заказать партию подходящих хорошему мастеру. Нужны пособия по ЗОТИ, по уходу за магическими существами. Но ни один запрос не удовлетворяется! — Драко запыхтел, как настоящий дракон. — Директор отклоняет все запросы, утверждая, что на это нет денег. Разве что на новое постельное белье, подушки, одеяла и матрасы раскошелится раз в несколько лет.

— Застой... — прошептала я себе под нос.

— А ведь большая часть денег, которая тратится на нужды Хогвартса, идет не из средств попечителей и благотворителей, а из наследства Основателей!

— Наследства? — переспросил Блейз.

— Да, — кивнул Тео, соглашаясь с блондином. — Из наследства. Основатели завещали свои богатства школе. Это все знают!

— Но разве это не легенда? — уточнил Невилл чуть нервно.

Тревор, весь вечер с интересом исследовавший помещение, так же вопросительно квакнул из какого-то угла.

— Вообще нет, — ответил Драко. — Разве твоя бабушка не в Попечительском совете?

— Да, но она мне не рассказывала, — пояснил мальчик.

— В общем, в конце жизни Основатели составили договор, согласно которому определенная часть их имущества была перенесена в общий сейф и по сию пору используется для поддержания школы, — пояснил Драко. — И там до сих пор очень и очень много средств! Никто не знает точно, даже директор Хогвартса не может войти в хранилище, но гоблины преспокойно выделяют средства (при наличии сметы) из года в год и ни разу не намекали, что стоит урезать траты.

— А кто может войти в хранилище? — спросила я.

— Только кто-то из наследников Основателей, — ответил Малфой. — Вынести ничего не вынесет, но побывать и оценить сможет.

— Интересно, но... где сейчас найдешь кого-нибудь из наследников? — повздыхал Нотт. — Кровь уже давно разбавлена настолько, что никто не вправе претендовать на звание наследника одного из Основателей!

— Я не согласен, — смущаясь, ответил ему Невилл. — Пусть прямых наследников не осталось, но... при соблюдении некоторых условий... наследником может стать и дальний родич не по прямой линии.

— Ну да, — согласился Драко. — Наследие по крови, плоти и магии. Если хотя бы два из условий соблюдены, то волшебник признается достойным называться наследником, сама магия его таковым признает.

— М... — протянул Блейз. — Значит...

— Вот смотри, Альбус Дамблдор очень любил в юности всем рассказывать, что является потомком Гриффиндоров по женской линии, но разве сейчас хоть где-то он это упоминает? В его биографии, что краткой, что полной, нет ни слова о подобном родстве. А все почему? — Малфой с усмешкой наклонился чуть вперед. В тусклом свете пламени его юное лицо выглядело взрослее, а в позе было что-то очень театральное. Он и паузу выдержал, прежде чем ответить на собственный вопрос: — А потому, что очень у многих возник вопрос: Как так вышло, что один из самых сильных магов нашей страны, утверждающий, что он по крови связан с Гриффиндорами, не признан наследником этого рода? По крови и по магии.

Вспомнив эту часть всплывших вчера сведений, я снова призадумалась над словами Малфоя. А ведь есть еще один персонаж, утверждавший, что он наследник одного из Основателей. Тот-Кого-Нельзя-Называть никогда не называл себя наследником Слизерина во всеуслышание, но он открывал Тайную Комнату, управлял василиском. И в сороковых, и в девяностых все маги называли того, кто открывал Комнату, потомком Слизерина. И никто не копался в дебрях генеалогии, давая и Гарри это... прозвище? Нет. Надеясь этим титулом. Маги, как известно, все родня друг другу. Значит, любой род вправе говорить, что он связан по крови с любым из Основателей. Гонты тоже всем говорили о родстве, но только Реддл смог открыть Тайную Комнату (по крайней мере, только о нем известно точно!). Выходит, наследником можно стать, будучи просто очень сильным волшебником, у которого этой силы оказалось достаточно для пробуждения... наследия? Родового дара?

— Первокурсники, — окликнула нас Джемма. — Вот ваше расписание на неделю. Читаем внимательно. Под расписанием занятий декан указал время консультации у него. Будьте внимательны, он продублировал одинаково на всех свитках, но указал фамилии...

Я быстро пробежала взглядом записи и невольно хмыкнула. Моя фамилия стояла в расписании профессора Снейпа последней, без времени завершения интервью. Похоже, декан оставил меня на десерт!

Первые уроки прошли без происшествий. На трансфигурацию ожидаемо опоздал Уизли, Грейнджер ожидаемо смогла наполовину превратить спичку в иголку. На истории взбудораженные всем новым дети ожидаемо впали в дремотное состояние. А на защите мы ожидаемо «насладились» невнятной лекцией профессора-заики. Больше удивило то, что на всех уроках Малфой без сомнений утаскивал меня за вторую парту, вынуждая Невилла обосноваться за первой. Но Лонгботтом так ни разу и не остался впереди в одиночестве. На первом же уроке к нему подседа Паркинсон и с того момента неизменно занимала место подле внука леди Августы. Сзади нас прикрывали Крэбб и Гойл.

За моей спиной постоянно кто-то шептался. Я улавливала то имя, то фамилию, то какие-то общеизвестные факты из биографии, но никто пока не осмеливался подойти поближе. Если в той реальности от Гарри всех отваживал Рональд, то в этой влиял выбор факультета и то, что меня, как стеной, окружали парни этого самого факультета. Будучи ниже всех, даже Драко, я просто терялась за спинами сокурсников.

После обеда нам разрешили самостоятельно изучить замок, но повторили директорские запреты. И мы стайкой бродили по Хогвартсу и окрестностям, полагаясь то на Нотта, то на Малфоя, то на Паркинсон. Остальные девочки с нами, кстати, не пошли, начав ныть еще в гостинной, куда первокурсники вернулись оставить вещи. От Панси же нытья мы не дождались, она с одинаковым любопытством бродила с остальными по коридорам, заглядывала в темные углы, лазила на трибуны на стадионе. К концу прогулки мы все упарились, расслабились и то и дело обменивались беззлобными подколками по поводу и без. Я не без изумления посматривала на ребят, понимая, что одиннадцатилетние слизеринцы ничем не отличаются от любых других любопытных детишек. И аристократы, забывшись, могут с восторгом попискивать на верхотуре трибун, мечтая о квиддичной славе, как и самые обычные ребята.

— Я обязательно стану ловцом в следующем году! — воскликнул Драко, глядя вниз и на горизонт. — Обязательно!

— На здоровье, — совершенно искренне ответила я, наслаждаясь тем, как ветер гладит лицо. Солнце грело еще совсем по-летнему, сочный аромат трав окутывал все кругом, долетая даже до трибун.

Когда минуто спустя я не услышала ответ, то открыла глаза и взглянула на Драко. Тот казался озадаченным.

— Что? — спросила, склоняя голову к плечу.

— А ты сам? Будешь участвовать в отборочных?

— Зачем? — вполне искренно удивилась я. — Я не планирую играть в квиддич. Что? Похоже, я сумела удивить всех, потому как ребята наперебой стали тараторить:

— Почему? Твой отец хорошо играл! Был капитаном, разве нет? Отличным загонщиком! И Кубок школы выигрывал! Почему?

Я невольно хмыкнула. На лицах Нотта, Забини и Малфоя читалось недоумение. И ни один из них не добавил ничего отвратительного о Джеймсе Поттере.

«Да и не только теперь, — напомнила себе. — Пока никто из слизеринцев ни слова не сказал и не сделал мне ничего дурного. Будто то, что я поступила на змеиный факультет, сделало серебристо-зеленых более лояльными».

Но, если подумать, у того, другого Гарри, не было особых проблем со старшими змейками. Да, те поддерживали травлю значками, но никогда не переходили границ. Настоящий конфликт был только с одноклассниками, да и то лишь потому, что Малфой не мог устоять и не... дернуть гриффиндорца за косичку.

Усмехнувшись пришедшему в голову сравнению, я вернулась к беседе и ответила всем сразу:

— Есть выражение, что дети не в ответе за грехи отцов. Но оно так же верно и для выбора пути. Мы — не наши родители. Да, есть такое понятие как преемственность, но это не означает, что мы должны повторять за близкими. Тем более, если нет желания или предрасположенности. Унаследовать дар от отца или матери и развивать его — правильно. Но... Заниматься чем-то лишь потому, что этим занимался отец? Нет уж! Мало ли чем он еще увлекался! Может... — Я задумалась. — С крыши прыгать любил. Так мне тоже пойти — и того?..

Панси хихикнула и покивала, соглашаясь. Драко как-то скучился. Похоже, ему нравилась идея побороться со мной за место в команде или даже вместе играть.

— Это не означает, что я и вовсе не собираюсь садиться на метлу, — добавила примирительно.

Харо, надо сказать, высоты не боялась совершенно. Ее память то и дело подбрасывала разные моменты, после которых мне начинало казаться, что кто-то еще в нежном возрасте отбил у ребенка пыльным мешком почти все чувства. И инстинкты. И мозги. Эпизод с прыжком на крышу был в карьере Харо не единственный.

Она то оказывалась на крыше, то взлетала на дерево, то без травм выпадала из окна. И ни один из случаев не сподвиг девочку быть хитрее. Вместо того чтобы выдумать более реалистичную причину произошедшего там, где это было возможно, Харо мямлила и твердила про волшебство и случайность. Казалось бы, даже собачки тетки Мардж постигали принцип взаимосвязи после нескольких повторений. Но до Харо не доходило, что тетю и дядю корежит от одного только слова «магия». И пусть врать не хорошо, но оставаться без ужина и сидеть взаперти — еще хуже.

Но, с другой стороны, Дурсли, особенно Дадли, сделали все, чтобы Поттер, живя среди людей, оставалась своеобразным Маугли. Харо жила в вакууме и могла только мечтать о дружбе, заботе и любви. Не удивительно, что Поттер из другой реальности сразу же решил, что Хагрид и Рон — его друзья, а Дамблдор — лучший в мире взрослый.

— Ну ладно, — приняв мои слова к сведению, протянул Малфой.

— Давайте уже возвращаться, — предложила Панси. — Скоро к декану идти.

* * *

Дни летели очень быстро. Мы ходили на занятия, писали конспекты в больших тетрадках, наставляя кляксы на пергаментные страницы, гуляли по окрестностям сразу после занятий. А потом все вечера проводили в подземельях на факультативах.

На дополнительные занятия для первокурсников на Слизерине отвели весь сентябрь. Четкой программы не было, приходить можно было хоть на каждое занятие, хоть не ходить вообще. Задания выдавались индивидуально, с учетом желаемого результата.

Я, с моими навыками, записалась на все. Но многие факультативы пересекались, так что ходила по мере сил и возможностей. Для начала решила научиться красиво писать, правильно вести конспекты, составлять эссе и освоить базу по зельеварению. И ни капли не пожалела, что променяла, как Гойл и Крэбб, последние теплые деньки на сидение в классе.

На примере нескольких шкафов в общей гостиной нас научили пользоваться чарами поиска. Несложное заклинание подсвечивало книги, в которых встречались нужные слова или словосочетания, что значительно сужало поиск при подборе литературы для эссе. На занятиях каллиграфией никто не смеялся, что я не умею писать пером (перьевой ручкой в моем случае). Как никто и не потешался над моим жутким почерком. Зато от Харо мне досталось отличное владение родным для нее английским, и я не делала по три ошибки в слове, как Панси.

Драко не нуждался в факультативах. Он ловко выводил на пергаменте кружево из буковок, знал все про основы разных наук, с закрытыми глазами мог нарезать живых флорбер-червей шестнадцатью разными способами, четыре из которых — при помощи заклинаний... В общем, на второй день стало очевидно, что блондинчик не на дополнительные занятия ходит, а таскается за мной. При этом Малфой старательно делал независимый вид, хотя на его щеках, когда я бросала подозрительные взгляды, проступали алые пятна. Лишь из-за этого явного смущения я не задавала вопросов и делала вид, что так и надо. Благо, Драко не мешал, не слишком отвлекал и не пытался строить из себя всезнайку или принца. Но так было только на территории Слизерина.

Надо сказать, что совершенно все мои сокурсники — да и все Слизеринцы в целом! — вели себя по-разному в подземельях и за их пределами. Было видно, что среди своих студенты чуть расслабляются. Змейки будто были войском, готовым к бою вне пределов крепости. Даже я, еще недавно жившая совсем иначе, быстро переняла эту манеру. Именно поэтому не жаловалась на присутствие Двоих-Из-Ларца за спиной.

Большую часть времени мы, первокурсники, держались вместе, но почти сразу стали формироваться компании. Милли и Дафна быстро отделились, представляя собой классическое «красавица и ее страшенькая подруга». Тео и Блейз иногда, но все же откалывались от нас, постепенно образуя свою крепкую дружескую пару, где молчаливого Нотта дополнял болтливый Забини. Гойл-Крэбб вообще, кажется, были сиамскими близнецами. И понимали друг друга лучше братьев Уизли, вообще без слов. И пусть они таскались за Малфоем, это нельзя было назвать дружбой. А вот службой — очень да. Ну а последнюю группу составляла наша четверка, хотя Тревор явно претендовал на звание пятого члена нашего дружного коллектива.

Я в целом ровно держалась со всеми, старалась даже с девочками перекидываться парой-тройкой слов. У меня не было планов близко с кем-либо сходитьсь. Но у Малфоя и Лонгботтома планы были. Оба явно написали домой и оба не выглядели огорченными. Даже Невилл, из чего я сделала вывод, что его поступление нельзя считать случайностью. Просто Гриффиндор из другой реальности вызывал меньше вопросов. А Панси просто не вписалась ни в одну компанию и прибилась к нашей, разношерстной.

Но королем нашей группки определенно стал жаб. Точнее, он стал принцем. Прекрасным принцем!

Тревору понравились подземелья. В ванной комнате нашей спальни он отыскал уютное влажное местечко рядом с высокой каменной стенкой, отделявшей душ от остального помещения. В ямке скапливалась вода, образуя идеальный крохотный бассейн для нашего королевского высочества.

Из подземелий Тревор позволял выносить его только ради еды, и только мне доверял столь почетную миссию. К среде я так наловчилась, что жаб на ужин прибыл у меня на плече, повергнув в апатию других земноводных питомцев. В тот вечер в Большом зале не

было слышно ни одного постороннего квака, а наш принц от гордости особенно сильно надувался и слопал в два раза больше мошек.

Невилла моя платоническая любовь к его питомцу волновала гораздо меньше, чем Драко. У Малфоя вообще был какой-то пунктик на мой счет. Он, похоже, решил, что я его главный друг. И Невилл с Панси этому не мешали так, как Тревор. Но Малфой помалкивал, лишь ревниво следил, чтобы я почаще пользовалась заклинанием очистки рук. К пятнице я владела им настолько, что за завтраком совершенно случайно «помыла» руки всем, кто оказался в радиусе трех метров.

— Без палочки и невербально? — восхитилась Панси, ощутив специфический холодок и покалывание. — Здорово!

— Это из-за нервов, — призналась я.

— С чего вдруг? — вздернула бровь девочка.

— Сегодня первое занятие у декана.

Невилл, до этого и так едва ковырявший овсянку, окончательно скуксился и отодвинул от себя тарелку.

— Эй, ты чего? — осторожно спросила я.

Лонгботтом скривился, но не расплакался, хотя голос его звучал сипло, когда мальчик прошептал:

— Я его боюсь...

Я понимающе вздохнула и похлопала парня по плечу.

— Все будет хорошо, — заверила я, хотя после личной встречи с деканом не могла за это поручиться.

Северус Снейп задумчиво провел подушечкой пальца по ободку кофейной чашки, больше думая о своем, чем вслушиваясь в разговоры преподавателей или фоновый галдеж студентов. Прошлый вечер, плавно перетекший в ночь, зельевар провел подле котлов, успев испробовать пять измененных вариантов приготовления волчелычного зелья, но пока результат не устраивал профессора и на десять процентов.

Как и большинство мастеров зельеделия по всему миру, Северуса Снейпа нельзя было обмануть титулом, который приписали Дамоклу Белби журналисты. Этот не самый талантливый зельевар не создал волчье противоядие, а лишь весьма топорно адаптировал к современным реалиям уже существующее зелье, рецепт которого, как считалось, был утерян. Все знали правду и все помалкивали, хотя в тесном кругу уже давно отмыли косточки несчастного горе-изобретателя до кипенной белизны. Особенно часто Белби поминали то, что он ни под каким видом не желал обнародовать как-то попавший к нему изначальный рецепт, а еще то, что волшебник заменил недоступные и редкие ингредиенты настолько неумело и грубо, что пока никому не удалось восстановить рецептуру и добиться приличной действенности противоядия.

И вот уже пятнадцать лет все талантливейшие зельевары то и дело обращались к этому рецепту, пытаясь постичь истину. Декан Слизерина не был исключением и вспоминал о волчелычном в дни душевного раздора. Исследования отлично отвлекали от невеселых мыслей о собственной жизни.

Последние десять лет промелькнули так быстро, что Снейп не успел осуществить самую главную миссию, отведенную на это время — возненавидеть Гарри Поттера. Преподавание, варка зелий и административные обязанности отнимали почти все время. Так что на «подумать» оставались только перерывы на еду, душ и сон, но за столом, под тугими горячими струями или в уюте спальни как-то не выходило принудительно отращивать в себе злобу.

Снейп бы и вовсе позабыл про свою миссию, но Дамблдор приглашал к себе зельевара хотя бы раз в три месяца и, скорбно качая головой, повторял, как шарманщик, давно надоевшую песенку: клятва, старые обиды, Лили, предательство, Гарри, сын Джеймса, мальчик, обещание, пророчество, искупление. Порой очень хотелось или не пойти на сеанс внушения, или с порога высказать директору все, что Северус думал о его методах. Но профессор раз за разом останавливал себя, понимая, что может и не закончить тираду, придушенный, как удавкой, той самой глупой клятвой, данной старому манипулятору.

За тот момент своей жизни, полностью перевернувший все, зельевар давным-давно был наказан и мог лишь исходить бессильной злобой, понимая, что раз и навсегда дал полную власть над собой Альбусу и тот не освободит его от клятвы и после смерти. Оставалось только мысленно проклинать Дамблдора и прятать истинные чувства, чтобы не дать директору новых точек давления на своего не то подчиненного, не то раба.

Зато вынужденный контроль эмоций позволял тренировать окклюментные щиты и оттачивать актерские навыки, так что декан Слизерина не сомневался, что в нужный момент он сможет всем своим видом показать презрение к отпрыску Джеймса Поттера. И директор получит так необходимую ему вражду ученика и преподавателя.

Но врать самому себе Снейп не умел и не любил. И правда была в том, что Гарри

Поттер был прежде всего сыном Лили. Да, мальчишка кровь и плоть ненавистного Джеймса, но он же кровь и плоть той девочки, девушки и женщины, так и оставшейся в душе Северуса теплым золотистым огоньком, что согревал его и в девять, и теперь, в тридцать один год.

Еще осенью 1981 года Северус понял, что наступит момент, когда Темный Лорд попытается вернуться. Он осознал это, кажется, раньше Дамблдора, долгие несколько недель в вечных серых сумерках камеры Азкабана рассматривая сильно побледневшую, но так и не исчезнувшую Метку. Выйдя спустя месяц из тюрьмы, Снейп легко согласился с доводами Альбуса, считавшего, что однажды миру может снова понадобится шпион, а потому Северус ни в коем случае не должен допустить и намека на свое истинное отношение к Поттерам. Директор считал, что слизеринский змей согласился на это из чувства вины и ради мести, но правда была в другом.

Проводя занятия днем, вечером зельевар устраивался у пылающего камина с бокалом, заливая свое горе. Боль утраты никогда по-настоящему не оставляла его, но в те первые месяцы было на самом деле сложно. На плаву и в этом мире Снейпа держали не клятвы Дамблдору, а одно единственное обещание самому себе — любой ценой защищать сына Лили столько, сколько потребуется. Год — значит год, десять лет — значит десять лет, всю жизнь — значит всю жизнь до самой смерти Северуса. Лили не вернуть, но.... Огонь ее бессмертной души будет пылать, пока сияет маленький огонек, которому ведьма подарила жизнь. Волшебник знал, что это пламя никогда его не коснется, что он так и останется в тени и среди льдов, но не собирался ничего менять. Это была его плата за ошибки, которую он собирался отдать без возражений и сожалений.

Десять лет Северус знал свои истинные чувства и десять лет умело их скрывал, но этим летом его таланты притворщика подверглись нешуточным испытаниям. Все вокруг будто походили с ума из-за Поттера. Люц поминал мальчишку в каждом втором разговоре, а Альбус — в каждом первом. Минерва начала горделиво задирать нос с собрания по итогу очередного учебного года, а Хагрид залил слезами, кажется, все кусты на опушке Запретного леса. Но хуже всех вел себя Драко, впервые на памяти декана Слизерина заваливший приготовление зелья за первый курс с тех пор, как ему минуло восемь. И никакие увещания не помогли, отпрыск Люциуса без умолку трещал о Мальчике-Который-Выжил. Сам же Северус мрачнел день ото дня, едва удерживаясь от массового Силенцио. Первого сентября профессор влил в себя пару порций успокоительного и отправился на пир.

И, как оказалось, зелье он принял совсем не зря.

В первый же момент отличились шепотные братья-близнецы Уизли и их приятель Ли Джордан. В два предыдущих года троица начинала сотрясать стены школы лишь к концу первой недели, но в этот раз гриффиндорцы решили нарушить традицию. Северус понял это по подозрительной коробке, которую под смех рыжих приятелей темнокожий юноша водрузил на пока пустой стол. Не желая видеть сладкую улыбку Дамблдора, в этом году зельевар сел подальше от директора и поближе к спасительной двери, прямо на углу подобного стола, а потому отлично видел, что коробка то и дело начинала дергаться.

Проверить самому не хотелось, хотя стоило, поэтому декан Слизерина послал к столу Гриффиндора Квирина Квиррелла. И следующие несколько минут весь зал с удовольствием наблюдал за тем, как преподаватель защиты пытается отжать подозрительную емкость у ушедшей тройки третьекурсников. Из-за этого немного задержалось распределение новых учеников, Минерва прожгла в Снейпе и Квиррелле по паре новых дырок, а студенты изрядно повеселились.

Коробку изъясил Сильванус Кеттлберн, обнаружил внутри здорового и весьма опасного тарантула, снял с Гриффиндора изрядное количество баллов и оставил поприжихших мальчишек на растерзание Перси Уизли. Даже из-за стола преподавателей Северус слышал недовольное шипение старосты Гриффиндора, изобилующее оборотами из лексикона Молли Уизли.

На счастье третьекурсников, через пару минут в зал стремительно влетела Минерва, за которой перепуганной стайкой тянулись новенькие ученики. Сопровождаемые гулом голосов, ребяташки приблизились к помосту, позволяя рассмотреть себя как следует. Рассматривал новых птенцов и Северус.

Пробежавшись взглядом по лицам первокурсников, Снейп невольно нахмурился, не обнаружив среди детей того, о ком ему этим летом прожужжали уши. А ведь Альбус не раз и не два повторил, что Гарри Поттер — вылитый Джеймс. Но второго Джеймса в толпе не было, а единственной, кто носил очки, оказалась девочка, изрядно похожая на бывшую однокурсницу Снейпа, внучатую племянницу Корнелиуса Фаджа. Второго очкарика не наблюдалось, а растрепанное гнездо уместилось на голову светловолосому крепышу с решительным взглядом.

Отмахнувшись от беспокойных мыслей, зельевар нашел взглядом Драко и ободряюще ему кивнул. Малфой-младший криво усмехнулся и что-то сказал стоявшему рядом с ним мальчику. Тот Драко не слушал, рассматривал потолок, студентов и преподавателей, но не нервозно, как остальные, а с чистым любопытством. Заинтересовавшись, Северус присмотрелся повнимательнее и невольно растерялся. Если бы Снейп не знал наверняка, то решил бы, что перед ним сын кого-то из Блэков, настолько сильно мальчишка походил на представителей этой семейки.

Каково же было удивление зельевара, когда именно этот мелкий брюнет поднялся к табурету, стоило Минерве назвать имя Мальчика-Который-Выжил. И не успел декан Слизерина осознать произошедшее, как Шляпа отправила этого ребенка за стол змеек.

Тем вечером в учительской первый раз на памяти Северуса собрался педсовет по итогам распределения. Минерва откровенно рыдала, уткнувшись в плечо Поппи, Дамблдор хмуро распекал Шляпу, Шляпа огрызалась стихами, сыпала на всех пылью и позвякивала мечом Годрика, а Снейп, прикрывшись самой непроницаемой из своих масок, молча злорадствовал, стараясь не думать о том, что его ждет.

Но подумать пришлось. Как и лично побеседовать на следующий день с каждым первокурсником. Вспоминая те беседы, профессор допил кофе и поднялся из-за стола. До занятий оставалось всего двадцать минут.

— Се-еверус-с, — вскакивая вслед за зельеваром, запинаясь и трясясь выдавил Квиринус, — с... скажите, я м-м-могу обратиться к вам с просьбой?

— В чем дело? — вздернув бровь, уточнил Снейп и продолжил путь, вынуждая преподавателя защиты потрусить следом.

Так они и дошли до подземелий: зельевар стремительно летел вперед, а Квиррелл, прижимая бледные ладони к груди, семенял следом, то и дело переходя на бег. Лишь в своем кабинете Северус сообразил, что все это время бывший преподаватель маггловедения что-то невнятно бубнил себе под нос, заикаясь, хватая ртом воздух от сбившегося дыхания и глотая окончания слов и целых предложений. Взмахом палочки опустив рычаг, после которого по подземельям разнесся тихий скрежет, извещающий, что вентиляция работает исправно, профессор зельеварения развернулся к Квиринусу и попытался вслушаться в его речь. Но

лишь несколько минут спустя, уже начиная злиться, сообразил, что за многословием с обилием извинений и отступлений кроется банальная просьба выдать нерадивому молодому человеку баночку заживляющей мази.

— Я-я-я бы попросил у м-м-мадам Помфри, но совсем недавно уже о-о-обращался к ней с подобной п-п-просьбой, — теребя пальцами свободно свисающий на грудь конец своего фиолетового тюрбана, пробормотал Квиррелл. От этого движения усилился запах чеснока и еле уловимая сладость зловония, и Северус невольно поморщился.

— Если у вас какая-то проблема со здоровьем, то не стоит заниматься самолечением, — предупредил декан Слизерина, но баночку с мазью выдал.

Дальше Квиррелл ударился в благодарности, за пару минут доведя Снейпа до бешенства. Очень хотелось взять мямлю за шкурку и просто выбросить из своего кабинета, а не выслушивать весь этот словесный понос. Мало того, что страдает тонкое обоняние зельевара, так еще и из ушей вот-вот пойдет дым, как от перечного зелья.

Не удивительно, что настроиться на первый урок Северус не смог и влетел в класс разъяренным настолько, что даже Драко попытался втянуть голову в плечи и слиться с партой. Подавляя в себе желание выплеснуть недовольство на учеников, профессор закутался в мантию и сосредоточился на вступительной речи.

Эту речь зельевар придумал в свой первый год преподавания и ни разу с тех пор не менял, а потому мог спокойно думать, пока первокурсники зачарованно слушали.

В классе первого курса для студентов были оборудованы три длинных письменных стола, так что никому не удалось бы укрыться от преподавателя на задней парте. Но гриффиндорцы все равно предпочли занять часть второй и всю третью парту. В итоге Гарри Поттер оказался за первым столом. Прямо по центру между Малфоем и Лонгботтомом, который начал дрожать в момент появления преподавателя и не успокоился даже к концу вступительного слова.

«А ведь и на личной встрече дрожал и мямлил, — припомнил Северус. — И что он забыл на Слизерине?»

Привычные действия частично уняли раздражение зельевара, и он уже спокойнее обвел взглядом класс, оценивая студентов. Змейки сидели тихо и покладисто слушали преподавателя. Даже Поттер, внешность которого до сих пор вызывала у Снейпа недоумение, не ерзал, не вертелся и ни на что не отвлекался. Даже на чем-то недовольного шестого Уизли, склонившего голову к парте.

* * *

— Мистер Уизли, — своим совершенно невероятным голосом обратился профессор Снейп к Рону, — что я получу, если смешаю корень златоцветника и настойку полыни?

Я невольно тихо выдохнула. Под холодным, как у змеи, взглядом, я каждую секунду ожидала, что декан выберет для допроса меня. Но тот, похоже, или не трогал слизеринцев, или просто избрал своей жертвой того, кто, по его мнению, уделял уроку недостаточно внимания. Я хоть ни разу не повернула голову, но прекрасно слышала и скрип пера, и тихое бурчание себе под нос. Прямо за нами сидели Грейнджер, Уизли и Томас, так что источник шума определялся без труда.

Уизли с минуту молчал, медленно, но явственно краснея, а потом хмуро выдавил, не потрудившись даже встать:

— Я не знаю, сэр.

В тот же миг Гермiona вскинула вверх руку и даже немножко приподнялась, всем

своим видом выдавая желание ответить.

С сожалением глянув на Рональда и чуть поморщившись, зельевар тем временем произнес:

— Давайте попробуем еще раз, мистер Уизли. Если я попрошу вас принести мне безоар, где вы будете его искать?

Руку Гермионы профессор проигнорировал, но она, видя, что Рон опять замешкался с ответом, привстала, будто кто-то за волосы тянул ее вверх.

— Я не знаю, профессор, — покраснев еще больше, выдавил шестой Уизли.

— Похоже, наличие пяти братьев, двое из которых любят всякие розыгрыши, еще ничему вас не научило, мистер Уизли, — сухо отметил Северус Снейп.

Рон сморщился. Но у меня его вид не вызвал сочувствия. Как и действия зельевара — праведного негодования, коим явственно пылал Симус Финниган. Только страх не позволял светловолосому мальчику высказать личное мнение вслух.

— Что же, последний шанс, мистер Уизли, — бархатным голосом выдохнул Снейп. — В чем разница между клобуком монаха и волчьей отравой?

Уизли вновь замялся, с надеждой осмотрелся и хмуро произнес:

— Я не знаю.

— Возможно, стоило открыть учебник, прежде чем отправляться в школу? — все еще игнорируя руку Грейнджер, спросил профессор, рассматривая рыжика так пристально, что даже я невольно похолодела. Но у Уизли, похоже, отсутствовал инстинкт самосохранения, потому как мальчишка вздернул нос и выдал:

— Спросите Грейнджер, она не только прочитала учебник, но и выучила его наизусть!

— Минус десять очков, мистер Уизли, — тихо, но четко сказал Снейп, — за наглость. И еще десять за неуважение к преподавателю.

Рональд открыл рот, но удержался от обиженного вопля, а когда учитель отвернулся, прошипел на ухо Томасу:

— Неуважение? Да что я такого сделал?!

Но стоило Снейпу вновь уставиться на рыжика, и тот замолчал, хотя продолжил громко пыхтеть и ерзать на лавке. Окинув студентов холодным взглядом, профессор быстро и коротко озвучил ответы на ранее заданные вопросы и, недовольный нашей неподвижностью, сухо уточнил:

— Никто не собирается записывать?

Даже слизеринцы ринулись шуршать тетрадями и скрипеть перьями.

— Чтобы достичь хоть какого-то результата в зельеварении, вам понадобится хорошее знание и других наук. На начальном этапе хватит гербологии, астрономии и базового представления разницы между различными магическими и немагическими существами. Но чем дальше, тем больше я буду от вас ожидать. Хорошее знание трансфигурации, чар, — проговорил Снейп, делая паузы после названия каждой дисциплины, — владение латынью и хотя бы еще парой других языков обязательно для того, кто хочет сдать СОВы на «Превосходно». И я не возьму в свой класс высших зелий на шестом курсе того, кто не озаботится самостоятельным изучением иных наук, которые сейчас в Хогвартсе не преподают. Вам нечего делать на моих уроках при подготовке к ТРИТОНам, если вы хотя бы по верхам не знакомы с такой наукой, как алхимия... — буравя первокурсников жестким взглядом, под которым те боялись даже дышать, добавил профессор и мысленно скривился, заметив поплывшие взгляды гриффиндорцев.

Десять лет одно и то же. Одни и те же лекции, студенты, среди которых едва ли найдется один-два на курс, кому зельеварение на самом деле интересно, одни и те же учебники и, как итог, одинаково раздражающе схожие эссе от учеников, никогда не уходивших дальше третьей книги из списка рекомендованной литературы. Списка, устаревшего, кажется, еще до рождения самого преподавателя.

Хотя бы раз в семестр зельевару хотелось что-то поменять. Хотя бы книги, по которым предлагалось учить студентов. Или котлы. Но нет, в Хогвартсе вот уже тридцать лет царил полнейший застой, превративший некогда лучшую школу Европы в самое настоящее болото. И не удивительно! Пока в других школах если не место директора, то место его заместителя отдавалось кому-то молодому, деятельному, а работа образовательного учреждения курировалась магическим правительством, то в Соединенном Королевстве школа магии, будучи, в общем-то, независимым государством в государстве, возглавлялась пусть заслуженными, но все же пожилыми волшебниками, которых более чем устраивало, что учебная программа соответствует... скорее временам их юности.

Снейп раз за разом просил сменить учебники, привозил с выставок, конференций и симпозиумов интересные пособия для самых маленьких, популярные во Франции и Германии, надеясь на закупку экземпляров для Библиотеки, писал разгромные статьи для «Зельеварение сегодня» об оловянных котлах, но за десять лет ничего не добился. Директор ласково улыбался, МакГонагалл поджимала губы и складывала предложения зельевара в высокую стопку дел, Флитвик слушал с сочувствием и только Спраут с такой же горечью сетовала о невозможности добыть из администрации лишние пару галеонов на саженцы каких-нибудь растений сверх учебной программы.

Порой, устало сидя в кресле у камина с порцией огневиски, Северус пытался понять, что скрывается за тем упадком, в который погрузился Хогвартс. Он, как декан, прекрасно знал, что Попечительский совет каждые три года подписывал документы о выделении средств на небольшой ремонт и каждые семь лет — на полное обновление расходных материалов и инвентаря. Но...

Дети ели досыта, конечно, но пища не изобиловала большим разнообразием. Новое постельное белье закупают каждые семь лет, но вот матрасы, подушки и одеяла меняли только раз в четырнадцать лет. Будучи одним из немногих преподавателей, кто оставался

или часто бывал в Хогвартсе летом, Снейп лучше других знал, что никакого ремонта в школе не было вот уже десять лет. Да и в остальном!.. Не закупалась новая мебель, метлы, книги. Библиотечные фонды не пополнялись ничем, кроме подшивки «Пророка» последние лет пятьдесят! Что там говорить! Если не считать небольших перестановок в списке учебников, даже лист с перечнем необходимых студентам вещей не менялся с тех пор, как в моду вошли жабы-фамильяры, а это еще при матери Снейпа случилось.

— Древние травники передавали свои знания устно, а потому о самых старинных зельях мы знаем лишь вскользь. В более поздних, уже письменных свидетельствах, зачастую осталось лишь упоминание названия, производимого эффекта и, много реже, часть входящих в рецепт ингредиентов. Самые ранние зельеварческие трактаты, содержащие в себе подробные рецепты, были написаны более пяти тысячелетий назад. Часть этих древних рецептур до сих пор остается недоступна для изучения ввиду того, что древние ученые нередко намеренно вносили ошибки в свои записи или пользовались только им известными шифрами. Есть и такие составы, повторить которые нельзя из-за исчезновения того или иного ингредиента и невозможности его замены. Но при всем при этом известно множество зелий, которые были созданы давно, но распространены и очень популярны до сих пор. Например, больше половины лечебных зелий дошли до нас без значительных изменений.

Ничего подобного в учебнике не было. Тот больше напоминал самый банальный сборник рецептов. Северус давно хотел изменить выбор пособия, но Альбус, Минерва и Министерство, занимавшееся распространением книг, всячески противились. Снейп даже начал подозревать, что директор получает какой-то процент от продажи «кулинарных сборников» Мышьякоффа.

— В состав зелий могут входить разнообразнейшие компоненты. В первую очередь это травы: листья, стебли, соцветия различных магических и немагических растений. Травы могут быть как свежие, так и высушенные. Для некоторых рецептов необходимы травы, прошедшие предварительную обработку: вяленые под светом луны, в тени или под лучами солнца; обжаренные, вымоченные в различных жидкостях. Следующая по значимости группа компонентов — минералы. В зависимости от места добычи они делятся на чистые, грязные и магические. На чистых нет следов магии, грязные подвергались магическому воздействию, но не напитались магией. Такие минералы можно использовать в зельях, но для сложных высокоуровневых зелий необходима очистка минералов, что долго и трудно. Проще принудительно насытить ингредиент магией и использовать в другом рецепте. Магические минералы насыщены магией естественным образом, — продолжал лекцию Снейп, внимательно отслеживая тех, кто отлынивает от написания конспекта. Его змейки дружно скрипели перьями. Даже Поттер, хотя было заметно, что мальчишке неудобен взятый Северусом темп. Гриффиндорцы ерзали, вертели головами, заглядывали в тетради друг друга. Только девочка с гривой нечесаных волос казалась сосредоточенной, но так сильно нажимала на перо, что то прогибалось, а пергамент отчаянно шуршал. Сделав короткую паузу, зельевар продолжил чуть медленнее: — Семена, плоды и корни — следующая группа ингредиентов. Используются в свежем, вяленом, высушенном, маринованном виде. Части животных, как магических, так и обычных. Например, когти, шерсть, кости, сухожилия. Части птиц. Например, перья. Ингредиенты из частей животных и птиц заготавливаются тридцатью шестью различными способами для немагических существ и пятьюдесятью четырьмя — для магических. С 80 годов до нашей эры редкие легендарные травы, ингредиенты из полумифических и мифических животных, птиц и рыб принято

выделять в отдельную группу. Впервые это было сделано в десятитомнике «Естественной истории», в магической ее версии.

Скрестив руки, профессор неторопливо прошелся вдоль первой парты, поглядывая в конспекты.

— Зелья бывают жидкие (отвары, настои, настойки, суспензии, эликсиры, болтушки, примочки), твердые (высушенные, замороженные, затвердевшие, кристаллические, минеральные), порошкообразные (смесь растертых ингредиентов), на жировой основе (основу готовят из жира животных или масла различного растительного происхождения, для нескольких не самых распространенных зелий — из сливочного масла), астральные и полуастральные (изготовленные из чистой магической силы или смеси силы и материальных ингредиентов). По цели использования: физические зелья (влияют на физическое состояние человека, животного или предмета, например, зелье сна), психические (влияют на психологическое состояние, например, морочащее зелье, вся группа любовных зелий), целительные (мази, снадобья, противоядия, возвращающие физическое и психологическое здоровье внешним или внутренним воздействием на организм), преображающие (применяются для изменения внешнего вида, например, обратное зелье, способное на короткое время превратить одного человека внешне в кого-то другого), защитные (например, зелье ледяной кожи, после нанесения которого человек может выдержать один или два залпа драконьего пламени), боевые (сюда относят, например, взрывные зелья) и яды.

Класс дружно вздрогнул на последнем слове. Декан Слизерина не удержался от едва заметной усмешки. Студенты всегда бурно реагировали на слово «яд», хотя у большинства к концу практической части занятий в котлах обычно плескалось что-то более чем ядовитое.

Продолжая лекцию, Снейп задумался над собственными попытками хоть что-то донести до детей за последние десять лет. Что же, он без ложной скромности мог гордиться теми студентами, которые все же набирали нужный балл для обучения зельеварению на шестом и седьмом курсах. Эти студенты после легко поступали во всевозможные академии и блистали на занятиях. Вот только было их слишком мало. Но Северус и не ставил себе цели воспитывать по сорок новых хороших зельеваров каждый год. Его расстраивало то, что большинству студентов не удавалось за первые пять лет привить хотя бы элементарных навыков и знаний. Снейп очень надеялся, что никто из тех, кто посредственно сдал СОВы, не надумает сварить какое-нибудь лекарственное зелье, ведь, если судить по демонстрируемым знаниям, эти волшебники, ежегодно получая в Больничном крыле порцию бодроперцового, не могли отличить его по внешнему виду даже от кровотворного. Зная это, зельевар не удивлялся тому, что каждый год они с Поппи отпаивали антидотом от амортенции как минимум пятерых старшекурсников.

Если на остальные три факультета Северус не мог как-то повлиять, то за своих змеек брался всерьез с первых же дней в школе. Вот и в этом году декан на индивидуальных встречах расспросил первокурсников об их дошкольной подготовке и выдал брошюры собственного авторства, где, кроме прочего, имелся список дополнительных предметов, желательных к покупке.

Детям предстояло десять из двенадцати месяцев в году проводить в школе, где нет родителей, близких, старых друзей и привычных условий. В холодном продуваемом замке, где нельзя обойтись сиротским списком Минервы. Детям предлагалось или самим докупить то, о чем они и их родители не подумали, или озаботиться вопросом родичей. И редко кто не

находил в списке того, что забыл дома.

Остальная часть книжицы посвящалась базовым бытовым чарам, полезным подсказкам, предупреждениям, списку дополнительной литературы, которую нельзя было найти в Хогвартсе. А на последнем развороте имелся вполне подробный план замка с указанием расположения классов.

В дальнейшем Северус вызывал к себе первачков хотя бы раз в месяц, отслеживая эмоциональный фон, физическое состояние и успеваемость. И настаивал на визитах в другое время, если требовалась помощь или поддержка. Правда змейки этим пользовались редко (кто справляясь сам, кто обращаясь к старостам).

Но сама по себе первая беседа стала большим и важным нововведением. Индивидуальная и спокойная. Без чая с печеньем, в лучших традициях Альбуса, но достаточно уютная.

В этом году беседы с большинством первогодок заняли совсем немного времени. Почти всех детей Снейп хоть немного, но знал, да и родители постарались. Для многих зачисление на Слизерин было уже свершившимся фактом, так что письма начали слетаться к зельевару еще в июле. Даже не самые разговорчивые Гойл и Крэбб старшие поспешили предоставить будущему декану краткую характеристику, список увлечений, проблемных предметов, перенесенных детских болезней и... знание о боггарте своих отпрысков. На следующие семь лет декан становился первым между слизеринцами и остальным миром, а потому с ним делились даже некоторыми тайнами.

Северус ожидал проблем только с распределением Блейза Забини, мать которого настроила профессору дюжину писем уже в феврале. И вторую дюжину — Филиусу. И за три дня перед началом года два мага искренне посочувствовали друг другу, понимая, что в дальнейшем один из них имеет шанс время от времени получать то ворох писем от знойной итальянской мамы, то — не дай Мерлин! — стаи вопиллеров от нее же. Успокаивало только то, что и шестой отпрыск Молли Уизли, Лонгботтом и Поттер должны достаться Минерве.

А потом прошло распределение, и декан Слизерина с ужасом осознал, что Блейз — меньшая из его проблем...

Первым на растерзание пожаловал Лонгботтом. Еще одно отсроченное проклятие, как понял Северус, когда в кресло подле его стола опустился пухлощекий перепуганный ребенок, зачем-то притащивший на встречу жабу. Жаба постоянно кряхтела и пробовала вырваться из потных ладошек, мальчик то бледнел, то краснел, а отвечал, заикаясь ничуть не меньше Квиррелла.

Сегодня, когда с вводной лекцией было покончено, а впереди ждало приготовление первого зелья, профессор искренне опасался, что Лонгботтом, так и не переставший посматривать на преподавателя со страхом, что-нибудь учудит. Успокаивал себя волшебник тем, что гербологи, по его собственным наблюдениям, являлись вполне пристойными зельеварами. Но тревожный колокольчик недоброго предчувствия дергался всякий раз, когда Северус посматривал на внука Железной Августы. Поттер на фоне Лонгботтома казался совершенно беспроблемным.

Этот несостоявшийся гриффиндорец на беседу пришел вовремя, вел себя сдержанно, на несколько провокационных фраз никак не отреагировал и сумел удивить зельевара не только полным отсутствием подготовки к учебе, но и огромным желанием это исправить. Снейп пытался поймать мальчика на лжи, но не смог, ждал дерзостей и нахальства, но заметил

лишь тень страха перед незнакомым взрослым.

За неделю учебы на Поттера ни разу не пожаловались. Да и сам декан не видел причин придраться: ребенок по ночам спал, в Большой зал и на занятия не опаздывал, выглядел достойно и, похоже, не планировал сливаться в экстазе шалопайства с гриффиндорцами.

«Еще неделя не кончилась, — напомнил зельевару его внутренний пессимист. — У мальчишки есть два с половиной дня, чтобы изменить мнение о себе на прямо противоположное».

— Сегодня вы попробуете сварить свое первое зелье, — объявил профессор, завершив лекцию. — Мазь от фурункулов. Это одна из самых простых рецептур. Но и она требует сосредоточенности. Внимательно прочитайте рецепт и приступайте. До конца урока я хочу получить приличный образец мази.

Отойдя к доске, Северус Снейп стал наблюдать за студентами. Половина занялась котлами, водой и огнем, вторая отправилась за ингредиентами. Зельевар поморщился, видя, что в головах Уизли и Финнигана не задержалось ни одного из двух дюжин пунктов по технике безопасности. Отвлекаясь на ало-золотых, декан Слизера пропустил момент, когда Поттер что-то извлек из своего рюкзака. Сначала волшебник хотел сделать мальчишке замечание, но подавился вздохом, видя, как это человекообразное существо избавляется от мантии и заменяет ее какой-то непонятной курткой-рубашкой черного цвета.

— Это что? — озвучил невысказанный вопрос декана Малфой-младший, вернувшись из кладовой с подносом.

— Так удобнее, — ответил ему шепотом Поттер, пожав плечами. Снейп никогда не жаловался на слух, так что в тихом гуле прекрасно расслышал каждое слово. — Как можно работать над зельем в мантии? Широкие рукава так и норовят упасть в миску, в банку или в котел.

Правила не регламентировали, как должен быть одет студент на уроках зельеварения, только указывалось, что кожу должно защищать не менее двух слоев ткани, так что Снейп не мог к чему-то придраться. Но через миг ему очень захотелось это сделать, когда Поттер извлек из сумки еще один предмет. Это оказалась круглая тканевая шапочка без полей. Черная. С рисунком из ярко-зеленых улыбающихся кактусов. Преподаватель уже открыл рот, желая отчитать нахального мальчишку, когда всех отвлек непонятный звук, раздавшийся со стороны гриффиндорцев.

— Мерлин, что это? — громко простонал шестой Уизли, таращась на шапочку, которую Поттер без стеснения водрузил на свой чуб. — Что это за монстры?

— А? — обернулся к нему сын Лили. — Что случилось?

— Что нарисовано у тебя... на шапке? — воскликнул рыжий гриффиндорец.

— Что? Что нарисовано? — состроив совершенно честное лицо, переспросил Поттер. — Что-то нарисовано? Но шапочка черная. Если ты что-то видишь, то с тобой не все в порядке, — добавил он с сочувствием. — Стоит обратиться в Больничное крыло, знаешь... Мало ли.

Слизеринцы и сами хотели получить ответ на вопрос Уизли, но, видя его озадаченное выражение лица, дружно удержали пыл и слаженно закивали. И даже Снейп не решился вмешаться. Не столько из-за нежелания опровергать нелепое утверждение Поттера, сколько из желания узнать, что же будет дальше.

— Это похоже на куртку профессионального повара и... медицинскую шапочку, — обломала всех громким шепотом Грейнджер. — Мои родители используют похожие,

только... с персонажами из... мульт... сказок, когда на прием приводят детей.

— Что за разговоры? — оборвал всех Снейп. — Занимайтесь зельем!

От зельевара не укрылся пристальный взгляд Забини на необычную штуковину. Но к концу занятия профессор забыл и об этом, и об одежде Поттера. Финниган умудрился взорвать котел на стадии, когда в нем плескалась одна вода, Томас на пару с Браун сварили что-то сиреневое, хотя итоговое зелье должно было получиться красным, а Лонгботтом только чудом не ссыпал иглы дикобраза в еще булькающее на огне варево.

— Разлейте зелье по флаконам, подпишите и оставьте на моем столе, — объявил зельевар, когда до звонка оставалось не больше пары минут.

Многие тут же с облегчением бросили помешивать и занялись сбором вещей. Только пара Малфой-Поттер еще следила за реакцией охлаждавшегося зелья, да Грейнджер недовольно хмурилась и теребила волосы рукой, перепачканной в чем-то зеленом.

— Драко, а кто будет убираться? — наполняя пробирку красной жидкостью, которая медленно густела и светлела, спросил Поттер как раз в тот миг, когда в аудитории воцарилась тишина. На лицах студентов тут же возникло удивление и недоумение, только змейки будто бы призадумались. Вид студентов показался профессору столь забавным, что он не без злорадства ответил Поттеру:

— Раз вы спрашиваете, мистер Поттер, то вам мы и предоставим эту честь. Сегодня вечером. В шесть.

Зельевар ожидал злости и обиды, но мальчишка встрепенулся, улыбнулся ему и радостно уточнил:

— Правда, профессор Снейп?

— Именно, мистер Поттер.

— Потрясающе! — воскликнул мальчик так, будто декан добавил пятьдесят изумрудов в его личную копилку заработанных баллов. — А вы все-все мне объясните? Там... Какие тряпочки, губки, терки, да? Специальные средства? Технику? Тайные секреты правильного замачивания?

Энтузиазм Поттера выглядел удивительно искренним, а напор сбивал с ног.

— Вы узнаете все, что вам требуется знать, Поттер, — выдохнул зельевар, не в силах придумать хоть сколько-то язвительный ответ нахальному ребенку.

— О! Я буду ждать! — с улыбкой ответил мальчишка и с какой-то плотоядной нежностью окинул взглядом использованные слизеринцами котлы.

Снейп должен был заподозрить неладное уже тогда...

* * *

Драко вернулся из Библиотеки в восемь и озадаченно оглядел спальню. Невилла он заметил в гостиной, где его, будто картошку, окучивали даже четверокурсники. От растерзания юного герболога спасала только Панси, лупившая по лапкам нахальных второкурсниц и третьекурсниц, пока Лонгботтом витал в райских куцах от вида каких-то отростков в маленьких горшочках. Поттера не было ни рядом с ребятами, ни в спальне. Не оказалось Харо и у сокурсников, с недоумением уставившихся на Драко, когда он вломился в их спальню.

— Передай Поттеру, что я хочу такую шапочку, — крикнул Блейз, когда Малфой уже закрывал дверь.

Ничего не оставалось, кроме как идти вызволять приятеля из лап крестного, почему-то решившего поизмываться над одним из своих змеенышей. Уже возле кабинета мальчик

замер, удивленно прислушиваясь к шуму, доносившемуся из-за двери. Опасаясь худшего, Драко без стука ворвался внутрь и замер на пороге.

— О, Малфой, — с каким-то нечитаемым выражением лица выдохнул зельевар. Драко почувствовал облегчение. — Забирай Поттера, и идите на ужин. Уже пора!

— Но, профессор Снейп! — возмутился Поттер.

— На ужин, — повторил зельевар, подходя к брюнету и бесцеремонно подталкивая его к выходу.

— А как же то средство из зеленой колбы? — возмутился Харо. — Оно же явно лучше действует, да? Пару капель в котел, постоявший с водой десять минут, шапка пены — и смыть. Но... а если смешать с той абразивной штукой и нанести на копоть снаружи котлов...

— Поттер!

— А?

— Идите... отсюда, — устало велел профессор.

— Так я завтра зайду? — с надеждой спросил юный маг.

— Нет.

— Почему? — возмутился Поттер. — У меня еще пять котлов...

— Другие домоют, — успокоил преподаватель.

— Мои котлы?! — возмутился Харо на весь коридор. — Да как вы можете?!

— Поттер! — прошипел Снейп. — Будете вопить, отправитесь начищать награды в Зал славы под надзором мистера Филча.

— А вы выдадите мне...

— Нет!

— А я попрошу мистера Филча, сэр, — предупредил Поттер.

— Поттер! — рявкнул декан. — Еще одно слово — и вы на всех отработках будете писать строчки.

Юный маг открыл рот, явно желая что-то сказать, но тут же его захлопнул и воззрился на преподавателя огромными печальными глазами. Чувствуя победу, Снейп дотолкал мальчишку до порога и захлопнул дверь, наподдав ею студента под мягкое место.

— Мои котлы... — с болью в голосе застонал Поттер, прикикая к двери.

— Эй, ты что сделал с крестным? — ошарашено спросил Драко, замирая рядом. — Первый раз вижу, чтобы он кого-то выталкивал за дверь.

— Ничего, — глядя на блондина честными глазами, ответил приятель. — Совсем ничего. Так все хорошо начиналось! Флаконы с чистящим средством, щетки, тряпки... Замачивание, скобление, оттирание, полировка... Ну...

— Что?

— Разве нельзя задавать преподавателю вопросы? — удивился Харо.

— О чем? — опешил блондин, но тут же себя одернул, прикрыл глаза и добрым-добрым тоном сказал: — Нет, не так. Сколько ты задал ему вопросов?

— Всего парочку, — выдохнул Поттер и смущенно поковырял носком тупоносого ботинка пол. — Нет... Три.

— Харо! — рявкнул Драко.

— Ладно! Четыре. Всего четыре.

— Харо!.. — наступая на друга, с угрозой выдохнул Малфой.

— М.. С уточняющими... Девять, — наконец признался брюнет. — Всего де... Десять. Десять вопросов!

— Десять вопросов? О чем ты задал десять вопросов?! — вскричал Малфой.

— Одиннадцать. Ну.. О чистящем креме. Ты видел его? Да он отмывает все! А профессор патентовать даже не собирается! Это же!..

— Ты... — начал было Драко, но умолк, не в силах передать словами бурю эмоций.

— Что? — невинно спросил Харо.

Драко мог лишь бессильно покачать головой.

А на завтра пришлось звать Нева, Панси и остальных, чтобы спасти декана во время набега Поттера. Блейз согласился только за шапочку и получил темно-зеленую в жизнерадостные желтые черепушки, Панси взяла шоколадом. Тео и Невилл просто пошли за компанию, а Крэбб и Гойл не знали, что можно отказаться. Снейп моральной помощи обрадовался еще меньше, чем Поттеру. И попытался выставить уже толпу змеек, но слизеринцы, ведомые предводителем в шапке с безумными кактусами, прорвался и отмыл не только оставшиеся пять котлов слизеринцев-первокурсников, но и котлы второго курса. Только после этого и после обещания, что Поттеру позволят устраивать уборочные набеги по вечерам в пятницу, декан сумел выставить прочь эту саранчу, почему-то названную студентами.

Незаметно промелькнули первые две недели учебы. За постоянным наблюдением за обитателями замка и попытками не выдать собственное напряжение, я пропустила данный факт и осознала его в день первого урока полетов на метле.

— О, Невилл получил напоминалку, — хихикнула Панси, глядя на то, как наш главный герболог распаковывает стеклянный шарик, заключенный в объятия металлических колец. — Она довольно старинная. Семейная?

Лонгботтом чуть скривился, но ответил кивком.

За недолгое время мы все неплохо узнали друг друга...

Ладно, я за эти недели неплохо изучила тех, с кем проводила практически круглые сутки.

Так Невилл очень быстро проявил себя как невероятный знаток гербологии. Он пока не затыкал за пояс саму профессора Спраут, ужасно смущался на опросах и оказался довольно рассеянным, но все же именно Невилл в нашей шестерке отвечал за предмет декана Хаффлпаффа. Мы, конечно же, не списывали у него, но Лонгботтому отвели почетную роль ходячего справочника по травам и редактора эссе.

Я же еще выяснила, что этот местный Невилл не такой уж и тюфяк, нежно любит свою бабушку, довольно болезненно относится к теме состояния родителей, но не стесняется этого. Не может написать эссе без клякс, сварить зелье без попыток самоубиться, умудряется изгваздать одежду еще до обеда даже в дни, когда нет гербологии, но при всем при этом аккуратно и умело пользуется столовыми приборами, моет руки перед едой (и вообще чисто плотен до крайности!), а не очищает их заклинанием, и не забывает об уходе за своим жабом, пусть Тревор и предпочитает мою компанию.

Лонгботтомы почти разорились на содержании родителей Невилла в Мунго. Это стало ясно по косвенным признакам. Житье в одной комнате с двумя наследниками старых семей и не такое открывает.

Шляпа оказалась права. На Слизерине мне оказалось безопаснее всего. Подумай я чуть дольше, сама бы это вычислила.

Будучи единственными детьми в семье, Малфой и Лонгботтом не привыкли к жизни в общежитии, а потому всячески старались создать некую уединенность. И это было мне лишь на руку.

Так, ни о каком совместном пребывании в ванной или в туалете не шло и речи. Драко и вовсе по этому поводу страдал какой-то болезненной манией. Он не только запирался на замок, но и навешивал на дверь и стены целый ворох заклинаний. Я видела лишь сеть из чар, распознать удалось лишь заглушающее. По эффекту удалось еще вычислить чары, поглощающие запахи и какое-то специальное очищающее — после Малфоя комнаты уединения выглядели практически стерильными. Невилл отставал от сокурсника лишь самую малость.

Кроме того, обоих мальчишек дома, похоже, муштровали по полной. Они поднимались под первый звонок магического будильника, соблюдали негласно возникшее расписание посещения уборных и безукоризненно соблюдали этикет. Никаких разбросанных книг, одежды, никаких грязных носков под кроватями. Но если в остальном Невилл вел себя более свободно, то у Малфоя даже книги на полках стояли ровными рядами по цвету и высоте

корешков. Что уж говорить о постельном белье.

Глядя на вечно отглаженного, всего такого идеального блондина, так и хотелось что-то вытворить. Взлохматить ему волосы, оттянуть галстук. Останавливало лишь то, что мы пока находились не в тех отношениях.

Да и не было у меня пока планов сблизиться с кем-либо из ребят.

Зато такие планы, кажется, были у Паркинсон...

Панси оказалась бойкой, любопытной и смелой девчонкой. Совсем не такой, какой ее увидел в книгах Гарри. Эта Паркинсон вызывала лишь симпатию. Не скрывай я свой гендер, то очень постаралась бы стать ее подругой.

Панси в нашей маленькой группе стала кем-то вроде курицы-наседки. Именно она следит, чтобы мы все ели, с удовольствием скармливает гостинцы из дома мне и мальчишкам, то и дело незаметно кидает диагностическое, стоит только шмыгнуть носом. Одергивает мантии и сдувает пылинки. И делает она это не только в отношении Драко, но и Невилла, и меня.

Даже не так. В этой реальности Лонгботтом стал ее первой по значимости целью. Мы с Малфоем шли вторым и третьим номерами.

С Панси мне пока оказалось проще всего. Она любит посплетничать, но ей не очень нравится Дафна, так что мы общими усилиями наладили общение с третьекурсницами и четверокурсницами, которых уже не так интересуют одни только тряпки, но пока не слишком интересуют только отношения с мальчиками. Мне, как мальчику, присутствие в девчачьей компании прощают только за юность, взгляд котика из известного мультика и знаменитое имя. Благодаря этому мне открыты все тайны и сплетни Хогвартса, а я пока мягко, но неуклонно доношу до родителей слизеринцев через их детей факт, что я не безвольная шахматная фигура Дамблдора. Пока только намеками, но лиха беда начало! А сплетницы — идеальный способ распространения информации.

И вот, зная ребят чуть больше, чем книжных персонажей, сценка с напоминалкой неслла для меня и больше смыслов, чем, наверняка, изначально было в каноне.

За две недели даже я, не особо присматриваясь, обнаружила довольно сильную скудность гардероба Невилла. Всего-то три повседневных мантии, в то время как у Малфоя имелся полный комплект одежды на каждый день недели. Не считая кучи остальных вещей. Даже у меня, хотя я не очень хорошо представляла себе жизнь в замке в Шотландии, гардероб был значительно больше и разнообразнее. И Панси, которой пришлось быстро повзрослеть из-за смерти матери и растерянности отца, оставшегося с двумя малолетними детьми на руках, наверняка отметила такие моменты раньше нас всех. Пусть кто угодно твердит, что все мы только дети, но все эти дети — волшебники. Взрослеют маги явно быстрее, раз девочка присматривается к своему окружению и оценивает парней в качестве женихов. И посылка Невилла будто сообщала всем: да, Лонгботтомы не способны компенсировать неуклюжесть наследника, умудряющегося испачкать все мантии и вынужденного в один из дней прийти на завтрак без этого элемента гардероба, да, мальчик приехал в школу с животным, мода на которое прошла несколько десятилетий назад, но если потребуется, даже такую нелепую финтифлюшку, как напоминалка, наследнику выдадут из хранилища редких и надежных артефактов работы хорошего старого мастера, а не купят поделку за десять сиклей с уличного лотка. Лонгботтомы были и оставались древним и чистокровным родом, небогатым золотом, но богатым историей и семейными реликвиями.

Не удивительно, что даже Малфой с толикой зависти уставился на игрушку, а Панси,

что-то для себя решив, придвинулась ближе к нашему пухлику.

— Сколько стоит такая напоминалка? — осторожно спросила я Драко. — Ясно, что вещь старая, не из магазинчика полезных артефактов.

— Много, — честно ответил мальчик и вздохнул.

— Ты чего? — видя то, как сник блондинчик, спросила я.

Он покосился на меня и не ответил. А я не стала настаивать. Уже ловила подобный взгляд. Обычно он означал, что это что-то личное и Малфой не станет вдаваться в детали посреди Большого зала.

— Не таскай напоминалку с собой, — посоветовала чуть позже Невиллу. — У нас днем урок полетов... А если выронишь?

На сам урок я шла в противоречивом состоянии. Хотелось и избежать неприятностей, и опробовать чисто ведьмовской способ перемещения в пространстве. Я даже хихикнула, на миг представив себя прежнюю и почему-то на половой щетке с длинной ручкой, а не на метле.

Не хватает только обнаженки — и чисто Маргарита! Невидима и свободна! Ха-ха!

Надо будет опробовать такую технику полета летом, когда вернусь в дом Поттеров.

Вспомнив о лете, я невольно скуксилась. Пока моя свобода выбора на будущие каникулы оставалась под вопросом.

Директор никак себя не проявлял. Все это время он пристально за мной наблюдал, но в глаза я ему не смотрела, щечотки в голове не ощущала, и к себе в кабинет Дамблдор не звал. Старик или затаился, или готовил какой-то новый план, чтобы потом обрушить его на меня.

С не меньшим интересом за мной наблюдали и мой декан, и преподаватель ЗОТИ. На спине давно появилась тлеющая дыра, а я пока не придумала, как уберечь себя от посягательств. И если Снейпа я вроде бы частично нейтрализовала, — профессор отныне старался лишней раз со мной не пересекаться! — то Квирреллом еще предстояло заняться.

Радовало то, что несостоявшиеся друзья ко мне почти не приближались. Гермиона довольно быстро ушла в учебу, разочаровавшись в попытках завести друзей на своем факультете. Порой мне было жаль эту маленькую девочку, которая не представляла, как именно правильно и аккуратно вступить в разговор с кем-нибудь. Но потом я видела, как она репетирует в уголке какую-нибудь фразу, и отступалась от идеи протянуть девочке руку поддержки. Да и вообще! Я не благотворительная организация, чтобы всем помогать, и не настоящий Герой, чтобы всех спасать.

Рон Уизли в мою сторону лишь посматривал и кривился, но в остальном он весьма непринужденно влился в коллектив гриффиндорцев. А те хоть и ворчали за глаза, но пока меня не трогали: первокурсникам хватало стресса расставания с домом, дети постарше стонали от объема домашних заданий, а старшекурсников больше интересовали любовные переживания, а не мелкий клоп вроде меня.

В общем, пока я наслаждалась передышкой и немного переживала из-за того, какие мысли бродят в головах окружающих меня взрослых. Но переживала, видимо, недостаточно сильно, раз ни мой аппетит, ни сон не страдали. Да что там! Топтала я с превеликим удовольствием все, что плохо лежит, съедобно и неядовито. А спала каждую свободную минутку. Даже на переменах. Все же студенческие будни не отличаются ни в обычном, ни в магическом мире.

Вот и на уроке с комфортом устроилась на траве, пока мы ждали мадам Хуч, и подставила лицо солнышку.

— Я летаю с года! — громогласно заявил Малфой, получив восторженные возгласы от наших девчонок. — Мне совсем не нужны уроки. Да и на таких метлах. Куда смотрит Попечительский совет?

— Этой рухлядью разве что полы мести, — поддержал Забини. — Это вообще безопасно?

Гриффиндорцы стояли чуть в стороне и слизеринцев не слушали. Девчонки сплетничали. Рон опять что-то рассказывал мальчишкам, как делал уже не раз. Он наслаждался вниманием к себе, Томас и Финниган откровенно заглядывали ему в рот. Оценив обе компании, я хмыкнула. Уизли и Малфой. Такие разные, но такие одинаковые.

Даже не знаю, как умудрилась заснуть, но разбудил меня уже громкий выкрик преподавателя. В этой реальности для начала Роланда Хуч провела для нас получасовой инструктаж, частью которого были действия волшебника при падении с метлы. Профессор заставила нас прыгать, кувыркаться, группироваться и многое другое. Невилл и в этот раз отличился, но, для разнообразия, довольно сильно потянув ногу еще до того, как сесть на метлу. Разрешив Панси увести мальчика в Больничное крыло, преподаватель позволила нам подойти к метлам.

Дети засуетились, выбирая инвентарь для полетов. Вот только выбирать было не из чего. Забини оказался прав — метлы напоминали что угодно, но не транспортное средство, купленное за деньги. Создавалось впечатление, что это Хагрид связал пару десятков веников для уборки, а кто-то ими подменил школьный инвентарь для уроков. Но при учителе дети своих сомнений не высказали, даже я. Только Драко возмутился попыткам волшебницы изменить его хват на древке.

— Как по мне, так на этих палках не летать нужно, а сложить туда, откуда их выкопали, — сообщил мне блондинчик, стоило профессору отойти подальше.

— В поленницу? — предположила я. — Это, наверняка, хворост из запасов Хагрида, а не реальные метлы. Выглядят ужасно!

— Это старые Чистометы, — пояснил Малфой. — Одна из ранних моделей. Выбор практичных. Высокая подъемная сила, но невысокая скорость.

— Тео! Не дергай, плавнее, — скомандовал Блейз.

Отпустив свою метлу, Забини ринулся к Нотту и перехватил управление метлой до того, как та унесла мальчишку в небо.

Дальше урок шел совсем не по канону. Невилл почти не пострадал, никто не устроил догонялок из-за напоминки, занятие не прервалось. Мы летали по полю, не поднимаясь выше пяти футов. Драко тянуло вверх, и он подбивал меня нарушить правила, но я упорно скользила над полем на безопасной высоте, хотя и не отказывала себе в резких ускорениях и разворотах. Малфой по этому поводу не преминул заметить:

— И ты говоришь, что не станешь играть в квиддич? Ты отлично летаешь!

— Не путай лимон с канарейкой, — фыркнула я. — Не было и слова о нежелании летать. Летать! А не носиться в воздухе среди игроков и мячей, чтобы... — Я остановила себя прежде, чем упомянуть при Драко в одном предложении «ловец» и «снитч». Эта гремучая смесь могла взорваться самым непредсказуемым образом. — В общем, я не против полетов как таковых. Но ради удовольствия и красивых видов, а не ради очков, сомнительного веселья и оправдания чьих-то ожиданий. Еще и в любую погоду.. и в снег, и в зной! И под дождем! Упаси меня... — кого там положено просить по такому поводу? — от подобных радостей.

— Нет в тебе духа авантюризма! — констатировал Блейз, летевший чуть впереди нас.

— Во мне полно духа авантюризма, — не согласилась я. — Просто он у меня тоже рациональный. Включается лишь тогда, когда успех оправдывает средства и не грозит травмами. Или когда меня загоняют в угол.

Сдав метлы преподавателю в конце занятия, мы не пошли в замок. До ужина еще оставалось достаточно времени, а вот теплых дней, как согласились ребята, было не так и

много. Но стоило нам устроиться в укромном местечке и приготовиться получать солнечные ванны, как на мое лицо упала косая тень, мешая получать порцию витамина Д.

— Чисто змеи, — самоуверенно заявил Финниган, которого с двух сторон морально поддерживали Томас и Уизли. — Выползли погреться на солнышке.

— Не стесняйтесь и присоединяйтесь, — раньше, чем что-то успел выпалить Малфой, миролюбиво с улыбкой предложила я.

Гриффиндорцы тут же стушевались. Было заметно, что выступление они репетировали, но только вариант с перепалкой. На вежливость ответить снова бестактной грубостью не могли даже они. Хватанув ртом воздуха, Рон бросил на меня взгляд побитой собаки и потянул своих приятелей за собой.

— Я уж думала, тут вот-вот начнется драка, — поделилась впечатлениями Панси, стоило только львьятам уйти подальше.

— Вежливость — оружие, побеждающее очень многое, — пожав плечами, сказала я, скинула туфли и улеглась обратно на расстеленную мантию.

— Многое, но не все? — уточнил Теодор.

— Само собой, — согласилась я. — Против Авада Кедавра не сработает.

Всех передернуло, что я посчитала хорошим знаком. Если студентов-слизеринцев, находящихся рядом со мной каждый день, передергивает от одного лишь упоминания убивающего проклятия, вряд ли они захотят им воспользоваться при первом же удобном случае.

— А вы слышали... — начал было Блейз, но был перебит Ноттом:

— Интересно, что находится в коридоре на третьем этаже?!

— Ходят слухи, что там огромная собака, — поделилась сплетней Паркинсон. — Но этого же не может быть, да?

Мальчишки помолчали. Я тоже могла промолчать, но решила выдать директора с потрохами и посмотреть, что будет.

— Там на самом деле огромная собака. Трехголовая. Точнее, щенок цербера.

— Це-ербера? — переспросил Невилл, незаметно подошедший к нашей загорающей компании. — Но... как?

— Ой, спойлер! — хихикнула я, глядя на потрясенные мордашки повскакивавших деток. — Простите.

Дав змейкам минуту, чтобы переварить услышанное, я продолжила:

— Это собака Хагрида. Именно он и вырастил цербера, приучив его к некоторым командам и своему запаху. Вроде бы. Ну и конечно, как магическое существо, цербер обладает специфическими особенностями, упоминаемыми в любой книге по мифологии и в любом bestiarii. Но важен не сам цербер, а то, что он сидит на люке. А люк ведет в ту часть второго и первого этажей, а еще и подземелий, куда никак не попасть в обход.

Глаза ребят стали совершенно круглыми.

— Откуда ты знаешь? — требовательно дернул меня за штанину Драко. — Ты что, ходил туда?

— Без нас? — вставила свои пять копеек Паркинсон.

— Он не мог, — уверенно заявил Лонгботтом. — Мы бы заметили, если бы Харо отлучался.

— Точно, — успокаиваясь, кивнул Малфой, но продолжил смотреть на меня с сомнением. — Как? Мы почти все время друг у друга на виду, разве что час или два в день...

— Расслабься, — отмахнулась я от недоверчивого слизеринца. — Все гораздо проще. Нет нужды соваться туда, куда уже сходила половина школы. — Я не была в этом уверена, но надеялась на правильность предположения. — Если администрация хотела что-то спрятать, то не стоило говорить об этом при всех школьниках. Директор только подстегнул наше любопытство. В общем, кто-то там уже был и все это видел. Пока только не нашлось смельчаков, готовых сунуться в пасть... в три пасти!

— И не стоит, — вздрогнув, прошептал Невилл. — Церберы очень опасны. Их укусы очень тяжело заживают.

— Невилл, там хоть и щенок, но он в десять раз больше любого из нас, — хмуро просветила я. — Не укусом отделаешься. Песик голову откусит — и все. Никому из нас такой видок не пойдет. Неэстетичненько. Так что сидим тихо и наблюдаем, что будет дальше. Лучше скажите мне кто-нибудь, подобное в Хогвартсе происходит постоянно? Учеников каждый год подвергают опасности?

— В том и дело, что нет, — покачал головой блондин. — Но на каждое поколение хоть один случай приходится.

— О да, — подхватила Панси. — Мой отец был еще маленьким, когда это произошло, но в Хогвартс как раз поступил мой дядя. Где-то пятьдесят лет назад в женском туалете на втором этаже по непонятным причинам умерла одна девочка, шестикурсница Рейвенкло. Вроде бы не напрямую, но в этом был виноват лесничий.

— Хагрид? — уточнил Лонгботтом.

— За это его исключили из школы, — кивнув, добавила девочка.

— А я знаю про историю, случившуюся через несколько лет после того, как мой отец закончил учебу, — прошептал Драко. — Это связано с нашим деканом, но он никому не рассказывает подробностей. На пятом курсе профессор Снейп как-то среди ночи загремел в лазарет с очень подозрительными царапинами и провалялся на больничной койке больше двух недель. Ходили слухи, что на него напали вышедшие из Запретного леса оборотни.

Я мысленно хмыкнула. Будь я на Гриффиндоре, то сколько было бы шансов услышать все это в первый месяц учебы? Особенно при тотальном контроле так называемых друзей.

В замок мы ушли только через час, а до этого мне рассказали еще дюжину случаев разной степени свежести. Был тут и скандал Блэков из середины 20-х, когда семье пришлось женить совсем еще юного Поллукса на Ирме Крэбб. Винсент нас всех удивил, рассказав о случившемся живо и интересно. Панси не менее захватывающе описала скандальный побег Молли-Тогда-Еще-Прюэтт с Артуром Уизли. Волшебница бросила Хогвартс за несколько месяцев до выпускных экзаменов, когда живот не могла скрыть ни одна мантия. Впоследствии миссис Уизли хотела довершить обучение и получить диплом, но ее постоянно что-то отвлекало. А еще мне рассказали о том, как одного студента едва не задушили Адские силки на уроке. После этого преподаватель уволился, а на его место пришла профессор Спраут. Упомянули и несколько странных исчезновений, когда студентов в шутку запирали то ли в заброшенных классах, то ли в шкафах, а находились они только через недели или месяцы.

— А еще был случай, когда один хаффлпаффец провалился по пояс сквозь пол, когда на уроке трансфигурации профессор МакГонагалл пыталась показать его соседу верный взмах при превращении. С тех пор декан Гриффиндора старается не вмешиваться напрямую, не поправляет хват и взмах, — довершил череду рассказов Малфой, когда мы уже подходили к школе.

«Что же, это было познавательно, — мысленно сказала я себе. — Если сделать краткую выжимку из всех рассказов, то и Диппет, и Дамблдор полностью провалили свою работу. Ни дисциплины, ни полового воспитания, ни намека на реальную безопасность. Ох, Лина, ходи и оглядывайся! Ходи и оглядывайся! Мало ли что!»

После ужина Панси утащила Невилла в Библиотеку, так что в гостиную факультета мы с Драко вернулись только с двумя тенями за спиной. Но и те куда-то пропали еще до того, как мы свернули в нужный коридор по дороге в спальню.

«Хоть и топают как слоники, но с горизонта исчезают с резвостью ниндзя», — поразила я нашей неразлучной парочке.

В спальне блондин как-то очень быстро скис, но я к нему с задушевными беседами не приставала. Если я что и поняла о Малфое за это время, так то, что в душу к нему лезть не стоит. А вскоре сама необходимость как-то прервать затянувшееся молчание отпала — мальчишка уселся за письма. Судя по грустной мордашке и чуть сведенным бровям, писал он матери. Письма отцу Драко обычно кропал с совершенно непроницаемым лицом, лишь изредка на его губах появлялась кривая усмешка.

Перестав делать вид, что очень увлечена перебиранием исписанных пергаментов, я спокойно сходила в душ и занялась теми делами, которые откладывала на свободный вечер. Для начала предстояло победить целую коробку носков. Эльфы их, конечно, постирали и выгладили, но ни на миг не подумали разделить на пары. И теперь носки в полоску чередовались с носками в ромбик, а носки для сна, длинные и еще более веселенькие, перемежались однотонными.

Закопавшись в носки, я то и дело посматривала на Малфоя. Сейчас, полностью погруженный в переносимые на бумагу эмоции, он казался каким-то удивительно трогательным, даже беззащитным. Знал бы книжный Гарри, каким бывает этот белый ёжик, когда не поворачивается ко всем колючками, вряд ли вражда мальчишек продлилась больше нескольких минут.

Драко был совершенно домашним ребенком, интровертом с кучей фобий, которые он тщательно пытался скрыть. Даже от нас. Тех, кого Малфой подпустил очень близко.

Но что-то подобное можно было сказать про большинство ребят на Слизерине. Все же Шляпа многих определяла сюда очень верно.

Я как раз искала пару носку с милыми спящими лисичками, когда в нашу комнату вломился Блейз. Нашему сокурснику срочно потребовался справочник по астрономии, один из последних экземпляров которого в Библиотеке взял как раз Драко. Мальчишки долго препирались по срокам, пока я не предложила Забини просто сделать временную копию.

— Умный такой! — фыркнул наш смуглокожий приятель. — Это ведь не так просто сделать.

— Всегда можно обратиться к кому-нибудь из старших, — спокойно напомнила очевидное. — Учебник — не запрещенка. Подойдите к Джемме или к Маркусу.

Мальчишки переглянулись, и Драко с кивком выдал сокурснику справочник. Уже направляясь к выходу, Блейз не удержался и обернулся ко мне:

— И в кого ты такой практичный, Поттер? Вечно все знаешь, вечно все у тебя просто... Я б ответила, но детки ведь не поверят!

— И где ты, Мордред тебя дери, взял такие носки?! — воскликнул Забини, подлетел ко мне и подхватил с края чемодана пару гольф в зеленые черепашки.

— Догадайся, — ответила я, продолжая перебирать носки. Удивительно, как много можно их переносить, если живешь в не самом-то теплом замке, где даже под одеялом

лучше спать одетым.

В чем Блейз точно не ошибся, так в том, что к делу отбытия в Хогвартс я подошла ответственно и практично. Носки, термобелье, свитера — всего было запасено больше, чем нужно одному человеку. И этих самых носков с черепашками в чемодан отправилось три пары. Одну из которых, с необорванной этикеткой, я выдала Забини, смотревшему на меня своими невозможными итальянскими глазами-маслинами.

— Вымогатель, — проворчала я, когда за мальчишкой закрылась дверь.

Драко нашу возню даже не заметил. Он хмурился, кусал губы, рассматривал свой стеллаж с учебниками, но потом возвращался к письму домой. То, похоже, давалось блондину не без труда. Обычно это занятие не сопровождалось для моего соседа подобными муками.

Покачав головой, я убрала вещи и улеглась на кровать с дневником Лили. В последние дни у меня было не так много свободного времени, чтобы ознакомиться с очередной случайной записью. Да и на виду у всех светить дневник еще больше не хотелось. Хватит того, что в поезде привлекла к нему слишком много внимания.

На этот раз тетрадка раскрылась в середине. За долгое невнимание я была награждена сразу несколькими записями, кое-как уместившимися на один разворот. Судя по датам, мне предстояло прочитать мысли Лили Эванс, только перешедшей на четвертый курс обучения.

Первая запись криво-косо пересекала страницу зеленой карандашной молнией.

«Да как она посмела?! Отчитала, точно ребенка!»

Обычно округлый почерк Лили заострился, буквы скакали вверх-вниз музыкальными нотами.

«Алиса не унимается, — шла чуть ниже следующая чернильная запись, уже с датой, от пятого октября, — утверждает все эти глупости, настаивает, что я должна выслушать. Сумасшедшая! Сбежала от нее сегодня в Библиотеку. Она не рискнет подсесть к Севу. Никогда!»

«Алиса перестала со мной разговаривать, — было написано снова карандашом, но уже красным. — Только бросила напоследок, что мне нужно научиться жить в мире, к которому я отношусь, иначе однажды рискую сильно пострадать. Ну я тоже с ней теперь не говорю. Еще бы! Она напороочила мне беды! И из-за чего?! Глупость какая!»

Следующий раз дневник Лили открыла только в декабре.

«Стыдно-то как! Сев сегодня на меня наехал и наговорил такого!.. Даже не извинился. Я пробовала обернуть все в шутку. Обычно срабатывало, но тут мой змей уперся как баран. Сказал, что... Что мне надо перестать вести себя как ребенок. Мол, только ребенок говорит то, что вздумается. И выбалтывает чужое. Сказал, чтобы забыла о его существовании, если продолжаю упорствовать. Но в чем я упорствую? Это они сами упорствуют в своих замшелых традициях».

«Это просто нелепо! Прошло три дня, но Северус все еще дуется!»

«Взяла в Библиотеке книгу про истинные имена. Какой же пережиток! Триста страниц на староанглийском... и все про то, что с давних времен для защиты принято давать ребенку при рождении одно имя, настоящее, а в быту и при посторонних пользоваться сокращением или вообще другим именем. Мол, зная истинное имя, на человека можно навести порчу или заключить договор от его имени. Именно поэтому истинное имя поверяют только самым близким, самым надежным, родным, близким или под клятву.

Ну, во времена всяких войн такое могло быть, но сейчас кому и зачем проклинать кого-

то через имя? Но я хотя бы поняла, почему Джеймс с таким пафосом всякий раз свое имя озвучивает. Мол, он бесстрашный, раз не скрывает. И смотрит все время. Надоел!»

Последняя запись на странице была отмечена апрелем.

«Алиса все еще со мной не разговаривает. А скоро экзамены! И как быть? Мне нужны конспекты ее брата!

И Северус заявил, что помогать не станет.

Сговорились!»

Дальше прочесть не удалось. Дневник просто прищемил мне пальцы за попытку перевернуть страницу.

«Но хотя бы теперь ясно, что за следующие несколько лет и Лили, и Джеймс изрядно поумнели, раз прямо сейчас, судя по всему, настоящее имя их ребенка знает всего один живой человек. Да и тот никому ничего рассказать не может. Из Азкабана-то», — признала я очевидное, решив обязательно взять в Библиотеке что-нибудь об истинных именах.

Разочарованно вздохнув, я поднялась, чтобы поставить тетрадку на полку стеллажа, и тут из нее выпал сложенный надвое листочек.

— Бонус, — повеселев, шепнула я и вернулась на кровать с добычей. Листочек оказался списком. Составила список явно не Лили, но ей принадлежали карандашные заметки.

«Ну, если этих книг не было в Библиотеке тогда, то вряд ли появились теперь, — сказала я себе, насчитав больше полудюжины одинаковых комментариев Эванс. Оставалось надеяться, что кое-где проставленные цифры — цена. — Даже если все считать в галеонах, то выходит не слишком много. А раз книги недорогие, то вряд ли относятся к чему-то запрещенному. По названиям ведь ничего не понятно... Даже те, что на английском, напускают туману!»

Покосившись на Драко и убедившись, что тот все еще весь в своих мыслях, я быстро переписала названия на чистый листик и отправилась на поиски Флинта.

Старшекурсник обнаружился в гостиной в компании квиддичных игроков. Парни явно собирались на поле, так что я отбросила смущение и, упав на подлокотник, быстро изложила Маркусу свою просьбу.

— Список и задаток, — коротко напомнил Флинт. — Знаешь?

Список староста не глядя сунул в мой мешочек с десятью золотыми монетками. Только убедился, что на бумажке указана фамилия.

Я могла поискать нужные книги по имевшимся каталогам книжных лавок, но зачем, если слизеринцы еще полвека назад придумали, как сэкономить свое время и силы за относительно небольшие деньги.

В Лондоне жил некто мистер Тревс. Каждый понедельник к нему отправлялся список заказов. К пятнице он обходил книжные лавки, знакомых старьевщиков и ломбарды. Список найденного он отправлял обратным письмом. Получал деньги в субботу и к понедельнику выкупал и отправлял искомые книги в Хогвартс. За свои услуги Тревс просил пять процентов стоимости книг, но не меньше сикля с каждого клиента. Его услугами через старосту Слизерина пользовались и вороны, и барсуки. Только львята крутили носами.

Нам, первокурсникам, о таком способе найти нужные книги рассказали тогда же, когда вводили в курс жизни на факультете. Драко и остальные ребята слушали вполуха, а вот я мотала на ус. Пусть у меня, как и у других, есть библиотека, но до каникул я до нее не доберусь. Да и не факт, что Дамблдор даст мне сбежать во второй раз. Так что личную библиотеку пока стоило собирать прямо в Хогвартсе.

В спальне в мое отсутствие ничего не поменялось. Разве что Тревор заскучал в ванной и начал раскатисто поквакивать под дверью.

— Научился бы уже открывать, — посоветовала я жабу, выпуская из заточения. — Ты ж великий убегатель. Как тебе репутацию поддерживать, если дверь может остановить?

Жаб невозмутимо квакнул в мою сторону что-то ругательное и ускакал под кровать хозяина.

— Ну не обижайся, твоя жабья милость! — захихикав, театрально воскликнула я. — Ей-богу, ты самый изобретательный, канальский, расчудесный принц на свете!

— Это откуда? — оторвавшись от письма, спросил Драко.

Я неопределенно пожала плечами, вздохнула и выпрямилась. Жаб лести не внял, остался сидеть под кроватью. Драко проследил за моими манипуляциями, покосился на исписанные листы и обмакнул перо в чернильницу. Но потом замер, хмуро глядя на уже написанное и кусая губы. Большая капля упала на столешницу, обрызгав письмо. Мальчик беззвучно выругался и вытащил из рукава волшебную палочку.

Оценив вид приятеля, я полезла в прикроватную тумбочку, куда по заселению перекочевала часть стратегических запасов шоколада. Малфой с грустной благодарной улыбкой принял от меня пеструю коробочку и уточнил:

— Магический зверинец? Необычный выбор.

— У тебя такой вид, что шоколадной лягушкой дело не поправить, — сообщила я приятелю. — Что случилось?

— Ничего, — грустно ответил блондин, вяло ковыряя упаковку.

Видя, что без дырки в плотине волной слов меня не накроет, я села рядом и с шуршанием разорвала свою упаковку.

— Рассказывай, — велела Малфою.

— Ничего не произошло, — начал мальчик. — Сейчас. Просто...

— Все началось с напоминалки, — видя, что ребенок мучается, предложила я первую фразу.

Драко покачал головой и покосился на меня.

— Не совсем. Напоминалка... просто напомнила кое о чем, — невесело усмехнулся он каламбуру.

Я не торопила, уже видя, что мальчик настроился поделиться своими переживаниями.

— Харо, ты знаешь, что означает моя фамилия? — решившись, спросил Драко.

Я лишь пожала плечами, не желая перебивать блондина.

— Малфой... — прошептал Драко с непонятным мне отвращением, — означает «вероломство».

Я спокойно ждала продолжения.

— Если читать только учебники по истории, одобренные Министерством, или верить тем книжкам, которые навязывают магглорожденным, то можно поверить в сказочку о добрых и прекрасных Основателях, так много сделавших для волшебников Туманного Альбиона, — теребя обертку и не спеша вынимать из нее полую фигурку магического зверька, говорил Драко. — Но в старых семьях помнят настоящую историю. В ней нет и грана от той легенды, что продается под яркой обложкой с величественной надписью «История Хогвартса».

Мне попалась какая-то птица, похожая на орла, но с четырьмя крыльями и двойным хвостом, Малфой же в итоге выудил из упаковки шоколадного нюхлера.

— Нет доказательств, но есть версия, что Вильгельм Завоеватель был или необученным волшебником, или сквибом. В любом случае он родился от незакрепленного союза маггла Роберта II Великолепного и чистокровной волшебницы Герлевы де Контервилль. В маггловской истории ей приписывают весьма невысокое происхождение, но на самом деле Герлева происходила из очень почитаемой старой магической семьи. — Взявшись рассказывать, Драко напрочь позабыл о манере растягивать слова. Да и голос его зазвучал гораздо приятнее. — Настолько уважаемой, что за Вильгельмом, пусть и бастардом по магическим и маггловским законам, но все же потомком одного из самых старых родов... практически принцем магического мира... пошло довольно много волшебников. Многие из магов относились к завоевательному походу как к большой аванюре, а потому по-настоящему старых семей было очень мало. Больше тех, кто мечтал возвыситься. Вильгельм не мог сам держать весь этот... — Малфой на миг замолчал, но потом решительно продолжил: — сброд железной рукой, а потому он позволил самым решительным и магически сильным взять остальных под контроль. В итоге появилось четыре лорда и леди, которым все остальные принесли вассальную клятву: Слизерин, Гриффиндор, Хаффлпафф и Рейвенкло. Под их руководством, пока Завоеватель подчинял магглов, волшебники воевали с волшебниками. И проигравшие были вынуждены или принять над собой чужую власть, или исчезнуть. — Голос Драко прозвучал жестко. — Пришлые маги тогда делили землю и владения с тем же упоением, с каким колонисты захватывали территории Америки. Магические главнокомандующие Вильгельма не отставали. Салазар отыскал самое магически сильное место Альбиона, и четверка лордов вместе создала большой скрытый от магглов домен, а в центре, где находилось место силы, совместными усилиями возвела замок. Каждый из них вложил в этот замок что-то свое. И там же разместил свой родовой алтарь. Это было частью договора о союзе между ними.

Я слушала внимательно, разламывая шоколад на кусочки.

— К моменту, когда Хельга, Ровена, Салазар и Годрик завершили свою работу, остальные маги, прибывшие с ними, уже разбрелись и наладили свой быт. Это очень не понравилось лордам и леди. Эти четверо происходили не из самых великих и древних семей. Странники, искатели славы и величия, они прибились к Вильгельму, планируя стать

магическими властителями новых земель, лишь формально подчиняясь маггловской короне.

— И что было дальше? — спросила я шепотом.

Драко горько усмехнулся.

— Гриффиндор, Рейвенкло, Хаффлпафф и Слизерин действовали сообща. Они находили магов, побеждали их и...

— Убивали? — предположила я.

— Нет, — покачал головой мальчик. — Забирали из семей всех молодых магов от трех до семнадцати лет и увозили в свой домен. Старшее же поколение получало предупреждение, что за неподчинение их дети будут умерщвлены.

Я поежилась. История и правда выходила не такой сказочной, как в книжках.

— В домене же каждый из Основателей брался воспитывать украденных детей, желая вырастить из них полностью лояльное себе новое поколение магов. Если кто-то не желал подчиняться... У каждого из Основателей был свой способ воздействия. Хельга поила юных магов водой из своей зачарованной чаши. После этого они напрочь забывали о родителях и своих близких. Чаша была утеряна уже при внуках Хаффлпафф, так что в легенду о том, что сосуд способен любую жидкость превратить в целебный эликсир, все поверили без проволочек. Рейвенкло в своем венце становилась настолько сильным ментальным магом, что легко перекраивала умы и сердца. Говорят, ее дочь, Елена, украла диадему просто ради того, чтобы ее супруг не продолжил дело Ровены. У Салазара был особенный медальон, один вид которого зачаровывал всех вокруг. Это было подобно тому, как заклинатели востока подчиняют себе змей. Годрик же шел иным путем. Его меч одним лишь видом привлекал юных магов, заставляя их верить, что прикосновение к оружию сделает их сильнейшими воинами. Но ни одному юноше или девушке так и не удалось украсть меч, тот всегда, рано или поздно, возвращался в домен.

На минуту повисла тишина, а потом Драко продолжил:

— Пусть Основатели и не убивали юных магов, а после и возвращали их домой, но старшие были в гневе, ведь даже вернувшись, их дети уже им не принадлежали. И некоторые решили попытаться освободиться. Мои предки были одними из тех, кто возглавил восстание.

В голосе Малфоя не слышалось гордости, лишь горечь и боль.

— За это они и поплатились. Ровена не простила им нападения. Все старшее поколение она казнила лично. Просто выжгла им разум с особой жестокостью на глазах у их детей. А потом отобрала имя, выбранное моими предками для рода, и нарекла нас Малфоями. Чтобы мы помнили свое происхождение, свое вероломство. Но на этом она не остановилась. Каждому Малфоя она поставила клеймо, до конца своей жизни сделав мою семью своими бесправными рабами. Лишь через два столетия, когда Ровена умерла, мои предки освободились. Хотя нам, как говорит отец, еще повезло. Против Годрика ярче всего выступили Певереллы. Они были очень сильными магами, но против четверки Основателей ничего не могли сделать. За попытку восстания Гриффиндор приговорил всех членов этой семьи к казни. *Draco dormiens nunquam titillandus!* Никогда не щекочи спящего дракона! Напоминание всем и предупреждение.

— Выходит, никому из ныне живущих магов не за что быть благодарными Основателям, — прошептала я. — Ничего не понимаю. Ладно, прошла почти тысяча лет, многое изменилось. Гриффиндор в значительной степени — магглорожденные. Им не в чем обвинять Годрика. Но почему... Почему слизеринцы так гордятся Салазаром?

— Что бы ни рассказывали истории, магическая школа в замке в центре домена

Основателей возникла уже после их смерти, в более спокойное время, — пояснил Драко. — Клятвы все еще обязывали магов отдавать своих детей сюзеренам, но теперь уже в качестве учеников в школу. И не Ровене, Хельге, Годрику и Салазару, а их потомкам, за которыми таких зверств уже не числилось. Да и сами четыре семьи просуществовали не так долго. Домен стал схлопываться уже в четырнадцатом веке, вынудив селить студентов не в четырех разных школах, а переоборудовать под школу замок Хогвартс. В общем-то, темные времена — есть темные времена, — сказал Малфой, а потом, подумав, добавил: — Хотя Слизерин все же не был таким жестоким, как остальные.

— Это почему же?

— Эту часть истории Основателей тоже перевертали. Салазар никогда не был против магглорожденных волшебников, — поморщился блондин. — У него просто было противостояние с Годриком. Союз четырех очень быстро перестал быть таковым. Каждый из четверки хотел стать главнее остальных. Основатели были равны по силе, разлилось лишь число их сторонников. И Годрик постоянно приводил в свои владения магов, рожденных в маггловских семьях. Да и Хельга с Ровеной не слишком отставали, пополняя свои ряды магглорожденными и полукровками. Салазар же хотел видеть среди своих сторонников только сильных чистокровных магов. Восстание пришлось как раз на то время, когда Салазар полностью разочаровался в своих союзниках, видя, что те объединились против него. До сих пор ходят слухи, что Слизерин спас кое-кого из детей, кого Годрик хотел казнить в назидание. Говорят даже, что это были дети Певереллов. А еще говорят, что Салазар скрывал от остальных Основателей своих детей... В общем, есть легенда о том, что Слизерин отослал трех своих дочерей, двум из них поручив заботу о малолетних Певереллах, за которых годы спустя девушки вышли замуж и основали новые магические семьи. Никто доподлинно не знает, кто это, но эти две семьи несут или несли в себе кровь сразу двух сильнейших магических семей этой страны.

— А третья дочь? — спросила я, чувствуя, что это почему-то важно.

— И об остальных-то все сведенья — домыслы, — пожал плечами Драко. — Но есть версия, что эта дочь Слизерина, старшая из его детей, покинула Туманный Альбион. Ее след пропал в континентальной Европе. Так или иначе, а многие считали и считают, что Слизерин был добрее и милосерднее остальных Основателей. Жаль, что Салазар в какой-то момент просто пропал. Ни единственный сын Слизерина, ни внук не знали, куда он делся.

— Пропал? — переспросила я. — Не ушел, а пропал?

— Да, — подтвердил Малфой.

— Выходит, школа не совсем то, чем является, — хмуро пробормотала я.

Рассказанное Малфоем стоило обдумать.

— За столько веков кровь магов перепуталась, — медленно произнесла я. — Все волшебники — родня друг другу. Это известная истина. Это означает, что каждый маг, в ком есть хоть капля старой крови, в той или иной степени является вассалом одного из четырех Основателей.

— Да, — согласился Драко. — Их и их потомков.

— И Шляпа на распределении просто улавливает... м-м-м... процентное соотношение... В общем, чьей крови в студенте больше, так?

— Не совсем так, — признался Малфой. — Шляпу зачаровывали уже в те времена, когда никого из прямых потомков Основателей не было в живых. Ее просто называли шляпой Гриффиндора, на самом деле это большая мистификация и выдумка. Как и все, что пишут об

Основателях в популярных книжках. Годрик не был прямолинейным и честным воином. Но всем нравится так думать. И нравится думать, что Шляпа принадлежала честному воину и судит всех честно. На самом же деле Шляпа или определяет вассальную принадлежность, или же принимает выбор самого студента.

— В общем, идея пережила своих создателей, изменилась и трансформировалась в то, что мы имеем сейчас, — произнесла я задумчиво. — Но это не отменяет того факта, что каждый студент Хогвартса, входя в него, становится частью одного из четырех больших кланов. И остается... вассалом и после школы. Клятвы? Они еще действуют?

Драко кивнул.

— Мои предки сменили дом при первой же возможности. Малфои слизеринцы. Но из-за того, что кровь волшебников смешивалась все эти века... Больше не осталось никого, кто мог бы назвать себя приверженцем лишь одного дома. Фактически, все, кто происходит от семей времен Основателей, даже если это угасшие и возрожденные рода (магия — не кровь, она не разбавляется настолько, чтобы с кого-то спала клятва!), вассалы всех четырех Основателей.

— И если кто-то заявит, что является наследником одного из Основателей... — холодея, прошептала я.

— И сможет это доказать.

— И сможет это доказать, — повторила я, — то клятва вынудит волшебников сделать то, чего хочет потомок Основателей? Именно так Тот-Кого-Нельзя-Называть собрал своих сторонников? Его связь со Слизеринами оказалась достаточно сильна, чтобы вынудить волшебников подчиниться?

— Некоторых, — признал Драко и чуть испуганно взглянул на меня, явно отслеживая реакцию на поднятую тему. — А кто-то просто ввязался во все из любопытства, желания выделиться... Причин много.

Меня начал бить озноб от осознания. Теперь было понятно, почему старшее поколение магов, учившихся с Реддлом, признало его своим главой. Если Темный Лорд доказал, что является наследником Слизерина... А он доказал, когда сумел открыть Тайную Комнату! Раз... Раз он наследник Слизерина, то никого уже не волновало, что Реддл полукровка!

— Мой дед... — привлекая мое внимание, произнес Малфой, — он был азартен и желал величия. И ему нравились идеи Темного Лорда. Они... они дружили, были соседями по спальне в Хогвартсе. Мой дед не был обязан подчиняться, он не чувствовал давления клятвы. Он выбрал свой путь сам. Поверил в Того-Кого-Нельзя-Называть. Поверил настолько, что позволил ему клеймить себя. А потом привел к нему моего отца. Малфои, клейменные Ровеной, поклялись, что никогда не позволят подобному повториться. Но мой дед предал память и гордость предков. И мы все поплатились за это.

Я видела, что Драко тяжело рассказывать, а потому сидела тихо и ни о чем не спрашивала.

— Мой дед умер до того, как Темный Лорд превратился в одержимого идеей фанатика. А мой отец... Он уже не мог выпутаться из этой истории. Крестный и отец... Они не ходили в рейды, не участвовали в боях. Но крестный попался в капкан Дамблдора из-за...

— Из-за моей мамы, — завершила я фразу, видя, что Драко все тяжелее говорить.

— Да. Ты знаешь?

— В общих чертах, — не стала я вдаваться в подробности. — А твой отец? Он ведь политик...

— Да, — Драко невесело усмехнулся. — Он мог бы стать министром, знаешь? У него все задатки, как говорит мама... И тогда, в те смутные времена, отец делал головокружительную карьеру в Министерстве. Его имя было на слуху... И он поплатился за это. За свою известность. И за метку...

— Это было противостояние, — положив Малфойю ладонь на плечо, мягко напомнила я. — Одна сторона выиграла, а другая проиграла. Но все могло сложиться и иначе.

— Верно, — согласился Драко. — Отец мог и не выпутаться. Мог бы попасть в Азкабан.

— Но он с вами, — улыбнулась я мальчику.

— Знаю, глупо и бестактно говорить это тому, кто в войне потерял родителей... — выдохнул Малфой. — И Лонгботтом... Его родители пострадали. Моя семья ведь в этом тоже виновата.

Я не стала спорить, видя, что на Драко мои слова вряд ли подействуют.

— Но... Я порой ненавижу своего деда, отца... Саму фамилию Малфой! — признался юный маг. — Из желания получить больше... власти, признания... Теперь Малфой... — Он тяжело вздохнул. — Прошло десять лет. Официально мы оправданы. Сколько денег на это было потрачено! Но на самом деле... То и дело ко всем тем, кто был как-то причастен, навешиваются... и тычут нас носом, как котят. Обвиняют. Угрожают. А отец... Он смиренно все сносит. Делает вид, что не замечает, когда всякие... уносят в карманах наши вещи. То, что Малфой копили веками!.. Просто исчезает. И ведь даже в Гринготтс не перенести!.. Только продавать по частям за бесценок, если это что-то, из-за чего могут придраться. Или надеяться, что авроры и всякие пришлые не попадут в закрытую часть дома.

Казалось, Драко вот-вот расплачется. И мне было его жаль.

— Я понимаю, у Невилла родители... в Мунго. Я понимаю. И ты...

— Я тоже понимаю, Драко, — поглаживая мальчика по спине, честно сказала я. — То, что случилось много лет назад, мало кому принесло выгоду. Пострадавшие есть с обеих сторон. И не важно, как мерить потери.

— У меня была похожая напоминалка, — признался Малфой совсем тихо. — Старинная. С серебряными вставками. Родители подарили мне ее на трехлетие. Она так забавно жужжала перед тем, как... Она пропала, когда через месяц к нам наведались с очередным рейдом.

Драко так и не заплакал. Лишь вздохнул тяжело и решительно разломал своего шоколадного нюхлера, а потом и бумажный шестигранник, из него выпавший. В коробочке с простенькими чарами расширения оказалась спрятана деревянная фигурка искусно выполненной саламандры.

— Красиво, — отвлекая Малфоя, сказала я и вскрыла свой магический киндер-сюрприз. Мне на ладонь упала увесистая каменная фигурка изогнувшегося и раззявившего пасть змея.

— Василиск, — мгновенно определил Драко.

— Будешь началом моей коллекции, — важно сказала я фигурке. — Красивый.

Тревор из-под кровати Невилла недовольно квакнул и выбрался на свет, будто желая увидеть соперника за мое внимание.

Дни пробегали за днями. Меня окончательно втянуло в реку местной жизни. Я еще не чувствовала себя рыбой в этих водах, но вполне могла сойти за соседку Тренора по кочке хогвартских болот. В этом немалую роль играли книги из списка Лили Эванс и постоянное общение с магами. Я даже порой ловила себя на осознании, что начинаю забывать, кем была до попадания в этот мир и сколько мне реально лет. Будто мы с Харо все больше и больше срастались в единое целое. Уже не было ни девочки Поттер, ни девушки Лины из другого времени и мира. Осталась лишь Харолина — одиннадцатилетняя студентка Слизерина, затеявшая долгую и опасную игру со всем магическим миром.

Но пусть я и начала впадать в детство, о мире и его обитателях забыть не удавалось, пусть пока и не происходило ничего такого, с чем не могла бы справиться. Да и вообще создавалось впечатление, что изменения, произошедшие в знакомой истории с моим в ней появлением, значительно ее исказили.

Уизли, после пары неудачных попыток то ли поговорить, то ли поругаться, полностью потерял надежду на «дружбу с Героем» и переключился на общение с львами. Грейнджер держалась или особняком, или сидела с девочками, наводя на размышления о том, что лишь Гарри Поттер мог в другой реальности стать причиной ее попыток дружбы с Роном. И раз я носила серебристо-зеленый галстук, то у Драко не было причин добиваться моего внимания едкими замечаниями и оскорблениями, так что напряжение между первыми курсами слизеринцев и гриффиндорцев не превышало среднего показателя по школе.

Снейп, по началу пытавшийся играть в ужасно строгого и непомерно придирчивого учителя, к концу второго месяца шарахался от меня и предпочитал игнорировать на своих занятиях. Казалось, еще немного — и декан начнет очерчивать свой стол кругом из соли перед сдвоенными уроками первого курса Гриффиндор-Слизерин. Но кто ж ему даст!

Я с упорством маньяка добивала нервную систему зельевара прилежной учебой, примерным поведением и повышенным интересом к зельеварению вообще и к его преподавателю в частности. Северус Снейп от моей идеальности только еще больше напрягался и явно прикидывал, чем такое поведение может обернуться. Я же преданно посматривала декану в глаза, пользуясь тем, что волшебник, при всех своих навыках, оказался воспитанным, законопослушным, в голову мне не лез, и строила из себя... сытую змейку.

Аппетит в новом теле был такой, что я вполне могла понять обиженных на Дурслей Харо из этой реальности и Гарри Поттера — из другой. На поддержание мелкого и щуплого тельца волшебника требовалось столько же пищи, сколько мог осилить взрослый мужчина, занимающийся физическим трудом. Не удивительно, что Харо и Гарри считали, что родственники морят их голодом.

К тому же мой аппетит оказался устойчив и к повышенному вниманию директора, с каждым днем все настойчивее посматривавшего в мою сторону, порой совершая попытки провинтить во мне дыру, и к ужаснейшим манерам гриффиндорцев. И только ароматы, исходившие от одеяния Квиррелла, могли помешать мне съесть первое, второе, десерт... и повторить все сначала.

Именно этим важным делом я как раз собиралась заняться утром в день Хэллоуина, когда Драко дернулся, задев меня локтем, и прошипел:

— Фу, ну и видок!

Проследив за его взглядом, я вопросительно приподняла бровь. Преподаватель защиты, на которого с отвращением смотрел мой белобрысый сокурсник, выглядел не хуже и не лучше, чем обычно. Более того, в Большой зал Квиррелл вошел через дверь для учителей, так что нам посчастливилось не принюхиваться к зловонной смеси чеснока и несвежего мяса. Зато Снейп рядом с Квиринусом определенно учуял коллегу еще из коридора, потому как походил на не самого свежего покойника цветом лица, а отодвинутая чашка кофе от его взгляда рисковала превратиться в кусок льда еще до окончания завтрака.

— Бедный наш декан, — искренне вздохнула я. — Как он это выносит?

— Меня больше удивляет, что остальные будто ничего не чувствуют, — фыркнула Панси, сооружая на своей тарелке сложный сэндвич из тостов, сыра, листиков салата, кружков томата и ветчины. Примерившись и прищулив один глаз, девочка взмахнула волшебной палочкой. Сыр мгновенно расплавился, а хлеб подрумянился. Над нашим столом поплыл вкуснейший аромат, на который обернулись сидевшие по соседству студенты третьего курса.

— Флитвик кастует себе затычки в нос, определенно, — предположил Тео. — А МакГонагалл всегда сидит с таким кислым видом, будто ей вообще все кругом не нравится. Остальные же просто вежливо помалкивают.

— А Дамблдор? — спросила я.

— А директор, думаю, обвешен таким количеством артефактов, что среди них наверняка есть и тот, что должен освежать воздух на ярд во все стороны, — глядя на волшебника с прищуром, предположил Блейз.

— Почему «наверняка»? — вздернул бровь Драко. — Так и есть.

— Так, стоп, — нахмурилась я. — Ты ведь с самого начала говорил не о запахе, а о внешнем виде, да?

Я прищурилась, рассматривая Квиррелла. В последнее время преподаватель стал более дерганным, заикался почти в каждом слове, но в остальном мало чем отличался от себя сентябрьского: такой же бледный и изможденный. Казалось, за эти недели он даже мантию ни разу не сменил. Что уж говорить о фиолетовом тюрбане!

— М... Кажется, заика выглядит как обычно, — задумчиво протянула я.

— Он мельтешит, — проворчал Драко. — Смотреть неприятно.

— Мельтешит? — уточнила я, глядя на преподавателя.

— Его аура будто двоится, — пояснил Малфой и отвел взгляд. — Чем он болен, интересно? Столько времени прошло, а видок все хуже.

Оговорка Драко очень меня заинтересовала, но завтрак подходил к концу, так что к интересной теме я решила вернуться позже.

На чарах, как и ожидалось, проходили заклинание левитации неодушевленных предметов. Грейнджер и в этот раз выделилась, но допекла своими советами не Рональда, а Лаванду. Браун стойчески выдержала поучения, лишь незаметно закатила глаза и состроила рожицу Парвати Патил. И, конечно, у Гермियोны Левиоса получилась с первой же попытки.

— Петля неровная, — проворчал Драко, глядя на успех девочки, подкрепленный радостным восклицанием учителя и десятком баллов.

Я смогла различить лишь световой росчерк, повторивший движение кончика палочки Грейнджер. Хоть свечение и было слабеньким, но зато непрерывным. У того же Рона золотистая петелька незавершенной буквы «Ф» обрывалась на переходе в вертикальный

взмах, а у Финнигана все рвалось на начальной дуге.

Слизеринцы не спешили чаровать, тренировали движение и перемигивались. Невилл и вовсе просто раз за разом повторял себе под нос латинские слова.

— Тренируемся, тренируемся, — подбадривал нас Флитвик.

Гермиона повторила удачную попытку поднять перо еще раз, после чего стала просто с превосходством наблюдать за остальными. Заметив вздернутый нос девочки, Драко тихо фыркнул и уверенно взмахнул палочкой, скупым экономным движением вычертив крохотный незаконченный и перечеркнутый сверху вниз круг. Его заклинание оказалось ярче и устойчивее. Со стороны казалось, что перышко за середину подцепили к небольшому сияющему фонарику.

— Отлично, мистер Малфой, — поздравил слизеринца преподаватель. — Десять очков!

Драко бросил самодовольный взгляд на мигом растерявшую часть уверенности Гермиону.

— Ты ведь мог продемонстрировать эти чары самым первым, — заметила я, видя, что юный волшебник левитирует перо без каких-то усилий, даже не глядя на него.

— Задание не в том, чтобы сделать первым, — ответил Малфой. — Сам чего ждешь?

Я пожала плечами и как можно четче вычертила нужную форму в воздухе. Моя Левиоса вспыхнула почти так же ярко, как у Драко, лишь в начальной точке получилось утолщение.

— Много силы, — прокомментировал Драко.

И будто подтверждая его слова, воспарило не только страусовое перо, но и парта, на которой то лежало. Удержавшись от желания разрубить петлю косым взмахом, я плавно повела палочкой вниз, позволяя столу вернуться на пол, и только после этого оборвала подпитку заклинания.

— Все хорошо, мистер Поттер? — обеспокоенно уточнил маленький профессор. — Голова не кружится?

Я удивленно вскинулась и отрицательно мотнула головой. Оказалось, обеспокоенно на меня смотрел не только Флитвик, но и Драко, Панси и Невилл. А Гермиона прожигала обиженно-хмурым взглядом из-под лохматой челки.

— Десять баллов Слизерину, — похвалил меня преподаватель и уже для всех добавил: — Напоминаю, что хотя чары левитации и позволяют поднять в воздух любой предмет, вам не стоит пытаться перемещать что-то большое для вашей же безопасности. Группа заклинаний, которые мы сейчас изучаем, относится к чарам непрерывной подпитки силой. Если переусердствовать, можно заработать магическое истощение. Мистер Поттер, точно все хорошо?

Я лишь неопределенно пожала плечами и продолжила тренировать заклинание. Никакой усталости не ощущалось. Приложить нужное количество сил удалось лишь с третьей попытки. И все это под хмурым взглядом Грейнджер.

«И что ей не так?» — пытаюсь игнорировать гриффиндорку, подумала я. Появилось недоброе предчувствие, что сегодня обязательно произойдет что-то не очень хорошее.

К концу учебного дня предчувствие чего-то недоброго только усилилось, хотя Грейнджер появилась и на следующем занятии, и на обеде, а потом на виду у всех шуршала пергаментами и книгами в Библиотеке.

Если бы знала, что следить нужно вовсе не за гриффиндорской заучкой, а за кое-кем другим, то не хлебнула бы в самом начале ужина тыквенного сока...

Засыпая вечером и просыпаясь утром, Северус Снейп неустанно ожидал какого-то взрыва. Казалось, завтра или через день весь Хогвартс содрогнется от выходки его самого знаменитого подопечного. Но дни шли за днями, а от Поттера у факультета проблем не наблюдалось. И если внук леди Августы выделялся на фоне змеек хотя бы своей неуклюжестью, то мелкая зеленоглазая вошь успешно мимикрировала и слилась с обитателями подземелий.

Учителя сына Лили хвалили сдержанно, едва ли больше, чем остальных первокурсников. Поттер определенно нацелился не отвечать и тем запудрить всем мозги. Но по какой-то причине сделал исключение для собственного декана.

Перед уроками первокурсников Северус весь подбирался, ожидая, что постреленок учудит на этот раз. Ничего опасного Поттер не вытворял, но все равно выводил зельевара из равновесия. Только профессор привык к внешнему виду части своих студентов на уроках и очень даже приятной их привычке убирать за собой рабочее место, как Поттер вламывался к декану после занятий, вооруженный списком каких-нибудь вопросов. И это притом, что даже собственный крестник Северуса побаивался. Поттера же не брали ни грозные взгляды, ни убийственный тон. И пока Снейп раздумывал, похож Поттер больше на репей или на живучего клопа, мальчишка находил новый повод таскаться за профессором и изводить его взглядом своих невозможных зеленющих глаз.

Вот и вчера Поттер заявился, подгадав так, чтобы Снейп не успел схорониться в тишине и покое собственной лаборатории.

— Профессор, мне скучно! — с порога заявила эта мелкая ходячая неприятность и состроила такой жалобный взгляд, что у волшебника не повернулся язык послать слизеринца интересным пешим маршрутом. Пришлось впустить и хмуро уточнить:

— И от чего же вам скучно, мистер Поттер?

— Уроки сделаны, — тут же принялся перечислять ребенок, — дополнительная литература просмотрена, будущие темы по предметам — тоже. По истории конспект на три следующие лекции уже написан. Во все игры сыграно по два раза, а исследовать открытую и безопасную часть замка в одиночку — страшновато. В итоге... Скучно! — повторил Поттер.

— И вы хотите, чтобы я придумал вам занятие? — удивился Северус.

— Ну а что? — невинно уточнило это недоразумение.

Даже семикурсники, планировавшие после Хогвартса заниматься зельеводством, на дополнительные занятия ходили, как на каторгу, а этот приволокся просто так. К декану. Будто ему с ним интересно.

Профессор с прищуром глянул на Гарри Поттера, из последних сил удерживаясь от чтения мыслей, и решил:

— Идемте.

Обычно зельевар не пускал в личную лабораторию посторонних, но для Поттера почему-то хотелось сделать исключение.

«А еще лаборатория — единственное место в Хогвартсе, где точно можно не бояться быть подслушанным», — мысленно усмехнулся декан Слизерина, вспоминая, как кривился когда-то Альбус.

Изначально директор предлагал Снейпу старые покои Слагхорна, но новоявленный

преподаватель зельеварения от этого «щедрого» предложения резко отказался, выбрал себе комнаты поглубже, ближе к гостиной своего факультета. Так еще и зачаровывать их взялся сам.

Первоначально на месте нынешних личных комнат Северуса было лишь два небольших помещения, но замок, улавливая волю декана, сильно их расширил, добавил другие помещения, материализовал камин и кое-какую мебель. Дальше Снейп обустроивался сам, трансформируя имеющееся или заказывая эльфам поиск недостающего.

В итоге в личные комнаты Снейпа не просочилось ни одного портрета, ни одного гобелена с изображением людей, а зеркало имелось только в ванной комнате. Прямой запрет мешал проникновению внутрь хогвартских домовиков до именного призыва. Но полностью закрыть все комнаты Северус не мог. Пришлось оставить открытые камин в кабинете и гостиной. Но вот на лаборатории профессор отыгрался. Туда даже Патронус не мог просочиться, войти — только приглашенный волшебник, а сложности защиты позавидовало бы Министерство Магии!

Кивнув на один из пустых рабочих столов, Снейп отошел к шкафам. Поттер понятливо плюхнул свой рюкзак у табуретки, вытащил рабочую одежду. Ожидая жалоб или даже воплей, Северус выставил перед студентом пятилитровую банку с сушеными тараканами, пустую емкость чуть поменьше и ступку.

— Измельчить в порошок, — проинструктировал зельевар, а сам занялся подготовкой ингредиентов для очередной порции лечебных зелий.

Поттер жаловаться и не подумал. Переоделся, напялил перчатки, защитные очки и приступил к работе. Видя, что слизеринец уверенно сыпанул в ступку тараканов на одну треть объема, Снейп расслабился и переключился на нарезку вымоченных корней валерианы лекарственной.

— Профессор, а можно вопрос? — некоторое время спустя подал голос мальчишка, подняв на Снейпа свои душевынимающие зеленые глаза.

Северус едва обреченно не застонал. Поттер и его вопросы уже начали преследовать зельевара в кошмарах, но отказать студенту преподаватель не мог.

— Вы ведь учились в Хогвартсе в одно время с моими родителями, да? — озвучил Поттер то, что декан услышать не планировал.

— Да, Поттер, — чуть хрипло ответил Снейп. — Кто вам сказал?

— Это не великая тайна, — пожал плечами слизеринец. — А вы их хорошо знали? Северус замер над разделочной доской.

И что ему сказать?

Да, Поттер, я знал ваших родителей очень хорошо? Лучше, чем хотел бы?

— С вашей матерью мы познакомились до поступления в Хогвартс, — скуповато начал мужчина. — Мы жили недалеко друг от друга...

Вернувшись к работе, Северус продолжил неторопливо рассказывать. Поттер слушал очень внимательно. И делиться с ним оказалось удивительно легко. Может впервые за эти годы душу волшебника наполняли не боль, горечь, вина, обида или желание мести, а лишь светлая грусть и сожаление.

Лили была первым настоящим другом. И первым идеалом. Все кругом почему-то были уверены, что Эванс и Снейпа связывает что-то большее. Но Северус прекрасно видел, что Лили никогда не была в него влюблена, а он... Ему оказалось проще признать чужие догадки, чем объяснять, что Лили была для него больше, чем все те слова, которыми можно

было обозначить взаимоотношения юноши и девушки, не связанных кровью. Лили была другом, сестрой... Родственной душой, как писали в книгах, которые девушка любила читать ему летом, когда они валялись на чахлой коуквортской траве у речки. Лили была для Северуса очень многим. Возможно, самым дорогим в жизни. Особенно после смерти матери... Но он никогда не любил рыжеволосую девушку.

«Иначе не отпустил бы», — подумал зельевар, описывая Поттеру, взгляд которого сейчас особенно напоминал о Лили, лето перед первым курсом. То время, как оказалось, было самым счастливым и беззаботным в жизни юных магов Коукворка.

Лили, как сейчас понимал Северус, очень сильно изменилась где-то за неделю до отправления в школу. Она часто о чем-то думала и перестала выбалтывать другу все свои мысли. Переполненный волнением из-за перемен в жизни, будущий профессор тогда этого не замечал. И осознал только в Хогвартсе, когда его подруга, искренне разделявшая суждения Северуса совсем недавно, внезапно оказалась на Гриффиндоре и радостно улыбалась своим софакультетникам.

— Программа ведь одинаковая, — отмахивалась она позже. — Так какая разница?

Разница была огромной. Северус об этом знал. Лили же еще долго продолжала считать, что противостояние факультетов — глупая детская игра. Да и в целом никак не могла отказаться от своего маггловского восприятия мира, хотя друг то и дело пытался донести основы, без которых в магическом сообществе волшебник рисковал сложить голову еще до совершеннолетия. Но Лили не слушала, отмахивалась, даже смеялась, называла традиции пережитком и нелепостью.

Но они продолжали дружить, вставая друг за друга горой. И, казалось, ничто не может разорвать ту нить, что связала когда-то мальчика и девочку из маленького серого городка.

Все изменилось после рождественских каникул на пятом курсе. В Хогвартс Лили вернулась задумчивая и молчаливая. У нее появились какие-то тайны, а ведь прежде она всегда всем делилась с другом. Потом перестала ругаться с компанией Поттера... Порой Северус замечал ее взгляды в сторону предводителя гриффиндорских пятикурсников и чувствовал боль. Разлад и ссора во время сдачи экзаменов были логичным развитием событий. В новом учебном году Снейп и Эванс вернулись в Хогвартс врагами, а Лили вскоре начала встречаться с Поттером.

Вспоминая сейчас лето 1976 года, декан Слизерина окинул мрачным взглядом украшенный в честь Хэллоуина Большой зал. Если бы знал он тогда, много лет назад, что пять лет спустя самого близкого ему человека не станет, сделал бы все, чтобы переубедить Лили.

Тогда он вернулся в родной городок в настолько подавленном состоянии, что несколько дней не выходил из дома. Потом бросился к Эвансам, но Лили, как оказалось, каникулы начала не со встречи с родителями, а с визитов к друзьям. Миссис Эванс смотрела на Северуса столь сочувственно, что слизеринец не знал, куда спрятать глаза.

Лили приехала домой только в августе и сама нашла Северуса. Удивительно, но девушка ни разу не попеняла ему за оскорбление. Но и не простила. Зато впервые за многие месяцы была искренна...

Северус перевел взгляд на стол Слизерина, высматривая Поттера. Мальчик выглядел подавленным и на всеобщее веселье смотрел без улыбки. Кажется, лишь первокурсник и его декан сегодня вспомнили, что десять лет назад не только свершилась победа над Тем-Кого-До-Сих-Пор-Боятся-Называть-По-Имени, но и не стало пары волшебников, которых все

считали образцом истинной любви.

Наверное, именно из-за близости очередной годовщины Снейп настолько расклеился, раз много о чем рассказал Поттеру-младшему вчера. Рассказал о мелких проказах Лили, о ее достижениях. О «Клубе слизней», о том, как они бегали курить за теплицу №6. Расклеился настолько, что всего раз обозвал Джеймса Поттера оленем и парочку раз — болваном. И настолько, что не поведал сыну Лили, как в августе 1976 года его мать заявила:

— Я встречаюсь с Джеймсом.

— Ты ведь его не любишь! — возмутился Северус.

— Сев, я не говорила, что люблю, — фыркнула Лили Эванс. — Джеймс — то, что мне нужно.

— То, что нужно? — не поверил своим ушам слизеринец.

— Он чистокровный, — как маленькому стала объяснять девушка. — И у его семьи есть положение в обществе. Мне, как магглорожденной, не пробиться хоть куда-нибудь без связей и денег. А у него все это есть.

У Северуса тогда появилось ощущение, что Лили озвучила лишь часть своих мотивов. Только то, что она могла рассказать.

— В общем, если ты мне друг, то не мешай, — припечатала Эванс.

Если бы он тогда не лелеял свою вину перед подругой, если бы настоял на подробностях или сумел отговорить, то...

«Возможно, сейчас бы маленький мальчик с зелеными глазами не смотрел бы так печально, а я не чувствовал бы себя виновным в смерти его матери», — мысленно произнес Снейп.

Но ничего этого зельевар не рассказал Гарри Поттеру, позволив тому и дальше идеализировать родителей.

«Хотя мальчишка, судя по реакции на мои рассказы, и не идеализировал их», — подумал профессор, наблюдая за тем, как на столах появляется еда.

Вдруг Поттер, только секунду назад с удовольствием пивший тыквенный сок, вскочил со своего места, схватился за живот и ринулся прочь из Большого зала.

— Что?.. — уже поднимаясь со своего места, пробормотал декан Слизерина, но в этот момент двери распахнулись и в зал, едва не снеся Поттера, ворвался Квиррелл.

На выходе из Большого зала меня довольно сильно толкнул Квиррелл, я охнула, но траекторию движения сохранила. Сзади доносились окрики Малфоя, но на объяснения не было ни одной лишней секунды, если судить по бурлению и резкой боли в животе. Знай все, что я девочка, подобных издевательских проделок можно было бы избежать. Наверняка даже самые отмороженные шутники не пошли бы на такое. Но я кошу под мальчика и отдуваться мне теперь по полной!

— За что? И кто? — стонала я, влетая в ближайший мужской туалет и запираясь в одной из кабинок. — И именно сейчас!..

Этот вечер я собиралась провести среди других первокурсников и не влезать в передраги. А теперь сижу на унитазе...

— И почему в голову лезет, что с моим везением тролль будет шататься как раз по этому коридору? — прошипела я себе под нос. Интуиция вопила белугой.

По гулу стало ясно, что профессор ЗОТИ уже поднял панику, и детей погнали по гостиним. Хотя, казалось бы, просто закройте двери, выставьте по паре учителей на выходы, а остальных взрослых отправьте на охоту. Так нет, Дамблдор подвергает опасности больше трех сотен детей и подростков, даже не зная толком, где прямо сейчас находится существо четвертого класса опасности!

«Не забывай, что он дал добро на цербера, а остальные деканы поучаствовали в создании полосы препятствий, на которой первокурсник может выжить только чудом», — прорезался внутренний голос.

— И куда смотрят родители всех этих детей? — простонала я, скручиваясь в бараний рог. Резь в животе была настолько сильной, что я с трудом сдерживала крики. Так еще и лицо начало страшно чесаться. Потрогав его, я едва не выпала из реальности — под пальцами ощущалась россыпь волдырей.

Будто всего этого мне было мало, дверь туалета скрипнула, и послышался обеспокоенный голос Малфоя:

— Харо? Харо?!

«Стыдоба!» — только и могла думать я, кое-как вытягивая волшебную палочку и с горем пополам рисуя в воздухе привычную связку бытовых чар.

— Драко! — воскликнула Панси.

— Прибыло пополнение, — хмуро отматывая туалетную бумагу, прошипела я.

— Он тут? — подал голос Невилл.

— Тут-тут, — проворчала я из кабинки.

— Харо! — обрадовался Малфой. — Ты как?

— Ты точно хочешь знать ответ? — уточнила я зло. — И зачем вы все здесь?

— Так тролль в подземельях. А ты и не знаешь, — объяснила Панси.

«Вот как ни крути историю, а все равно в туалете или около него на Самайн собирается толпа детей», — подумала я.

— У меня живот заболел. И что-то с лицом, — предупредила я.

— Надо к декану, — чуть испуганно предложила Панси. — А пока...

В щели под дверью появилась тонкая девичья ладошка с небольшим резным флаконом.

— Это... поможет, — смущенно прошептала девочка. — От живота.

«Культурные все такие», — не могла не умилиться я.

— Спасибо, Панси, — искренне поблагодарила слизеринку.

Зелье оказалось чуть горьковатым, но подействовало за несколько мгновений. Боль ушла, хотя в животе все еще происходили какие-то подозрительные процессы.

— Нужно уходить отсюда, — поправляя одежду, сказала я и еще раз взмахнула палочкой, повторно накладывая чары освежения и себя, и воздуха вокруг. — Если по школе бродит тролль...

Договорить я не успела, ощутив сильнейшее зловоние, легко перебившее действие скастованного мною заклинания.

— Что за?.. — явно ощутив смрад, начал Драко, но конец фразы потонул в оглушительном визге Паркинсон.

Я вывалилась из кабинки и тут же получила второй залп ора, но уже прямо в лицо.

Дальше все происходило настолько быстро, что мозг не успевал обрабатывать информацию.

Вот Панси отшатывается от меня, а я, повернувшись к зеркалу, вздрагиваю от вида собственной позеленевшей физиономии, покрытой сотнями волдырей. Вот раздается грохот — и дверь разлетается щепками. В туалет вламывается тролль, а Панси срывает голос и падает в обморок. Я хочу следом за ней, но инстинкт самосохранения удерживает сознание. Вот я тащу Паркинсон в дальний угол, пытаюсь при этом привести в чувства застывшего сусликом Лонгботтома. А Драко в этот момент вопит на одной ноте и машет палочкой, пятясь вслед за нами.

А потом, видно услышав наши крики и шум, в туалет вламывается сначала Снейп, а за ним — МакГонагалл и Синистра. Декан в два прыжка оказывается перед троллем и отправляет в него какое-то невербальное заклинание, после которого зловонное существо с хрипом валиться вбок, разламывая кабинки и ударяясь головой о каменную стену.

— Мы спасены, — выдыхает пришедшая в себя Панси, и мы все замираем, таращаься на тролля.

* * *

Еще в бытность студентом Северус Снейп прекрасно изучил Хогвартс, а должность декана открыла доступ к многочисленным скрытым проходам, позволявшим в несколько шагов с первого этажа попасть под самую крышу. Убедившись, что слизеринские старосты пришли в себя и бросились исполнять свои обязанности, зельевар ринулся на третий этаж. Стоило поспешить.

Псина сидела на месте и зверствовала даже больше, чем обычно. Похоже, Хагрид к своему питомцу еще не заглядывал или кто-то уже успел разозлить цербера. Лишь чудом удалось уберечь голову и бок от острых клыков, но трехголовая псина все же победила в схватке — короткие тупые когти едва не раздробили Северусу стопу.

Снейп отшатнулся и, пересыпая заклинания откровенной бранью, взмахом палочки захлопнул и запечатал дверь. Нога стрельнула сильнейшей болью, стоило сделать шаг, но профессор лишь стиснул зубы и понесся к проходу.

— Первый этаж, Северус! — возник перед Снейпом Патронус преподавателя астрономии — бледно-голубая ласточка — как раз в тот миг, когда декан Слизерина выбежал в холл. Дальше волшебник определял направление по жутчайшему зловонию и шуму.

На входе в мужской туалет зельевар столкнулся с Авророй и Минервой, но опередил их.

Быстро оценив обстановку — двое первокурсников у дальней стены, мальчик и девочка, трясущийся рядом с разбитыми умывальниками Лонгботтом и что-то выкрикивающий крестник с палочкой наперевес — Северус, не раздумывая, запустил в тролля первой попавшейся связкой заклинаний. Убить это существо было сложнее, чем оглушить.

— Мы спасены... — потрясенно прошептала мисс Паркинсон и разрыдалась, цепляясь за Лонгботтома.

— Молодые люди, что все это значит? — напустилась на детей декан Гриффиндора.

— Декан! — прервал отповедь Минервы детский возглас.

Мгновение спустя в Снейпа врезалось худое детское тело, ручки-веточки обхватили за поясницу. Вздернув бровь, Северус глянул вниз и чуть наклонился вперед. Поттер — а это определенно был он! — тут же этим воспользовался: потянулся вверх, помогая себе руками и ногами. Зельевару ничего не оставалось кроме как подхватить первокурсника. Внутри что-то болезненно дернулось, когда мальчишка уткнулся профессору носом в шею, обхватил сильно-сильно, не переставая всхлипывать, и замер перепуганным зверьком.

Квиррелл появился очень вовремя, и Снейпу не пришлось что-либо говорить. Но Минерва все равно тарашилась.

— Нужно отвести ребят в Больничное крыло, — видя, что декан Гриффиндора уже состроила то суровое выражение лица, с которым обычно снимала баллы, вмешалась Аврора. — Что с мистером Поттером?

Удивившись вопросу, Северус откинул назад голову, пытаясь взглянуть на зареванную мордашу своего студента.

— Поттера кто-то отравил, — быстрее всех пришел в себя Драко.

Зельевар и сам уже оценил ситуацию: лицо Поттера покрывали неровные зеленовато-бурые пятна, волдыри и бородавки, кое-где — даже чешуйки; чуть изменился разрез глаз, нос немного расплылся, а губы истончились. Прямо сейчас мальчик больше напоминал помесь жабы и змеи.

— Верно, нужно срочно заняться проблемой мистера Поттера, — согласился Северус и, игнорируя МакГонагалл, с мальчишкой на плече покинул туалет. Остальные первокурсники утятами поспешили следом, по дуге огибая и тролля, и Минерву.

— Декан! У нас четверых не хватает! — появился перед Снейпом Патронус Флинта, когда слизеринцы пересекали холл. — Мы только-только обнаружили.

Сам Флинт вместе с несколькими семикурсниками патрулировал лестницу, ведущую в подземелья факультета. Парни встретили маленькую процессию ярким светом усиленного пламени факелов и обнаженными палочками.

— Они здесь! — выдохнул староста, заметив первокурсников. — Что случилось, профессор? Что с Поттером?

— Это все Уизли! Близнецы, — заявил семикурсник Гастингс. — Они весь день веселились больше обычного, а в начале пира постоянно посматривали на наш стол.

— Разберемся с этим позже, — пообещал Снейп, видя потемневшее от гнева лицо Маркуса. — Мистер Флинт, проводите Малфоя, Лонгботтома и Паркинсон в гостиную. У мисс Фарли есть успокоительное.

— Но, к... — запротестовал Драко. — Профессор!

— Идите, — строго глянув на Малфоя, приказал Снейп. — Мне нужно заняться мистером Поттером.

Поттером точно стоило заняться. Мальчишка притих и не шевелился. У самых дверей в

личные комнаты зельевара первокурсник вдруг затрясся и захрипел. Прорывав пароль, Северус ввалился к себе и кое-как опустил дергающееся тело на кушетку рядом с камином. Видя, как Поттер хватается за горло, расцарапывая кожу, профессор мигом наложил диагностическое и ужаснулся. Мальчишка задыхался из-за отека гортани.

* * *

Плечо у декана оказалось жутко твердым, зато от него приятно пахло травами, а руки были очень теплыми. Я непозволительно расслабилась, думая, что все худшее позади. И за это поплатилась.

Я даже не поняла, что происходит. Просто внезапно стало нечем дышать. Перед глазами растеклась темная пелена. Я могла лишь хрипеть и дергаться. А потом все разом закончилось. Я даже не успела увидеть кадры короткой второй жизни и попрощаться с ней, как в легкие хлынул живительный поток воздуха.

— Дыши, — велел Снейп, с тревогой на меня посматривая. — Дыши.

Дальше профессор долго махал надо мной волшебной палочкой, расспрашивал. Я рассказала все, что знала. Передала флакон из-под выданного Панси зелья. Снейп одобрительно кивнул, прочитав надпись на этикетке и глянув бутылочку на свет. Только после этого декан спойл мне несколько зелий.

— Что это было, профессор? — чуть хрипло спросила я.

— Чья-то очень большая ошибка, — хмуро ответил зельевар, забирая у меня последний пустой фиал. — Судя по всему, вам что-то подлили в тыквенный сок, Поттер. Видимо, планировалось... подшутить, придав вашей внешности сходство с земноводным. Но тот, кто это сделал, не все рассчитал.

— Да уж... — прошептала я.

Из дальнейших пояснений я узнала, что подлитое мне зелье оказалось несовместимо с тыквенным соком. Смесь стала сильнейшим слабительным. Но само зелье сработало. Вот только тот, кто додумался его сварганить, не учел возможную аллергическую реакцию.

— Успокоительное, — всучив мне очередной фиал, сказал Снейп и ушел в соседнюю комнату.

— Да, успокоительное не помешает, — согласилась я. — Профессор?

Как оказалось, декан спрятался, чтобы осмотреть свою пострадавшую конечность. Успокоительное подействовало быстро — на глубокие рваные раны я смотрела без дрожи и рвотных позывов.

— Вам помочь, профессор Снейп? — удивившись сама себе и удивив волшебника, предложила я.

Мужчина и взглядом, и словом велел мне убираться, но я уже выяснила, что Снейп грозный только с виду, а потому осталась стоять в дверях. Дальше выяснилось, что сам профессор нормально обработать царапины не в состоянии, и меня милостиво подпустили к этому кровавому месиву.

Под руководством декана, через фразу переходившего на совершенно змеиное шипение, я тщательно промыла все это безобразие предоставленным подозрительным раствором с масляным блеском, соединила и зафиксировала края ран тонкими полосками какой-то ткани со специальной пропиткой, а потом сверху лопаточкой нанесла весьма пахучую мазь. К моменту, когда нога декана была аккуратно забинтована и уложена на пуфик, я десять раз пожалела, что ввязалась.

— А теперь идите, Поттер, — велел Снейп.

Выглядел он хуже меня. Даже в свете свечей и пламени от камина его лицо казалось белой похоронной маской. На лбу выступили бисеринки пота.

Взяв на себя смелость, я щедро плеснула в хрустальный широкий бокал немного виски, подивилась скользнувшему по поверхности янтарного напитка язычком зеленого пламени и всучила емкость зельевару. Тот оценил мои действия и даже поблагодарил кивком.

— А теперь идите, Поттер, — уже мягче велел декан. — Если я хоть немного знаю Маркуса, вас там уже караулят и проводят до самой спальни. А мисс Фарли обязательно снабдит еще успокоительным и снотворным.

Я кивнула.

— Если утром внешний вид не вернется к изначальному, зайдете ко мне перед занятиями, — добавил зельевар, когда я взялась за ручку двери.

— Хорошо, — ответила с натянутой улыбкой. — Спокойной ночи.

Флинт и правда торчал под дверью и нахмурился, увидев мою мордашу.

— Идем, — позвал староста. — Раз пир не состоялся, эльфы разнесли угощения по гостиным. Ты, как погляжу, аж зеленый от голода.

Я не удержалась от смешка, и заметила, что Маркус как-то разом расслабился, перестав напоминать уменьшенную версию тролля.

— Все нормально, — заверила шестикурсника.

— Да уж, нормально! — не согласился Флинт, подстраиваясь под мой шаг. — По школе бродит тролль, чуть не пострадало четверо студентов!

Я ожидала смешков, когда мы очутились в гостинной факультета, но слизеринцы лишь сочувственно качали головами. На всех столах стояли подносы с едой, кувшины с соком и чайники с какао. Но есть не очень хотелось, так что я направилась напрямиком в спальню.

Там, как оказалось, наша маленькая компашка устроила импровизированный пикник у камина. Кресла сдвинули в сторону, перетащили из гостинной кучу еды, а сами устроились на ковре.

— Харо! — воскликнул Невилл, стоило мне переступить порог.

Оценив обстановку, я сходила вымыть руки и уселась рядом с Малфоем.

— Как ты? — рассматривая мое лицо, спросил Драко.

— Ну... — принимая большую кружку с какао, протянула я. — Или утром все пройдет, или придется выпить еще какое-нибудь зелье. Декан столько их мне спойл! Вы как?

— Было так страшно... — призналась Панси и тихо всхлипнула.

— Интересно, как тролль вообще оказался в Хогвартсе? — спросил, ни к кому не обращаясь, Драко. — Это ведь был горный тролль!

Никто не знал ответа, и мы четверо умолкли, глядя в огонь.

— Я, наверное, не смогу уснуть, — со вздохом созналась Паркинсон некоторое время спустя. — Мне будет сниться...

Она не договорила, подтянула коленки и уткнулась в них лицом.

— Вряд ли сегодня вообще кто-то легко уснет, — прошептал Невилл.

— Значит, будем сидеть здесь и болтать, — предложил Драко. — Можно что-нибудь рассказать...

— Только ничего страшного! — взмолилась Панси.

— Тогда что?

— Расскажи нам о том, что ты такого разглядел в профессоре Квиррелле сегодня, — предложила я и глотнула какао.

Спать мы разошлись глубоко за полночь. Усталость, сытость и нервное перенапряжение сделали свое дело — я уснула раньше, чем голова коснулась подушки. И почти сразу ощутила себя посреди серого тумана, настолько плотно окружавшего меня, что я не видела даже пальцев на поднесенных к лицу ладонях. Но стоило сделать несколько шагов вперед, как туман начал рассеиваться, ускользать назад, как живое существо. Миг — и я стояла посреди пустого Большого зала Хогвартса. Куда-то делись столы и лавки, своды не отражали шотландское небо, а сквозь витражи и окна на пол падали яркие солнечные лучи, радужными бликами рассыпаясь по деревянным панелям стен. В солнечном свете искрились и танцевали пылинки, навевая мысль о жарком летнем дне.

— Но сейчас осень, ноябрь, — вспомнила я, и тут же ощутила знакомых порыв холода. А вслед за холодом появилась фигура в темно-сером плаще, поглощавшем свет.

— Доброй ночи, — поприветствовал меня знакомый странноватый голос.

— Здравствуйте, — невольно улыбнувшись, ответила я.

Смерть приблизилась и с удивительной нежностью прикоснулась к моим волосам, а потом погладила по щеке.

— Тебе совсем не идет такой цвет лица, — сообщила она.

— Вы из-за этого... из-за случившегося?.. — пролепетала я.

— Я не могла проигнорировать опасность, грозившую тебе, — пояснила Смерть и выставила локоть так, чтобы я могла ухватиться за сухую костлявую руку. — А заглянув сюда, узнала много интересного.

Идя рядом со Смертью по Большому залу, я смущенно думала о том, что оторвала столь занятое создание от важных дел.

— Я всегда буду присматривать за тобой, — подслушав мои мысли, то ли предупредила, то ли успокоила Смерть. — И всегда буду рядом, если ты окажешься в смертельной опасности.

Мы вышли в холл, и Смерть повлекла меня прочь из Хогвартса.

— Мне не очень нравится внутри этого замка, — пояснила она. — В нем слишком много глаз.

— Глаз?

— Призраки и кошки способны учуять мое присутствие.

— Выходит, моя душа прямо сейчас тоже... уже не в школе? — опешила я, оглянувшись на замок.

— Со мной это ничем тебе не грозит, — успокоила Смерть. — Но никогда не делай так без моего присмотра. Рискуешь никогда не вернуться в свое тело.

Я быстро закивала, боясь уточнять, зачем мне вообще покидать свою оболочку. Вместо этого спросила:

— Так... Что вы увидели в Хогвартсе?

Вне замковых стен царил невероятный летний день, но мне было не жарко благодаря смертельному холоду моей спутницы.

— Ничего такого, чтобы мне понравилось, — ответила Смерть.

Мы спускались по холму прямо к домику Хагрида.

— Ты ведь знаешь, что носишь в этом теле небольшую частицу другого человека? —

уточнила Смерть.

— Если тут все почти так, как в той истории, которую я читала, то я знаю и про это, и про Квиррелла... И про все остальное, — осторожно ответила я.

Мы вошли в хижину, но оказались не в той обстановке, которую я ожидала. Вместо небольшого жилища лесничего мы очутились в до боли мне знакомой комнате. На глаза мгновенно навернулись слезы. Я прошла вперед и с трепетом коснулась желтого бархатного абажура, бахромы на нем, а потом дернула за тонкий витой шнурок. Знакомый желтый свет тут же вызолотил вышитые шелком цветы на желтой скатерти и тускло осветил остальные детали комнаты, которую я не видела почти семь лет: железную кровать, застеленную белым кружевным покрывалом с горой мал мала меньше подушек, телевизор под кружевной же салфеткой на тумбочке, разномастные половички и ковры, застилавшие пол так плотно, что не рассмотреть выкрашенных темно-коричневой краской досок. Смахнув слезы со щек, я глянула в три больших окна, не надеясь высмотреть старые сторбленные яблони, обернулась к Смерти и застыла, взирая на ту, кого не видела много лет.

— Бабушка?

В плаще Смерти, глядя на меня со знакомой нежностью, стояла моя прабабушка. Стоило шагнуть ближе — и серый плащ исчез, превратившись в темно-зеленое платье в мелкий цветочный рисунок. Я порывисто обняла женщину, прижимаясь к ее худому плечу.

— Спасибо, — не без горечи, но с огромной благодарностью прошептала я. — Я знаю, что вы — не она. Но... спасибо!

— Почему же? — мягко прошептала Смерть, голосом прабабушки. — Тот, кто уходит ко мне навечно, становится частью меня.

Я улыбнулась и позволила усадить себя за стол. Передо мной тут же появилась широкая чашка, наполненная чем-то серебристым и искрящимся.

— Что это? — спросила я. Смерть в облике моей бабы Ганнули опустилась напротив, и в душе разлился покой и счастье. Пусть это не моя прабабушка, но уже не безликое в своей многоликости создание. Теперь Смерть воспринималась по-настоящему родным человеком.

— Всего лишь вода, — ответила Смерть.

— Мертвая вода? — предположила я, помня по сказкам, что именно эта жидкость способна излечивать даже самые страшные раны.

Бабушка неопределенно пожала плечами и улыбнулась. Я же без сомнений подняла чашку, собираясь глотнуть, и вздрогнула, когда жидкость струйкой дыма влетела мне прямо в рот. На миг меня охватил ужас, но ни боли, ни каких-то иных необычных ощущений не последовало. И я не без протiwоестественной обиды взглянула на бабушку, а та весело рассмеялась.

— Выдумщица, — пожурила она меня. — Зачем мне обижать ребенка?

— Но я ведь взрослая, пусть и в теле ребенка, — поправила я.

— Ты дитя, малое дитя, — не согласилась Смерть.

Я не решилась продолжить спор.

— Тебе стоит быть более осторожной, — посоветовала бабушка. — Вокруг тебя не так много тех, кому стоит доверять. И слишком много тех, кто по той или иной причине легко причинит вред.

Я виновато наклонила голову.

— Не огорчайся, — шепнула бабушка. — Ты ни в чем не виновата. Просто береги себя. Пусть я и рада навещать тебя, но нам не стоит видеться слишком часто.

Я вздохнула.

— Как мне избежать опасности, если все эти волшебники... Даже дети! А уж взрослые... — выдохнула я. — Дамблдор! Он должен защищать студентов, но именно он приволок в школу философский камень, чем привлек Того-Кого-Нельзя-Называть. Так еще посчитал правильным организовать всю эту защиту с цербером, троллем, гигантскими шахматами и... зеркалом!

Моему возмущению не было предела. То, что раздражало меня и прежде, и теперь, так и рвалось наружу.

— И хуже всего то, что не знаю, чего от этого бородатого интригана ждать теперь, когда я внутри всего происходящего. Он ничего не предпринимает. И это меня очень беспокоит!

— Судя по всему, он пока отложил идею создания из тебя знамени новой войны, — ответила Смерть. — Ты разрушила многие его планы.

Меня начало трясти от беспокойства. Если планы Дамблдора поменяются, то все может обернуться так, что все мои знания окажутся ненужными.

— Но более всего меня беспокоит другое, — прервала мои размышления Смерть.

— Что же?

— Я не вмешивалась, зная, что Альбус Дамблдор планирует вернуть мантию, — ответила Смерть. — Но, как оказалось, этот человек передумал! Он посчитал, что моя наследница не достойна мантии-невидимки, мною дарованной.

На миг сквозь черты лица бабушки проступило что-то иное, подобное на белую костяную маску какого-то хищника, но Смерть быстро взяла эмоции под контроль.

— Этот человек считает себя вершителем чужих судеб, — холодно выдохнула великая. — Считает, что вправе решать, как жить другим. И кто чего достоин.

Смерть поднялась. Тени из углов скользнули к ней, укрывая знакомым темно-серым плащом, скрывая даже лицо. Из тех же теней в белоснежных тонких ладонях Смерти соткалась тонкая серебрящаяся мантия.

— Она иная здесь, — пояснила бабушка, опять подсмотрев мои мысли, в которых я сравнивала эту мантию-невидимку с той, которую видела в фильмах. — Мы ведь в реальности снов.

После этого Смерть собственноручно набросила мантию мне на плечи и величественно сказала:

— Носи мой подарок и будь достойна его.

— Хорошо. А Дамблдор? Он ведь узнает, что мантия пропала. И могут возникнуть вопросы, как мантия оказалась у меня.

— Не узнает, — усмехнулась Смерть и набросила капюшон мне на лицо так, что тонкая ткань закрыла обзор.

Я дернулась, попыталась сбросить капюшон, забарахталась и внезапно упала куда-то во тьму...

— Ай! — воскликнула я и осознала себя сидящей на полу возле кровати.

— Харо? — сонно позвал Невилл.

— Все хорошо, — прокряхтела я, не спеша подниматься.

— Точно все хорошо? — засомневался мальчик.

— Да-да, — заверила я и заставила себя встать. — Просто сон приснился.

— А, ну ладно... — с зевком ответил Лонгботтом.

Я выдохнула, взобралась на кровать и нащупала на тумбочке волшебную палочку. Через пару минут полог моей кровати был укреплен связкой чар, не позволяющих проникнуть наружу звукам и свету. После этого я засветила Люмос и оглядела себя в наколдованном зеркале.

В отражении не было ничего необычного. Я. Моя пижама в рисунок из забавных пандочек. И на фоне темно-зеленый полог в тонкую серебряную полоску.

Но ощущения изменились с отражением. Я чувствовала на плечах тяжесть ткани и мягкое обволакивающее тепло. Появилось и не желало исчезать иррациональное чувство защищенности. Будто за моей спиной стоял кто-то родной, положив ладони мне на плечи.

— И как это понимать?

И лишь еще раз посмотрев на свое отражение, я заметила, что моя кожа и черты лица вернулись к своему нормальному состоянию.

— Значит, не совсем сон.

После этого я со спокойной душой погасила свет и улеглась, планируя подумать о случившемся утром.

А утром проснулась с четким пониманием всех ночных событий. Мне будто кто-то снова, как с памятью Гарри, вложил в голову знания.

— Доброе утро, — зевая, поприветствовал меня заспанный Драко, направляясь в ванную комнату.

— Ага, доброе, — чуть отрешенно ответила я, положив ладонь себе на плечо.

Стоило сосредоточиться — и под пальцами возникло ощущение шелковистой ткани, но мантия так и осталась невидимой. Отныне и до конца моей жизни, если только я не совершу глупость и не захочу снять дар Смерти, мантия-невидимка будет частью меня. Скрывшись так, чтобы мальчики не могли меня видеть, я снова сосредоточилась и, подхватив пальцами края капюшона, накинула его на голову. В тот же миг меня будто окатило смертельной прохладой. Выйдя из укрытия, я помахала Невиллу, но тот, хоть и стоял ко мне лицом, ничего не заметил. Опытным путем я убедилась, что под мантией-невидимкой меня не видно и не слышно.

— Удивительно, — прошептала я, сбрасывая капюшон и появляясь в своем закутке между кроватью и одежным шкафом.

— Что удивительно? — спросил Лонгботтом.

— Да так... — отмахнулась я и порадовалась, что открывшаяся дверь ванной избавила меня от необходимости что-то объяснять.

Пока я выбирала рубашку и носки (настроение с вечера значительно улучшилось, так что из запасов были извлечены ярко-желтые носки в щербато ухмыляющиеся белые и черные черепашки), удалось обдумать и уложить в голове новые знания.

Нет ничего удивительного в том, что за многие столетия потомки Игнотуса Певерелла растеряли многие знания о семейной реликвии. Удивительным было то, что тайна мантии-невидимки с чисто сказочным простодушием сохранилась в сказках Барда. Игнотус, которому когда-то Смерть сама даровала мантию со своего плеча, передал сей уникальный артефакт лишь перед самой смертью, когда давняя знакомая явилась за ним. И сыну своему наказал передавать мантию дальше лишь в самом конце жизни, перед уходом за Грань. Смерть к потомкам Игнотуса более не являлась лично, но благодаря тому, что они носили ее дар, каждый из них чувствовал приближение конца жизненного пути. И именно переданная вот так, на пороге смерти, мантия-невидимка позволяла следующему владельцу пользоваться всеми ее особенностями.

Но в какой-то момент традиция прервалась. И мантия-невидимка стала казаться ее владельцам лишь удивительным и редким артефактом, мало чем отличающимся от многих других. Тот же Карлус Поттер и вовсе поместил мантию в семейный музей, не считая нужным ею пользоваться. И оттуда реликвию стащил Джеймс...

Оставалось лишь радоваться, что отец Харолины в юности был беспечным мальчишкой, которого история собственной семьи интересовала не достаточно сильно. Джеймс пользовался мантией, как обычной мантией-невидимкой. А когда его поймал Дамблдор, переживал о гневе отца больше, чем о потере семейной реликвии. Отобранная у Поттера, мантия не задержалась в загребущих лапках долькиеда, вернулась к Джеймсу спустя несколько часов. Но Альбус, уже сообразивший, что же побывало в его руках, не отказался от идеи заполучить уникальную вещь. И все следующие годы искал возможность. И смерть Джеймса показала Дамблдору таковой.

Десять лет старик изучал мантию-невидимку любыми доступными средствами, пытался как-то зачаровать. И в какой-то миг решил, что хоть мантия и называется реликвией Поттеров, служить она будет тому, у кого находится в руках. А раз за десять лет артефакт так и не исчез из сейфа директора, то смерть Джеймса разорвала связь мантии с предыдущим владельцем.

Смерть восстановила справедливость и вернула мантии-невидимке ее первоначальный вид — невидимой, но очень сильной защиты.

— Это чистейшее, — тихо фыркнула я, но от полученного преимущества отказываться не собиралась. Теперь я не только могла скрыться из виду. У мантии были и другие возможности.

И одной такой я воспользовалась прямо во время завтрака, бесстрашно взглянув на Дамблдора. Тот, судя по добродушной улыбке, еще не узнал об исчезновении мантии-невидимки.

«И не узнает, — мысленно позлорадствовала я. — Сейчас мантию не видно магическим зрением. И даже эльфы или гоблины не смогут ничего рассмотреть на моих плечах».

Прикосновение к своему разуму почувствовала секундой позже — дедушка не упустил редкую возможность. Я тут же разорвала зрительный контакт, ежась от неприятного ощущения холодка в голове, хотя знала, что великий светлый ничего не прочтет — мантия-невидимка защищала своего владельца от проникновения в разум полностью.

— Ой, не завидую я рыжим братцам, — вдруг прервала мои эксперименты Панси.

На мой вопросительный взгляд девочка подбородком указала на дальнюю часть нашего стола, где всегда собирались игроки факультетской сборной. В этот раз Флинт и остальные почему-то сели не спиной к остальному залу, а лицом. И дружно весьма недобро

посматривали на стол Гриффиндора.

— Декан еще ночью снял с львов сотню баллов, — просветил всех Блейз. — МакГонагалл с утра устроила ему скандал, напирая на то, что виновность не доказана. Но наш профессор и слушать не стал.

— Но этого мало! — возмутилась симпатичная четверокурсница, имени которой я не знала.

— Мало, — покивал Блейз. — Но доказательств на самом деле нет. Декан даже не может назначить этим придуркам отработки.

— За отравление студента, которое могло закончиться летально? — хмуро спросил Драко. — Отработки? Их исключить надо!

— Но не исключат, — сказала я и пожала плечами. — Они — Уизли. Дети Артура Уизли, маленького и верного друга директора.

Если еще вчера я была к рыжему семейству довольно лояльна, то нападение перечеркнуло любые добрые чувства.

— Друга? — фыркнула Гринграсс. — Слуги, я бы сказала.

Многие за столом покивали, а Блейз продолжил сплетничать:

— У старших давно зуб на близнецов. Это уже не первая их такая проделка. И ты, Харо, не первый, для кого шуточки Уизли заканчиваются совсем не весело.

— Но что Флинт может сделать? — спросила я философски. — Если он поймает этих... где-нибудь в укромном месте, то нам же только хуже будет.

— Завтра первый матч по квиддичу, — ухмыльнулся Забини. — Слизерин против Гриффиндора. За один день запал наших ребят не пройдет. А на поле... под шумок...

— Мало ли что может произойти, — подхватил размышления смуглокожего мальчика Драко.

Будто подтверждая, что Малфой и Забини мыслят в верном направлении, Флинт зло оскалился.

— Ой... — тихо пискнула я. — А может... не надо. Из-за меня.

Внезапно из-за стола гриффиндорцев раздался смех и раскатистое «Ква!», на миг заглушившее гул голосов в Большом зале. Тревор оторвался от поедания мошек из своего блюдца и громко возмущенно ответил явно нецензурной тирадой.

— Ладно, ладно, мой прекрасный принц, так и быть, я того стою. Но хватит комплиментов. Ты и так одарил меня сверх меры!

Говорила я тихо, но ребята вокруг все равно услышали и засмеялись. Я довольно улыбнулась, радуясь тому, что никто не напомнил мне о зеленой коже и жабьем облике. Похоже, я на самом деле была своей среди змеек. И меня планировали защищать всей толпой.

После всего не пойти на матч было нельзя. Я ради такого дела долго ныла и канючила, но уговорила девочек-старшекурсниц заколдовать мой слизеринский шарф так, чтобы тот мигал неоновозеленым светом. Над волосами трудилась сама, долго пыхтя перед зеркалом, но таки смогла перекрасить их в зеленый. Как говорится: изобретательность и бытовые чары наше все! Как по мне, так всю программу по чарам нужно выбросить в ведро, а вместо нее раздать всем книги по бытовой магии. Все полезнее.

На стадионе Драко стремился занять самые удачные места, так что я, садясь в центре, уповала на то, что в нынешних обстоятельствах уже совсем не интересую Квиррелла. Постепенно места на трибунах занимали студенты, а отдельные ложи — учителя и приглашенные гости. К собственному удивлению я рассмотрела в учительской ложе рядом с деканом Малфоя-старшего и пихнула Драко в бок:

— А такой импозантный дяденька с платиновыми волосами... не твой ли отец?

— Где? — перестав рассматривать поле и болтать с Блейзом о метлах, вскочил мальчик. — Он не говорил, что будет здесь.

Меня тоже интересовало, что же заставило сиятельного лорда посетить Хогвартс.

«Не думать о белой обезьяне», — мысленно усмехнулась я, но не подумать не могла. Для визита могла быть какая угодно причина, но я главная героиня или нет? Должна же вокруг меня крутиться история, а? А то в последнее время такое чувство, что становлюсь пятым орком в седьмом ряду: в пасть к Пушку героически ходят другие, тролля побеждает преподаватель...

Нет, все верно. Я героиня. Просто я же девочка. Так что роль у меня другая. Дева в беде! А я что? А я не против. Про независимость и равноправие ролей — в другую историю, пожалуйста. Если выбирать между ролью слабой, но окруженной заботой подруги героя, и этим героем, которому надо спасать мир, то я, знаете ли, за традиции и гендерное неравенство. Зато в тепле, в башенке. И не надо жизнью рисковать.

«А герой у нас кто тогда?» — тут же спросил внутренний голос, которому я так и не придумала имя. И которого, вообще-то, не просила вклиниваться со своими бесценными вопросами!

А кто герой?

Я огляделась. Н-дя. Нет таковых. Поэтому сидим в башенке... В смысле, на трибуне, и наблюдаем, как за мою честь сражаются рыцари змеино дома!

По предвкушающему оскалу Маркуса сразу стало ясно, что гриффиндорцев с поля будут выносить. Так что оставалось лишь жмуриться в моменты, когда слизеринцы отправляли блажеры то во вратаря, то в близнецов Уизли, и считать. Но серебристо-зеленые за игрой в вышибалы не забывали забивать и голы. Так что ловец львов снитч ловил явно не ради победы, а просто спасая свою жизнь — под конец он остался один. Слизерин выиграл у Гриффиндора с разгромным счетом 240:150. Но объявить победу змеек было некому — Ли Джордан сидел на трибуне под Силенцио, а МакГонагалл, наложившая заклинание, покинула матч сразу после того, как с поля унесли Кэти Белл.

— Надо подойти к отцу, — радостно, но чуть хрипло крикнул мне Драко, когда змейки гомонящей толпой ринулись вниз.

— А? Хорошо, удачи, — ответила я и наткнулась на удивленный взгляд. — Что?

— А ты не пойдешь?

— З-зачем? — мигом перепугавшись, уточнила я.

— Я вас познакомлю! — радостно просветил блондин, и мне ничего не оставалось, кроме как вымученно улыбнуться и кивнуть.

Пока мы шли вниз и по лугу к медленно шагающим к замку Снейпу и Малфоя, я вспоминала прочитанные книги по истории и этикету, в очередной раз порадовавшись, что заказала книги из списка, выпавшего из дневника Лили Поттер.

На деле это оказалась лучшая подборка книг для мага, не жившего среди волшебников с рождения. Сама я все эти книги вряд ли бы нашла. Да и в книжных магазинах, подозреваю, не все посоветовали бы.

И самым ценным моим приобретением стала энциклопедия в пяти томах для самых маленьких. За сложным названием прятались книги-почемучки, с ответами на самые элементарные вопросы. То, что дети волшебников узнавали года в три и в дальнейшем считали само собой разумеющимся, составители собрали и перенесли на бумагу.

Эти книги стали моими настольными. Я скрывала названия неприметными обложками из пергамента и читала энциклопедию каждую свободную минутку, узнавая все больше и больше.

Еще одной любимой книгой стал справочник по этикету, где не только описывались правила поведения в магическом обществе, но и разъяснялось, как и почему возникли те или иные принципы и традиции.

Буквально несколько дней назад Гермиона Грейнджер, высоко задрав носик, доказывала шестому Уизли, что маги отсталые, консервативные снобы, застрявшие в Средневековье, и только огромным усилием воли мне удалось остаться сидеть за своим столом в Библиотеке, а не пойти просвещать эту девочку.

Маги не были ни отсталыми, ни где-либо застрявшими. Но чтобы это понять, читать нужно не только учебники по школьным предметам и сложные трактаты по каким-либо наукам, но и самые обычные книги. Сборники сказок, повестей, магические журналы и всевозможные пособия для самых маленьких содержали море полезной информации о быте, культуре, традициях и мироустройстве волшебников.

Так само магическое общество формировалось и развивалось совершенно иначе, нежели маггловское. Уровень магии не определялся половой принадлежностью и физической силой, а потому основа основ — разделение на гендерные роли — у магов в данной местности, предпочитавших жить довольно обособлено, отсутствовала. На Туманном же Альбионе до прихода Вильгельма и его сподвижников магическое общество и вовсе было скорее матриархальным. И пусть многих друидов пришлые маги убили или подчинили, коренные обитатели островов оказали свое влияние, усилив равноправие в магическом обществе. Что там говорить, основателями новых магических родов на островах на три четверти были волшебницы, а сказок и документальных историй про ведьм-воительниц было больше, чем про воинов-мужчин, так что выражение «хранительница домашнего очага» в магическом мире значило немного не то, что представлял себе любой магглорожденный.

Еще огромное влияние на магическое общество оказало то, что маги, хоть и жили рядом с магглами, оказались ограждены от влияния маггловской религии, с ее многочисленными запретами.

Смещение к более патриархальному укладу на островах началось в пятнадцатом веке. Не без участия магов магглы исследовали новые земли, и прежде жившее весьма закрыто

британское магическое общество удивительно легко открылось всевозможным культурным веяниям. Но самое больше влияние оказала эмиграция начала девятнадцатого и двадцатого веков. Поток переселенцев из Восточной Европы, Индии, Китая, Кореи и других стран значительно ускорил изменения в сознании британских магов. Но и сейчас разница в магическом и маггловском обществах оставалась значительной. Так у магов некоторые семьи на уровне правил рода закрепили главенство мужчины над женщиной. Так было у Поттеров, Блэков, Лестрейнджей и некоторых других старых родов. Но в остальном в магическом мире женщина оставалась равна мужчине, и ей не приходилось что-либо кому-либо доказывать. И сейчас это играло мне на руку. Взяв за правило как можно меньше врать, я могла лишь радоваться, что этикет магов сильно отличается от правил обычных людей. Ну а послабления для детей, не справивших малое совершеннолетие, позволяло чувствовать себя свободнее и не переживать за возможные ошибки.

— Отец, — окликнул лорда Малфоя мой сокурсник.

Малфой-старший вблизи оказался точной копией своего киношного образа, разве что местный Люциус выглядел лет на двадцать пять и его густыми платиновыми волосами, заплетенными в свободную короткую косу, можно было рекламировать уходовую косметику.

— Драко, — кивнул сыну Люциус и перевел взгляд на меня. Я спокойно взглянула на Малфоя-старшего в ответ.

— Позволь представить тебе моего сокурсника... — начал Драко.

— Мистер Поттер, — произнес лорд Малфой довольно уважительно. Было видно, что письма сына старший блондин читал внимательно и к мнению своего ребенка относился серьезно, а потому не было и тени пренебрежения.

Но я все равно поморщилась и будто невзначай повела пальцами на правой руке, позволяя тонкому золотистому тату-наручу скатиться вниз весьма заметным кольцом, сверкнувшим на солнце. Мой жест не укрылся ни от лорда, ни от декана. И только Драко, в попытках спрятать счастливую улыбку за самодовольной усмешкой, ничего не заметил.

— Наследник Поттер, — поправился Люциус Малфой, отвесив мне небольшой кивок.

— Лорд Малфой, — ответила я, склонившись чуть глубже него. — Приятно познакомиться.

Может и не стоило демонстрировать свой статус, но почему-то это казалось правильным. Интуиция, вроде бы, моя сильная сторона? Посмотрим, чем обернется подобное рассекречивание. Пусть лорд и не сообразил, что я не просто наследник, а целая леди Поттер.

— И мне... очень приятно, — чуть задумчиво ответил мужчина, глядя куда-то в сторону.

Я обернулась и обнаружила, что к нам, едва ли не забросив бороду за плечо, спешит директор.

— Надеюсь, вы не посчитаете это невежливым, — быстро сказала я, — но мне хотелось бы поздравить нашу команду.

Быстренько распрощавшись с лордом, профессором и кивнув Драко, я удрала обратно в замок, не дав Дамблдору и шанса разыграть какое-либо представление в моем присутствии.

— Ты чего? — заметив мой загнанный вид, спросил Невилл, которого я встретила у входа в замок. — Будто от самого поля бежал.

— Да так. На игру прибыл отец Драко, — стала просвещать я сокурсника, который предпочел визит в теплицы квиддичу. — А только мы успели обменяться приветствиями, к

нам коршуном бросился директор Дамблдор. Мне игры взрослых не интересны, так что это я так с шахматной доски удираю.

— А! — протянул Лонгботтом и улыбнулся. — А Драко?

— Остался на поле боя, — отмахнулась я. — Им пришлось пожертвовать.

— Значит, потом расскажет, что хотел директор, — улыбнулся Невилл.

Далеко мы не ушли. Из-за поворота на нас выскочил красный Рон Уизли и едва ли не с кулаками набросился:

— Это все из-за тебя! Ты подговорил слизней сбить Фреда и Джорджа с метел!

Я поморщилась и отступила на шаг от брызжущего слюной гриффиндорца.

— Предатель! Мало того, что переметнулся на сторону темных, так еще и...

— Замолчи! — не выдержал Невилл. — Как тебе такое в голову пришло? Где связь между Поттером и тем, что твой факультет проиграл?

— Я точно знаю! — заявил Уизли.

— Мы за тебя рады, — язвительно прошептала я. — Хоть что-то ты знаешь, а не у других списал.

— Ты! Ты! Ты!.. — краснея еще больше, выпалил Рон и полез на меня с кулаками.

— Не смей ко мне приближаться, — тихо, но четко предупредила я. — Если кто-то и виноват, что твои братья загремели в лазарет, то только они сами. И, судя по твоему поведению, не без твоего подстрекательства.

— Что? — возмутился рыжий и на несколько мгновений прекратил попытки достать меня руками. Я этим воспользовалась и еще немного отступила.

— А то. Я не удивлюсь, что и ты, и твои братья все эти недели постоянно обсуждали меня. Что вы там говорили, меня мало интересует. Но вряд ли что-то лестное, не так ли? — усмехнувшись очень по-малфоевски, сказала я. — И в какой-то момент твои братцы решили, что отомстить мне — вполне отличная идея. Я ведь из слизеринцев, а слизеринцы в понимании таких благородных гриффиндорцев — законная цель для травли и издевательств, которые вы выдаете за милые невинные розыгрыши. Твои братья каким-то образом незаметно подлили мне свое «шуточное» зелье. Зелье, которое само по себе могло меня убить из-за аллергической реакции. Так еще это зелье стало причиной того, что мне пришлось столкнуться с троллем. Ладно, тролль — случайное совпадение. Но сознательное подмешивание в пищу ребенку неизвестного и непроверенного зелья — не шуточка, а покушение на жизнь и здоровье. За такое в маггловском мире в тюрьму сажают. А твои братья отделались баллами. Все знают, что это их рук дело, но ваша декан промолчала. Тем самым она поощрила их продолжать в том же духе. А ведь могла отстранить от матча хотя бы. Может подумали бы, что сделали. Капитан вашей команды Фреда и Джорджа не отстранил, ведь какой-то матч Оливеру важнее чести Гриффиндора и жизни... одного отдельно взятого слизеринца. Остальные члены вашей сборной не устроили забастовку, а вышли играть с близнецами на одно поле. Наша команда что-то сделала? Я так не думаю. Все было в рамках допустимого. Но я знаю одно, в том, что сейчас в Больничном крыле шесть из семи ваших игроков, а ваша декан покинула поле до окончания игры, моей вины нет. Виноват ты сам, раз смеешь перекладывать вину на меня, ваши игроки и ваша декан. Все произошедшее — просто карма, Уизли. Мгновенное наказание от высших сил.

Рон долго молчал. Только открывал и закрывал рот. Я ждала... и дождалась того, что сзади весьма выразительно кашлянули. Обернувшись, я узрела весьма впечатляющий зрительный зал: Дамблдор, Снейп, лорд Малфой и Драко. Сохранить лицо и не выругаться

удалось титаническим усилием воли.

— Гарри, мой мальчик, как так можно? — мягко пожурил директор, выходя вперед. — Нужно понять чувства мистера Уизли. Его близкие пострадали, он просто не смог сдержать эмоций. Думаю, нам стоит побеседовать о твоём поведении.

«Да, отлично. Мало того, что так легко сорвалась. Так теперь еще и к доброму дедушке на чаек идти? — мысленно взвыла я, но тут же взяла себя в руки. — Не дождется!»

— Так что зайди перед ужином в мой кабинет, пароль... — продолжил добрым голосом Дамблдор.

«Меня чуть не убили, а о поведении говорить будут со мной? Зашибись!»

— Извините, господин директор, но если я хорошо помню Устав, то вы в школе занимаетесь административной работой, а воспитательная деятельность — прерогатива деканов, — чувствуя, что мои слова мне еще аукнутся, перебила я великого и светлого. — Мой декан — уважаемый мастер зельеварения профессор Северус Снейп. Профессор, у вас есть ко мне претензии?

Снейп, до этого хмуро молчавший, кашлянул и велел:

— Жду вас у себя в шесть, Поттер.

— Что ж... — продолжила я. — Лорд Малфой, приношу вам извинения за то, что перегородили проход. Хорошего дня, милорд. Директор Дамблдор. Невилл, идем.

Лонгботтом, прикидывавшийся все это время тенью на стене, быстренько проикал что-то вежливое и поспешил за мной. Сзади раздался смешок, довольно успешно замаскированный под кашель.

— Ну ты даешь! — восхитился герболог, как только мы отошли достаточно далеко. — Перечить Дамблдору!..

Я вздохнула, прекрасно понимая, что вырыла себе яму в два своих роста. И от продолжения меня спасло лишь присутствие старшего Малфоя. При нем Дамблдор не мог напомнить мне о своем якобы опекунстве. Обитай я на Гриффиндоре и враждуй со слизеринцами, Люциус промолчал бы, но Дамблдора и это не устроило бы, ведь старший Малфой присовокупил бы этот момент к какому-нибудь разговору, а любой воспитанный по всем правилам волшебник понимает, что директор быть моим опекуном не может по всем правилам. Именно поэтому данным козырем Светоч и не козыряет направо и налево. Но Драко явно настроил отца положительно, так что сиятельный лорд за меня бы вступился прямо тут, посреди Хогвартса, а меня просвещать по правам и обязанностям Дамблдор хочет еще меньше.

«Готова поставить сотню галеонов, что еще до конца этого учебного года Светоч заманит меня к себе, опоит каким-нибудь чайком, а потом будет давить на совесть и втирать и про свое опекунство, и про необходимость жить с Дурслями, и про ответственность перед всем магическим миром. Ну и про любовь! Как без этого!» — хмуро думала я, пока Невилл восхищался моей смелостью. Ах, мое славное наивное летнее дитя. А я эмоциональная дурочка.

Вечером, конечно же, отправилась к декану. Я примерная студентка, для меня приказ главы моего Дома — закон! Профессор при моем появлении в кабинете скорчил такую мину, что я невольно испытала острую зависть к подобной подвижности лицевых мышц.

— Поттер, — констатировал Снейп и как-то обреченно вздохнул.

«Ну и вот что с ним? Дамблдора, значит, он столько лет терпит. От Лорда всю Вторую магическую Круцио сносил. А меня и семестр не выдержал? Маленькую и безобидную меня? А я ведь еще не начала укрощать и перевоспитывать».

Мое горестное лицо декана озадачило, и он несколько секунд пристально меня рассматривал, а потом велел:

— Сядьте, Поттер.

— Да, сэр.

Следующие полчаса профессор занимался своими делами, а я молча любовалась декором. Может кого ожидание и способно вывести из себя, но не меня. Когда корешки книг и многочисленные патенты в скромных рамочках стали расплываться перед глазами, я преспокойно устроилась поудобнее, намереваясь потратить время с пользой. Студенческий девиз: спи всегда и спи везде, в Хогвартсе работал на все сто.

— Поттер, — выдернул меня из сладкой дремы Северус Снейп.

— Да, профессор? — тут же ответила я, не спеша открывать глаза.

— Вы сюда спать пришли?

— А чем еще заниматься? — глянув на волшебника, философски пожала плечами. — Вы задание пока не озвучили, сэр. А время отработки так или иначе идет.

Декан хмыкнул и заметил:

— Вы тут не на отработке, мистер Поттер.

Я на миг опешила, а потом припомнила, что мужчина, ведь и правда, ни слова не сказал о наказании. Он просто велел мне вечером зайти.

— Не отработка? — переспросила я.

— А вы чувствуете себя виноватым? — вопросом на вопрос ответил декан.

— Нет.

— Ну и какой толк?

— Обычно факт осознания или нет студентом вины вас не останавливает, профессор, — напомнила я Снейпу.

— С вами, Поттер, это не работает, — вздохнул декан. — Отработка призвана дать студенту время осмыслить свою вину, если он этого не понимает. Многие так и не осознают, но хотя бы предпочитают не совершать те же поступки, чтобы потом не страдать за какой-нибудь тяжелой и монотонной работой. Вы же, Поттер, мазохист. Котлов на вас не напасешься...

— Но в данном случае моей вины на самом деле нет, — заметила я. — Правда, какой бы она ни была, не должна быть наказуема. В магической Британии по законам свобода слова. А детям до четырнадцати нельзя предъявить даже за прямое оскорбление властей и мелкое хулиганство.

— А как же уважение к старшим? — приподняв бровь, спросил Снейп.

— Отказ подчиняться устной и ничем не мотивированной просьбе директора не

является неуважением, — ответила я. — У профессора Дамблдора нет полномочий для воспитательных бесед со мной.

— Директор всем сообщает, что является вашим опекуном, — осторожно отметил волшебник, и я мысленно хмыкнула. Снейп воспользовался нашим разговором тет-а-тет, чтобы разузнать побольше.

— Так уж и всем? — уточнила я. — Мне, например, он такого не говорил.

Мой ответ определенно озадачил профессора, но он быстро справился с эмоциями.

— Очень интересно, — беззвучно шепнул мужчина, но я прочла фразу по губам.

В целом мою историю Снейп определенно знал. Что-то я рассказала ему сама во время собеседования, что-то мог выдать Драко, проводивший у своего крестного час-два в неделю на индивидуальных занятиях. Да и вообще! Все, кому было интересно, знали основные пункты моей биографии. Я лишь весьма аккуратно обходила то, как именно жилось у родственников. Сама я из-за притеснений не страдала, а потому не испытывала тяги излить кому-либо душевные страдания, а моя предшественница вряд ли бы таким делилась с каждым встречным, она-то на жизненном опыте знала, что пожалеть ее пожалеют, но никто из взрослых ничего не предпримет для улучшения условий. Все только будут цокать языком и называть ее бедной девочкой. Ну или... бедным мальчиком.

— Альбус Дамблдор лично мне сообщил, что является вашим опекуном, — сказал Снейп, внимательно отслеживая мою реакцию.

— Если не ошибаюсь, опекун — это тот, кто должен защищать интересы опекаемого? Предоставить жилье, обеспечить надлежащие бытовые условия? Лечить, если нужно? Учить? Содержать?

Интересуясь темой, я выяснила, что обязанности опекуна в маггловском и магическом мирах схожи. Расхождения есть только в формулировках. И да, в магическом, как и в маггловском, опекаемый содержится опекуном на деньги самого опекаемого или государства, но в магическом есть традиция брать расходы подопечного на себя. Тот самый плюс к карме тут работает буквально. Вроде как магия поощряет. Да и общество таким гражданам благоволит.

Снейп кивнул.

— Тогда мои опекуны — Петунья и Вернон Дурсль. Они приняли меня в своем доме, хотя их мнения, кстати, никто не спрашивал. Озаботились лечением, получением документов. Кормили и одевали. Да, они получали на меня небольшое пособие от государства... Маггловского государства. И да, не все можно назвать приемлемым в их отношении ко мне, но именно они все эти десять лет вели себя как мои опекуны. Директор Дамблдор же ни разу в нашем доме не появился. Или же это происходило ночью, когда все спали... Но по ночам по чужим домам ходят только злоумышленники. Или же я о визитах не помню по иной причине, что тоже не говорит о хороших намерениях.

— К детям запрещено применять корректировку памяти, — дернулся профессор.

«О! — мысленно воскликнула я. — Это объясняет те случаи, когда дети рассказывают родителям, что видели что-то волшебное, а родители отмахиваются от «выдумок» своих чад».

— Выходит, директор Дамблдор только размахивает флагом своего опекунства, но не выполняет обязанностей, которые данный статус предусматривает, — пожал плечами, подвела я итог. — Может... на бумаге он и мой опекун, но по факту — нет.

Я не стала озвучивать Снейпу, что добрый дедушка при всем желании не мог стать

моим опекуном по законам магического мира, это уточнение раскрыло бы мою осведомленность. Хватит с меня пока и Малфоя-старшего. Еще неизвестно, как блондинистый лорд воспользуется своим знанием. А Снейп же... Мне хочется видеть его своим союзником, но наивно вот так слепо доверять тому, кто связан с Альбусом Дамблдором клятвами. Не факт, что одна из них не вынуждает зельевара честно отвечать на все вопросы директора.

— Да, похоже на то... — задумчиво произнес декан, глядя поверх моей головы.

Отпускать меня раньше времени профессор не планировал, а потому вскоре мы перебрались в лабораторию, где, видя мой заинтересованный взгляд, волшебник выдал мне небольшую мельничку, банку с семенами льна, все необходимые инструменты и пустые емкости для сбора получившегося масла. Сам же профессор занялся варкой какого-то зелья в большом котле.

А я что? А я без возражений взялась за весьма монотонное, но по-своему увлекательное дело. Да так втянулась, что и об ужине забыла бы, не напомни о нем декан.

На ужине ожидаемо все еще отсутствовал Драко. Панси подтвердила мою догадку, что Малфой-старший, пользуясь возможностью, утащил сына на полдня домой.

Ну я тоже воспользовалась отсутствием своего личного хвостика и наведальась в Библиотеку, попытав мадам Пинс списком интересующих меня тем. Получив подшивки газет и журналов, я до самого закрытия просидела в дальней части зала, старательно игнорируя явный интерес со стороны Грейнджер, отиравшейся поблизости.

Хотя у Слизерина уроки шли параллельно с Гриффиндором, за эти месяцы ни мирного общения, ни вражды между первокурсниками этих факультетов не сложилось. Мы просто существовали отдельно от грифов и мало обращали на них внимания. Но это не означало, что не посматривали друг на друга. Так что я была в курсе, что гриффиндорская заучка внимательно следит за мной, стоит появиться где-то, где, как она считала, ее наблюдение никто не заметит. Но девочка не подходила и не пыталась, как Уизли с компанией, провоцировать конфликты или заводить дружбу.

Обдумывая поведение девочки, я завершила свои дела и направилась в подземелья, где меня и перехватила Паркинсон по дороге ко входу в нашу гостиную.

— О чем задумался? — спросила девочка, подергав за рукав мантии.

— Да так... — отмахнулась я, но кратко описала непонятную мне ситуацию.

— А что тебе не ясно? — пофыркивая, спросила Панси. — Ты просто мозолишь ей глаза.

— В каком плане? — опешила я.

— Смотри сам. Я слышала, как МагКошка Грейнджер заявила, что та — самая умная ведьма во всем Хогвартсе, — презрительно искривив губы, сказала девочка. — Естественно, наша честный преподаватель трансфигурации не могла назвать не гриффиндорца. Но учись Грейнджер на Рейвенкло, она там была бы одной из многих. Отличная память и настырность не являются признаками великого ума.

— Но она не глупая, — вынужденно вступилась я за гриффиндорку.

— Никто не спорит, — покивала Панси. — Но выпячивать свое зазнайство не очень уж умно.

— И что?

— И то, что хоть декан Грейнджер и нахваливает, но отметки говорят сами за себя. И выходит, что учителя девочку хвалят, а лучшие отметки не у нее.

— А у кого? — удивилась я.

Панси странно глянула и постучала меня по виску.

— Эй, ты где витаешь? Каждый месяц в гостиной на доске объявлений вывешивают рейтинг студентов. По первому курсу самое высокое место у тебя, а Грейнджер только третья.

Я удивленно вздернула бровь.

— Это как?

— А так, что у Грейнджер по зельям «Выше ожидаемого», а не «Превосходно». Ну и на полетах она не отличилась.

— И только из-за этого она на меня пялится, стоит в Библиотеке появиться? — недоверчиво спросила я. — Да ладно! Глупость какая.

В гостиной я напрочь забыла о гриффиндорке. В центре зала веселились старшекурсники, пользуясь тем, что Снейп в честь победы на один вечер закрывал глаза на происходящее на территории общежития. У каминов собрались группы по интересам из девочек, девушек и мальчиков-младшекурсников. Нам помахал Невилл, этим вечером ставший частью смешанной компании из первых и вторых курсов. Заметив рядом с нашим гербологом Линетт Кавендиш с третьего курса, Панси вздернула носик и ринулась вперед. Хихикнув над ее воинственностью и откровенной ревностью, я поспешила за подругой. Как бы ни пришлось спасать уже нахальную блондинку, оценившую милого и безотказного первокурсника с хорошей родословной по достоинству.

Драко явился перед самым отбоем с корзиной домашнего печенья и дюжиной упаковок «Зверинца». Яркие коробочки тут же были поделены и открыты. И мне снова попался василиск. Из двух магических киндеров мне выпало два магических змея.

— Ну у тебя и везение, — оценил Малфой, ставший обладателем единорога и фестрала.

Да, везение у меня оказалось еще то. Пока я осторожно пыталась узнать, как меня оценил Люциус Малфой, Панси, Невилл и наши братцы-по-разуму извлекали из упаковок двурогов, мантикор, сов, книзлов, нюхлеров и акромантулов. И никому не попался, как мне, ползучий обитатель Тайной комнаты.

«Один раз — случайность, два — закономерность», — фыркнула я про себя.

И на следующий день вновь вспомнила эту фразу, когда в Библиотеке ощутила знакомый холодок чужого взгляда. Не надо было поворачиваться, чтобы узнать имя одной гриффиндорки, занятой совершенно бесполезным делом.

Я ждала, что Грейнджер соизволит подойти и напрямую высказать все, что накипело. Но та меня, похоже, побаивалась. Когда через час девчонке не надоело, я плюнула и... малодушно удрала из Библиотеки. Но в гостиную не ушла. Активировала мантию-невидимку и отправилась гулять по школе. Драко с утра увязался за Флинтотом и командой, Невилл усвистал в теплицы, Панси пыхтела, но отправилась следом за Лонгботтомом, так что у меня было немного времени побыть одной и насладиться этим редким моментом своей жизни.

В подземелья вернулась перед обедом, собираясь сменить носки и ботинки (хоть и знала, что в туалете Миртл вечный озерный край, но умудрилась промочить ноги). Спешила, так что решила срезать по коридору мимо зельеварен, и случайно стала свидетельницей разговора между Снейпом и Грейнджер.

Дверь в класс была открыта, так что я невидимкой прошмыгнула внутрь и подобралась поближе. Профессор восседал за столом и явно пытался проверить какие-то эссе, прежде чем на него напала гриффиндорская первокурсница. Из соседнего класса то и дело

раздавались звуки текущей воды и звяканье — кто-то не наслаждался выходным, а отмывал очередную партию котлов.

— Мисс Грейнджер, если я ставлю вам только «Выше ожидаемого», то это означает, что вы заслужили именно эту отметку.

Декан явно был раздражен, но настырная девчонка не собиралась пристыжено убраться под его немигающим взглядом.

— Но почему? У меня нет ошибок в работе.

— Это у Пресбитеро, Мальо и Капеллини нет ошибок, мисс Грейнджер, — с явным ехидством поправил профессор. — Я сам учился в Хогвартсе и преподаю здесь десять лет. Я прекрасно знаю библиотечный фонд школы, мисс Грейнджер. Если вы подумаете, то сообразите, что за последние десять лет я прочитал не менее пяти сотен эссе на каждую из заданных тем. Так что если вы думаете, что взяв не первую и не вторую книгу по теме, а третью... и переписав из нее не пять абзацев, а восемь... чуть осовременив и кое-где заменив слова, вы напишете эссе на «Превосходно», то я вас разочарую. За переписывание книг высшую оценку пусть сколько угодно ставит Минерва МакГонагалл, мне это не надо.

Посчитав, что сказал более чем достаточно, Снейп поднялся и отправился в соседний класс, оставив гриффиндорку открывать и закрывать рот у пустого учительского стола. Мне ее даже стало немного жаль. Но ровно до того момента, когда зельевар не вернулся и в него не была запущена обличительная тирада.

— Но Поттеру вы почему-то ставите «Превосходно», а он от силы одну книгу откроет! И эссе у него короче, чем у меня. Это все потому, что он слизеринец? Если бы Гарри Поттер поступил на Гриффиндор, вы бы тоже ставили ему высший балл?

Северуса Снейпа речь девочки не проняла. Он лишь вздернул бровь, облил Грейнджер презрением и ответил:

— Вам стоило бы больше внимания уделять своим эссе, а не чужим, тогда, вероятно, ваша отметка была бы другой. Свободны!

Девочка хотела еще что-то сказать, но взгляд зельевара не предвещал ничего хорошего.

— И десять баллов с Гриффиндора, мисс Грейнджер, — догнали девочку у двери слова волшебника.

— За что?! — опешила Гермиона.

— За вашу завистливость. И высокомерие.

Девочка пулей вылетела из класса и с топотом побежала прочь. Я, оглянувшись на декана, занявшего свое место, тоже поспешила убраться подальше. Не хватало, чтобы меня как-то вычислили.

Через полминуты в коридор, закрыв за собой дверь класса, вышел и тот, кто сегодня застрял у Снейпа на отработке. Им оказался приятель близнецов Уизли, Ли Джордан.

Именно он и нагнал Гермиону, которая не удрала далеко, забилась в одну из ниш у лестницы в холл. Я не спешила обнаруживать себя и утешать девочку, а вот третьекурсник не стал проходить мимо, остановился и подошел к кудрявой первогодке.

— И чего ты расстраиваешься? — мягко улыбнувшись, тихо спросил Джордан. — Еще и к Снейпу пошла. Зачем?

— Но он не ставит мне хороших отметок! — возмутилась она, глотая слезы и пряча лицо за скомканным куском пергамента, бывшим когда-то ее эссе по зельям. — Я хотела понять... Я так стараюсь. Зарабатываю баллы... Читаю больше всех! А среди первокурсников лучший Поттер? Да его в Библиотеке не каждый день увидишь!

Я поморщилась, глядя на юную ведьму.

— Ну и что? — удивленно спросил Ли Джордан.

— Что? — не поняла девочка.

— Зачем ты так стараешься? — пояснил свой вопрос юноша.

— Я хочу быть лучшей! — опешив от вопроса, выпалила Гермиона и еще горше разрыдалась. — Я должна быть лучшей.

— Зачем?

Этот вопрос, похоже, еще больше озадачил Грейнджер, и та выдала между всхлипами:

— Но... я всегда была... лучшей!

Мне остро захотелось хлопнуть себя по лбу, но я сдержалась, боясь, что звук прорвется даже сквозь мантию-невидимку.

Я никогда не была против отличников, но отличники отличникам рознь. В универе моя лучшая подруга всегда получала лучшие отметки на потоке. Она превосходила всех как в спорте, так и в спецпредметах. Но никогда никому не завидовала и не стремилась быть лучшей. Наоборот, Лизе хотелось быть одной из лучших. И сейчас мне так и слышалась ее любимая присказка: «Одной на вершине холодно».

— Я пишу хорошие эссе по зельям, — хлюпая носом, продолжала жаловаться Грейнджер, — но профессор Снейп занижает мне оценку. И профессор Флитвик, и профессор МакГонагалл всегда меня хвалят, а профессор Снейп... Это ведь потому, что я с Гриффиндора?

Ли Джордан вздохнул, присел рядом на корточки и ответил:

— Профессор Снейп даже не всем слизням ставит «Превосходно», хотя ходят легенды, конечно. Но нет. Зато я могу назвать тебе трех любимчиков Снейпа, которые никак не связаны со Слизерином.

Девочка заинтересованно взглянула на темнокожего парня, и тот воодушевленно продолжил:

— Билл Уизли получал одни «Превосходно». Даже у Снейпа. И Чарли, тоже из Уизли. А еще есть Седрик. Он с Хаффлпаффа, четверокурсник. Думаю, если сравнивать всех студентов Хогвартса, то именно он будет первым в рейтинге по успеваемости.

Девочка утерла нос и напряженно о чем-то задумалась.

— Отметки в течение года — не так уж важны. Главное — то, что ты получаешь на экзаменах. Особенно на СОВах и ТРИТОНах. А там оценку ставят не наши учителя, а министерская комиссия.

— Но как же так? Почему тогда...

— Снейп очень требовательный, но это в чем-то оправдано. Он ведь потом, на шестом и седьмом курсах берет к себе на высшие зелья только отличников. И если выдержать его, то экзамен по зельям в какой-нибудь академии сдашь без особых хлопот. Знаешь, почти все его студенты, кто после Хогвартса выбрал стезю колдомедика или область, где нужно хорошо знать зелья, смогли пройти испытания. Даже в МАГе!

— МАГ? — уточнила Гермиона.

— Магическая академия Гарварда, — пояснил Ли Джордан. — Академия для волшебников при Гарвардском Университете. Самое лучшее высшее учебное заведение в мире. При Слагхорне, который был до Снейпа, это удавалось лишь некоторым выпускникам школы.

— Но как тогда получить у профессора Снейпа высокую оценку? — спросила девочка.

— Мало переписать текст из книги, — вздохнул юноша. — Нужно понять, что в нем написано. Снейп ценит только тех, кто на самом деле любит его предмет.

«Или у кого полно настырности», — хмыкнула я и таки отправилась в общежитие за сухими носками. И так потратила уйму времени, вникая в чужие проблемы. Оставалось надеяться, что с понедельника Грейнджер перестанет сверлить меня недобрым взглядом.

К декабрю Северус окончательно смирился с вечерними набегами Гарри Поттера. На фоне подозрительной активности гриффиндорцев, его даже начала успокаивать предсказуемость этого первокурсника. Пока половина первого курса ало-золотых то занималась подозрительными изысканиями в Библиотеке, то наматывала круги возле хижины лесничего, Поттер вне уроков и приемов пищи, если не мозолил глаза декану, неизменно отыскивался в родной факультетской гостиной. И нередко спящим в кресле под мерный гул чужих разговоров. Не раз и не два, залетая в помещение перед отбоем, зельевар нервно окидывал взглядом посадочные поверхности, замечал торчащие над подлокотником дальнего кресла ступни в каких-нибудь очередных безумных ярких носках и тут же успокаивался.

Поттер вообще мало соответствовал чужим ожиданиям. И то, что мальчишка этим фактом ужасно раздражал Альбуса, доставляло Снейпу почти физическое удовольствие. То, что первокурсник разбивал в пух и прах недобрые предчувствия самого Северуса, шло просто приятным бонусом.

Пока первый курс Слизераина вообще очень радовал декана. Его студенты никуда не лезли, учились, находили безопасные способы себя развлечь в свободное время и вызывали море зависти у остальных глав факультетов. Помона на каждом чаепитии в учительской стенала, что Невилл Лонгботтом, гениальный прирожденный герболог, оказался не среди барсуков. Филиус нахваливал таланты Поттера, который уже сейчас демонстрировал огромную магическую мощь.

— И ваш студент тот редкий случай, когда полукровка рождается со способностью видеть магию! — сообщил профессор чар при последнем обсуждении учеников. — Потрясающе! Не так часто подобное случается.

Северус прекрасно это знал. Ему такая способность тоже досталась, но волшебнику пришлось долго и упорно ее развивать, чтобы к седьмому курсу соревноваться с чистокровными сверстниками. Для жизни обычного волшебника возможность видеть магию не считалась обязательной. Но без подобного дара получить мастерство хоть в какой-то области, кроме гербологии, было практически невозможно.

Не понимали этого только магглорожденные, требовавшие равных прав с полукровками и чистокровными. И никакие объяснения не могли их вразумить. Для тех, кто пришел из мира магглов, любое зрение, кроме обычного, выглядело издевательской придумкой ради того, чтобы доказать превосходство чистокровных.

Среди полукровок данная способность встречалась редко, но эти волшебники к подобному относились спокойнее, принимая как данность подобное положение дел. Именно поэтому чистокровные так недоумевали, когда Дамблдор, являясь полукровкой, в некоторых вопросах вел себя с невежеством магглорожденного.

— Вы видите магию, мистер Поттер? — спросил Северус однажды вечером, когда настырный первогодка вновь заявился в кабинет зельевара.

— Не так хорошо, как хотелось бы, — не стал отпираться ребенок. — Но ведь данную способность можно развивать. Мне Драко говорил.

Снейп кивнул и хотел было вернуться к проверке эссе, но мальчишка его отвлек вопросом:

— А вы знали, что Драко Видящий?

* * *

Честно говоря, я много недель искала подходящий момент, чтобы завести с профессором нужный мне разговор. И переживала, что время утекает сквозь пальцы. А потом Снейп сам поднял интересующую меня тему. Скрестив под партой пальцы, я спросила:

— А вы знали, что Драко Видящий?

Брюнет вскинулся, окатил меня холодным пронизывающим взглядом и предупреждающе прошипел:

— Надеюсь, вы не обсуждаете это с каждым встречным, Поттер?

— Ну что вы, профессор! — тут же заверила я. — Это как бы... личное. Он доверил мне тайну. Я понимаю. Но вы-то его крестный, вы должны знать. Так что с вами, полагаю, обсуждать можно.

Снейп чуть успокоился, но все же предупредил:

— Надеюсь, вы всегда будете помнить, какая честь вам оказана. В магическом мире сообщать подобные вещи даже друзьям... не принято.

— Я понимаю, — кивнула и призналась: — На самом деле все вышло спонтанно. Тогда... после... тролля... мы засиделись. Ну и болтали о разном.

— О чем? — повелся на мою наживку профессор.

— Изначально мы обсуждали странное состояние профессора Квиррелла, — стараясь не выдать своего напряжения голосом, отмахнулась я. — Ну и слово за слово... Тут-то и выяснилось.

— А про остальных, что вы узнали? — как бы между делом спросил декан, черкая красными чернилами в эссе, и я мысленно усмехнулась. Делать вид, что тема его не очень-то и интересует, Снейп умел гораздо лучше меня.

— Гойлокрэбб магию видят, но очень размыто. Тонкие чары им не доступны. Паркинсон видит, но лишь немного лучше наших недоблизнецов. Лонгботтом не видит вообще, но у них это семейное. Гербологам не нужно, — выдала я нашу маленькую компашку.

Снейп покивал и вернулся к проверке эссе.

— Так вот, профессор, — с наигранным нетерпением выдохнула я, — Драко рассказал, что наш профессор ЗОТИ выглядит совсем плохо. Ему это видно, но остальные в магическом спектре могут ничего не заметить. Вы знаете, что с ним?

— Подхватил какое-то темное проклятие, — ответил Снейп. Я сделала вид, что поверила.

— Темное проклятие? Но он ведь должен хорошо понимать в защите? — с наивностью ребенка произнесла я. — Раз он нас учит...

Декан тихо фыркнул. Если бы не прислушивалась, не услышала бы.

— То, может кто-то чему-то вас научить или нет, в стенах Хогвартса определяет директор, мистер Поттер, — с явной издёвкой произнес Северус Снейп.

«Язва ты, проф, — про себя расхохоталась я. — Какая же язва!»

После того вечера с разговорами под какао и бутерброды я знала о Дамблдоре много такого, чего никогда не узнала бы, очутись я на Гриффиндоре. И теперь мне было понятно отношение чистокровных волшебников к верховному чародею.

Драко, в отличие от остальных, с очень раннего возраста пришлось учиться

контролировать свой дар, а не развивать его. Способности Малфоя нередко включались без всяких усилий, что не только создавало дискомфорт, а просто таки мешало нормально жить.

Видящие, как оказалось, способны рассмотреть ауру мага даже сквозь искусственную защиту, создаваемую артефактами. Ну и сами артефакты, если те не являются родовыми перстнями, такие маги видят довольно хорошо.

Дети, в виду отсутствия опыта, не умеют скрывать ауру. С возрастом волшебники этому учатся. Правда, не все. Магглорожденные не считают это необходимым. И живут, как говорится, душа нараспашку. И если обычные маги, способные видеть магию, ауры различают, как неясные пятна, то Видящие буквально слепнут от вида ауры особо сильных волшебников.

В прежние времена Видящих было больше. Да и просто магов, способных рассмотреть силовые потоки — тоже. Именно поэтому скрывать ауру за природными щитами в магическом обществе всегда считалось признаком уважения к окружающим и воспитанностью. И только детям прощалось откровенное «сияние».

Дамблдор же в магическом спектре просто слепил всех вокруг себя. Возможно, он не знал о правилах приличия. Или думал, что великому волшебнику положено сверкать как рождественской ели, демонстрируя мощь. Но он мало того, что лишь раздражал этим чистокровных, совсем не зря в кулуарах называвших его невоспитанным полукровкой, так еще и Видящие, вроде Малфоев, давно прекрасно рассмотрели, что все это сияние исходит не от самого волшебника, а от десятков артефактов, которыми Светоч облепляет себя, как заправский нюхлер.

— Именно поэтому он носит такие аляповато яркие мантии, — пояснил нам Драко. — На фоне звезд, снитчей и тому подобных рисуночков не видно рун, а кристаллы смотрятся обычным украшением, хотя каждый такой камешек — накопитель.

Во время того разговора я заодно узнала, что сама сияю очень ярко. Ярче многих сверстников, что говорит о высоком магическом потенциале.

А еще, что волшебная палочка обычно сливается с аурой мага. Но не в случае Дамблдора. Его палочка выделяется на фоне сверкающей искусственной ауры.

— Его палочку я вижу как серебристый росчерк с черными искрами. От нее веет чем-то... холодным? Нет, ужасающе ледяным, — пояснил Малфой. — Родная аура директора не такая... мрачная.

Я тогда едва удержалась от замечания, что палочка, созданная Смертью, не может выглядеть как-то иначе.

— А если не может снять, то почему в Мунго не обращается? — снова сделав вид, что я маленький и наивный мальчик, бросила я вопрос в воздух и искоса глянула на декана.

— Это не ваше дело, Поттер, — устало ответил Снейп.

Сколько я ни всматривалась, зельевар не казался мне слишком обеспокоенным. Почему-то казалось, знай Северус Снейп о Лорде в затылке коллеги, вел бы себя иначе. Да и Драко подтвердил мою догадку, описывая ауру преподавателя ЗОТИ. То ли Тот-Кого-Нельзя-Называть был слишком слаб, то ли умел хорошо прятаться, но присутствие подселенца заметно не было. А состоянию преподавателя тот же блондинчик нашел дюжину объяснений. Опытный в темных искусствах Снейп наверняка объяснил себе все еще лучше.

Готовясь к этому разговору, я провела довольно много ночных часов в Библиотеке, надеясь найти какое-нибудь подходящее диагностическое заклинание. Но в общем доступе нашлось что угодно, но не чары, способные определить присутствие в теле человека еще

одной души. И это притом, что маги, похоже, придумали распознающие заклинания абсолютно для всего. Я даже нашла большое пособие для колдомедиков, где упоминалось двенадцать способов определить целомудрие ведьмы или волшебника и в два раза больше заклинаний для выявления совершенного над кем-то насилия. Кстати, ментальное насилие в магическом мире приравнивалось к физическому, так что чтение чужих мыслей без разрешения могло повлечь за собой наказание. Правда... опытные легилементы проворачивали это практически незаметно.

Уже не надеясь найти что-то полезное, я наткнулась на небольшой трактат одного американского исследователя, который жил на два мира и очень интересовался маггловскими науками. Тонкая тетрадка каким-то образом очутилась в другом разделе, хотя мадам Пинс строго следила за своей вотчиной. Трактат с магической точки зрения в пух и прах разбивал теорию Дункана Макдугалла о весе души, к тому моменту уже раскритикованную другими маггловскими врачами. Тут-то я и вспомнила, что когда-то читала о данной теории в какой-то художественной книге. И пусть теория была ошибочной, но для моей затеи подходила куда лучше, чем простое заявление в лоб: «Знаете, профессор Снейп, кажется, профессор Квиррелл под тюрбаном носит кусок Того-Кого-Нельзя-Называть!»

— А разве профессор Квиррелл не должен поспешить с лечением? — спросила я осторожно. — Он же с детьми работает.

— Темные проклятия не заразны, мистер Поттер, — заверил меня зельевар. — За редким исключением. Ваш преподаватель не опасен.

— Да, а вот сумасшедшие для окружающих — очень даже, — как бы задумчиво произнесла я. — Знаете, как-то дядя и тетя смотрели одну передачу... Там было что-то про известные мистификации и всякие выдумки, в которые верят люди. И там упоминалась одна теория, будто бы душа человека весит двадцать один грамм. В начале века один американский врач провел исследование на этот счет... Он взвешивал людей до смерти и после нее, кажется. Но его доказательства быстро опровергли.

Снейп оторвался от проверки эссе и даже попытался сделать вид, что слушает.

— Это все бред, конечно, но иногда так посмотришь на какого-нибудь человека... как он себе бормочет под нос... как то заикается, то говорит нормально... и начинает казаться, что эта теория самая настоящая истина, а странные люди — не странные вовсе. Просто у них душа тяжелее, чем у других. Будто к ним прицепилось что-то. Лишнее. Грамма так три. Магглы называют это одержимостью. Профессор Квиррелл точно безопасен для окружающих?

Выражение лица декана почти не изменилось. Он только совсем немного нахмурился. И выставил из своих владений через считанные минуты после этого разговора.

Когда выяснилось, что имя «Гарри Поттер» уже внесено в список остающихся на каникулы в Хогвартсе, я ни капельки не удивилась.

«Терпи, Линка, — велела я себе, когда МакГонагалл обходила столы и уточняла злополучный список. — Терпи. Нужно временно усыпить бдительность Дамблдора».

Пусть верит, что я не могу выносить Дурслей, а в остальном — предсказуемая фигура в его игре.

Из Слизераина оставалась я одна. Ребята за меня переживали, обещали писать и присылать гостинцы из дома. Я же дала слово нашей мамочке Панси, что не буду скучать, а Невиллу — что присмотрю за Тревором. В остальном же перспектива единоличного царствования на факультете почти две недели меня не тяготила. Зато эта новость лезвием топора упала на голову декану, осознавшему, что он-то ни на какие каникулы никуда уехать не может и будет заперт в подземельях со своим личным наказанием в моем лице.

— Гарри, мальчик мой, — дружелюбно сказал Дамблдор на первом ужине после отъезда школьников, когда немногочисленные обитатели Хогвартса собрались за одним столом и раскладывали еду по тарелкам, — ты ведь один в гостиной Слизераина? Тебе там, наверняка, одиноко. Давай ты переедешь на эти дни на Гриффиндор? Как видишь, там осталось больше всего ребят. — Директор указал на братьев Уизли и еще нескольких львят со старших курсов. — Там тебе будет веселее.

Я заметила, что зельевар после слов Дамблдора на миг воодушевился, но тут же его полуулыбка сменилась гримасой недовольства.

Думали от меня избавиться, профессор? Отдохнуть? А потом осознали варианты того, чем мое близкое общение с гриффиндорцами может закончиться?

Если честно, я сама не знала ответа на данный вопрос.

Как мне рассказали девочки-сплетницы, поступившие в один год с близнецами Уизли, эта парочка постоянно что-то устраивала. Порой их выходки на самом деле оказывались просто забавными розыгрышами, но гораздо чаще жертвы экспериментов Фреда и Джорджа занимали койко-место в Больничном крыле.

Чаще всего под удар попадали гриффиндорцы. Над барсуками и воронами Уизли «шутили» реже и, судя по тому, что выбирали только магглорожденных, полукровок и небогатых чистокровных без влиятельных родичей, мальчишки прекрасно осознавали возможные последствия. А раз так, то кто они на самом деле: просто добрые шутники-затейники, не всегда просчитывающие последствия, или хладнокровные экспериментаторы, нацепившие клоунские маски?

Директор и МакГонагалл спускали им все. А тех, кто ходил жаловаться, убеждали не выносить сор за порог. Возможно, не будь Снейп лучшим зельеваром, а Помфри — великолепным целителем, даже Дамблдору не удалось бы замять проделки парней, а парни наконец ощутили вину за свои действия. Но вряд ли декан и колдомедик возьмутся проверить. Они слишком ответственные.

К слизеринцам близнецы никогда не лезли, точно зная, что серебристо-зеленые не побегут к Дамблдору, а пожалуются сразу родственникам.

А потом появилась я: маггловоспитанный нахаленок Гарри Поттер, посмевавшийся поступить не на тот факультет. Братцы и своих-то не жалели, но того, кто не с ними, кого

они могут считать предателем...

В общем, я была благодарна Маркусу и остальным старшим ребятам, которые два месяца не давали Уизли жить спокойно, пока мы, первокурсники, делали вид, что ничего не случилось. Но сейчас Флинта в школе нет... И я не знала наверняка, будут ли близнецы что-то предпринимать, пока есть такая возможность. А если меня еще и поделят в Гриффиндор...

Я не обманывалась. Мне нечего противопоставить третьекурсникам, будь я хоть двадцать раз лучшая студентка. На Перси и Рона надежды нет, близнецы их ни в грош не ставят.

«Вы дурак или делаете это сознательно? — так и хотелось спросить мне у директора. — После этих каникул может так случиться, что мои взаимоотношения с Уизли будут разрушены навсегда. Вы этого не понимаете? Или вы надеетесь, что я простила и забыла? Или может... что кто-то за вас отыграется на Гарри Поттере? Загонит зарвавшегося мальчика из чулана туда, где ему место. А вы останетесь незапятнанным, чистеньким. Еще и станете меня убеждать, что близнецы — просто дети. Или попытаетесь подправить мне память, волею главы Визенгамота закрыв глаза на нарушение закона?»

— Директор, вам не кажется, что это неприемлемо? — прервал мои размышления спокойный баритон Снейпа. — Мистер Поттер — студент моего факультета, который славится дисциплиной и прилежностью в учебе. А вы хотите отправить моего подопечного туда, где о правилах пусть и слышали, но считают их выдумкой, сказками.

— Северус! — воскликнула МакГонагалл.

Я же про себя усмехнулась. Знал ли зельевар об опасности для меня или нет, но он выбрал идеальную причину отказать директору. А заметив взгляд близнецов, я решила не только избегать визитов в башню Гриффиндора, но и по коридорам открыто не ходить.

В том, что это решение верное, я убедилась уже утром, когда активированная мантия-невидимка внезапно странно полыхнула серебром, когда я шла от гостиной к лестнице в холл. Похоже, меня поджидала какая-то магическая ловушка, но мантия просто развеяла ее.

Последние дни до Рождества я или отсиживалась в гостиной, или доставала декана. А в сочельник разговорилась с шестикурсницей с Хаффлпаффа, Эльзой. Мы обе явились на завтрак с корзинками, но в моей с недовольным видом кряхтел Тревор, а у девушки из-под крышки торчал пучок разноцветных ниток.

Мы улыбнулись друг другу, начали обмен комплиментами корзинкам, и выяснилось, что Эльза состоит в школьном клубе любителей вязания. За столом из-за раннего времени собралось совсем мало людей и никого из Уизли, так что мы с девушкой спокойно поболтали о вязании. В прошлой жизни на меня то и дело снисходило вдохновение, и я брала в руки спицы или крючок. И пусть знала не очень много, но могла поддержать разговор, не уточняя каждый термин. А Эльзу совершенно не смутил интерес к вязанию со стороны мальчика. И она не удивилась, когда я напросилась в гости в барсучью гостиную.

Пусть магов и было гораздо больше, чем мне когда-то казалось при чтении книг, как таковое массовое производство они почти не развивали. Да, существовали большие фермерские хозяйства, делившие между собой рынок продуктов питания, мануфактуры, производившие различные товары, вроде строительных материалов, мебели, тканей, посуды, книг. Тех же метел. Но большинство вещей все же изготавливалось в единственном экземпляре. Тот же мастер Олливандер и не думал создавать универсальные волшебные палочки, а мантии, если не считать школьных наборов мадам Малкин, всегда шились по

индивидуальному заказу. При этом в магическом мире не существовало чисто мужских или женских профессий или увлечений. Квиддич не делился на мужскую и женскую лиги, ведь каждая команда создавалась из сильных и талантливых спортсменов, а не представителей одного из гендеров. В драконьих заповедниках волшебниц работало не меньше, чем колдунов. Авроры, охотники на редких магических зверей, любой из служащих Министерства, директора Хогвартса, преподаватели... Куда ни ткни, нигде не было предвзятости. И увлечения, вроде вязания, не были исключением.

В магическом аналоге «Бурда. Вязание» статьи волшебниц перемежались статьями волшебников, на волшебных вклейках с несколькими колдофото мелькали и мужские, и женские руки, демонстрирующие процесс вывязывания того или иного узора или рисунка жаккарда*. А ежегодный каталог с платными описаниями от разных авторов создавал некто мистер Крошет. И участники вязального хогвартского клуба мечтали однажды представить плоды своего труда на страницах этого почтенного цветного издания, диктовавшего моду в магическом мире.

На школьную моду «Нить и крючок», правда, влиял мало. Судя по колдофото, даже во времена учебы Реддла, Хагрида и Миртл студенты одевались так же, как сейчас. А десяти-пятнадцатью годами ранее носили мантии с чуть иной застежкой. Единственной явно меняющейся деталью стали шарфы. В этом году все носили эти аксессуары с одинаковыми по ширине полосами факультетских цветов, но, судя по статьям в журнале, через год или два даже до ателье мадам Малкин докатится мода на узкие светлые полосы на более темном фоне. И Эльза с упоением рассказывала, что данную тенденцию еще три года назад предрек основатель клуба, Шимон Линдсей.

[image_24742|center]

[image_24743|center]

[image_24744|center]

После увлекательнейшего дня, я договорилась встретиться с Эльзой на завтраке и заняться составлением списка предстоящих покупок. Уроки были сделаны, декан при моем появлении скрипел зубами так отчетливо, что становилось жалко снейповскую челюсть, а шататься по школе мешали недобрые предчувствия и взгляды братцев Уизли во время застолий. Так почему бы не увлечь себя чем-то на оставшиеся дни каникул?

Рождественское утро порадовало удивительно большой горкой подарков под елкой. Я, конечно, и сама отправила много коробок и коробочек, свертков и сверточков, но не ожидала в ответ получить едва ли не в полтора раза больше!

Мною были охвачены все наши первокурсники, даже Дафна и Милли. Девочки получили большие коробки наборов сладостей. Блейзу и Тео достались наборы писчих принадлежностей.

Для Панси заказала набор бельгийского шоколада в форме даров моря: ракушек, звезд, жемчужин, ежей, рыбок и многого другого. Фигурки искусно покрыли волшебной пылью, от чего они переливались, искрились и долго не таяли в руках.

Невиллу не без помощи добродушного семикурсника Гастингса, брат которого был сквибом и жил на два мира, выписала подшивку «Журнала Королевского садоводческого общества», ныне носившего название «The Garden». Самые первые выпуски, еще 1866-го года, добыть не удалось, но за довольно немалые деньги мне в руки попали некоторые экземпляры с 1889 по 1943 годы. И пусть журналы были маггловскими, но настолько яркими и интересными даже для меня, что я была уверена, что наш герболог будет доволен

подарком.

Сложнее всего было с подарком для Драко. Для меня не было секретом, кого Малфой считает главным другом. Естественно, он ждал подарок, явно подтверждающий, что и он для меня главнее других. И пусть я сама на этот счет еще не определилась, не хотелось расстраивать нашего не слишком-то уверенного в себе, но ершистого мальчика. И после долгих мучений все тот же Гастингс помог мне заказать очень дорогое иллюстрированное издание маггловских сказок из пяти книг. Это было немного опасно, но сказки остаются сказками в любом мире. А уж с яркими картинками, вкладышами, раскрывающимися над страницами бумажными замками, пересекающими листы золотисто-желтыми дорожками из нарисованных кирпичиков очень легко увлечь даже чистокровного ребенка-волшебника выдуманными историями. Чтобы подарок казался еще интереснее, я долго листала книги, выбирала интересные моменты и подбирала небольшие подарки к каждому из них. А безотказный семикурсник зачаровал коробочки с указанием страниц и книг так, чтобы Драко сумел открыть каждую только после того, как дочитает до нужного момента.

Гастингсу за помощь достались «монетки» в его часики в гостиной, от чего рейтинг семикурсника резко значительно вырос, и пятнадцать галеонов в его фонд по заказу книг через мистера Тревса. Для выпускника такой подарок был выгоднее всякого шоколада или дорогуших перьев.

Достались подарки и другим ребятам. Новые квиддичные перчатки я купила Маркусу Флинту, наборы для изготовления заколок и сережек — для девочек-болтушек со второго и третьего курсов. Футляр для чернильницы и перьев — Джемме. Многим другим достались сладости или практичные записные книжки.

Не обошла стороной и декана. Проторчав немало часов и в личной гостиной, и в лаборатории зельевара, я уже знала, что ему каждый год дарят книги (на одной из книжных полок стояло сразу пятнадцать почти одинаковых справочников, различавшихся только годом издания и цветом корешка), дорогой алкоголь, зельеварческое оборудование и ингредиенты. Повторяться не хотелось. Но и лезть в душу — тоже. Так что выбор пал на простой, но практичный подарок: набор из дюжины шейных платков совершеннейшего черного цвета. Уж от такого Снейп не откажется.

В общем, поздравила я много кого, но не всю школу. Так что к горе подарков я подходила с опаской, но и с предвкушением.

Оказалось, на Слизерине я таки стала своей. Чем еще объяснить то, что меня поздравили даже те, с кем я почти не общалась?

Откуда-то многие прослышали о моей любви к «Магическому зверинцу», так что значительная часть символических презентов была представлена упаковками волшебных киндеров. Были тут еще перья, перьевые ручки, блокноты, наборы пергамента разного качества и море безделушек для учебы.

Дафна и Милли обо мне тоже вспомнили и прислали одинаковые наборы сахарных перьев. От Тео достался набор сладостей из «Сладкого королевства», от Блейза — очень интересное обучающее пособие по зельеварению, текст которого менялся в зависимости от ответов на короткие тестовые задания в конце параграфа.

Невилл удивил вечной копией большого справочника по травологии, составителем которого значилась Присцилла Поттер. Пришлось покопаться во взятых из дома книгах, но мне все же удалось отыскать имя этой волшебницы. Оказалось, Присцилла жила почти три столетия назад и в девичестве носила фамилию Лонгботтом.

Панси удивила. Я ожидала получить от нее много шоколада. И она его прислала. Но был еще и второй подарок. В виде полудюжины пар носков веселенькой полосатой расцветки.

Драко по поводу подарка явно советовался с родителями. Чем еще можно объяснить очень красивую пару запонок и булавку для галстука с вензелем Поттеров? Предметы так и дышали стариной, но были аккуратно отреставрированы и очищены от чужих магических отпечатков. В сопроводительной записке Малфой рассказал историю этих украшений.

Маленькую коробочку с интересным содержимым как-то еще подростком нашел Люциус Малфой, исследуя вещи матери, которые Абраккас запретил выносить их будуара супруги и после ее смерти. Отец и рассказал будущему лорду историю этих предметов.

Мать Виолы Малфой, Элизабета Кэрроу, в девичестве Булстроуд, еще ребенком была сговорена за Генри Поттера, моего прадеда. О помолвке договаривались старшие родичи и разница в пятнадцать лет между будущими супругами никого не смутила. Но пока Элизабета росла, Генри Поттер успел исчезнуть на несколько лет, вернуться, едва не рассориться с родней и разорвать договоренность с Булстроудами за месяц до одиннадцатилетия Элизы. Девушка произошедшее приняла стоически, хотя уже фантазировала о будущей свадьбе и переезде в новый дом. Даже заказала скромный помолвочный подарок для жениха. Те самые запонки и булавку. А Генри Поттер женился лишь еще только спустя десять лет, вызвав новый скандал в магическом сообществе — его женой стала испанская волшебница, известная на родине авантюристка, носившая прозвище Гадюка. Никто так и не узнал ее девичью фамилию. Только имя. Харолина. И многие твердили, что и оно не настоящее. Но Генри Поттера все устраивало. А Элизабета через год после этого события на одном из приемов познакомилась с молодым наследником Кэрроу, влюбилась и согласилась на брак.

— Надо бы побольше узнать про мою загадочную тезку, — хмыкнула я, убирая письмо в конверт и захлопывая крышечку коробки с украшениями. — Похоже, занимательная была дамочка. Гадюка! Надо же.

Еще забавным показалось то, что подарочек таки добрался до Поттера. Пусть и не того.

[image_24745|center]

К немалому удивлению мне пришел подарок от миссис Уизли. Рыжая ведьма прислала большую коробку домашнего овсяного печенья и знаменитый уизлевский свитер. Печенье я вынесла в гостиную на общий стол, предварительно проверив его парочкой диагностических. На Слизерине было не принято травить своих, так что народ смело брал фрукты, печенье и конфеты из общих блюд. В общую копилку сваливали и купленное в Хогсмиде, и присланное из дома, и принесенное с кухни.

А вот свитер даже толком не стала из бумажного кулька вынимать, так и понесла на встречу с Эльзой. Хаффлпаффка долго фыркала, рассматривая вещь, кривилась и что-то ворчала себе под нос. И только через несколько минут объяснила мне свою реакцию.

Как оказалось, знаний девушки было достаточно, чтобы распознать и пряжу, и использованные миссис Уизли чары. И даже способ вязки.

— Пряжу уже один раз использовали, — ковыряя нить тонкой спицей, стала пояснять Эльза. — Я бы даже сказала, что данный свитер связан из распущенной пряжи от двух разных изделий. Изумрудная краска и чары скрыли данный факт. Но мне лично видна и разница в оттенке... Изначальная пряжа была, похоже, серого и оранжевого цветов. И толщина пряжи чуть отличается. Да и состав! На рукавах какая-то смесь. Шерсть с хлопком? А туловище — чистая шерсть.

— А чары? — уточнила я, опасаясь неприятных подарочков от рыжих.

— Бытовые, — отмахнулась девушка. — Свитер должен казаться очень теплым и мягким.

— М... — невнятно промычала я.

— Но вязка! — возмутилась Эльза. — Как неаккуратно! И это ведь вязано магией. Не руками. Кто-то просто кошмарно владеет чарами вязания. А это что?

Эльза развернула свитер и узрела здоровенную букву на свитере спереди.

— От Уизли? — сообразила она.

Я могла лишь пожать плечами.

— Знаешь, это очень... странно, — с запинкой сказала хаффлпаффка.

— Почему? Потому что я вообще не общаюсь с Уизли, но получаю от них подарок?

— Нет. То, что тебе дарят такой свитер, — ответила Эльза и показательно сложила вещь так, что стала заметна небольшая разница в длине и ширине рукавов. — Неаккуратный. Из старой пряжи. Без ростка!** Про это... — Она ткнула в огромную букву. — Про это я вообще молчу.

«Похоже на подачку сиротке, — мысленно согласилась я с Эльзой. — Или... на передачку от тети Иры-Оли-Вали или той самой знакомой с маминой работы, когда тебе достается какая-нибудь дикая шмотка, в которой и дома-то ходить неприятно, не то что на улицу...»

Заверив Эльзу, что не планирую носить изумрудного монстра, я переключила ее внимание на каталоги, и мы принялись выбирать пряжу, спицы и всевозможные аксессуары.

-

*Жаккардовое вязание — это создание различных узоров с помощью переплетения нитей разных цветов. В зависимости от рисунка, при вязании ряда петли провязывают то одним, то другим цветом согласно схеме.

-

**Росток — это часть изделия связанного вручную на круговых спицах, которая увеличивает вещь в верхней части спины. Так как тело человека в грудном отделе позвоночника имеет изгиб, образующий выпуклую округлую форму со стороны спины, это требует дополнительного увеличения спинки изделия в районе плеч и горловины.

Взглянув на человека в профиль становится совершенно очевидно, что если просто связать любое плечевое изделие, будь то свитер, пуловер или кардиган, симметрично сзади и спереди, то спинка изделия неминуемо натянется на спине, а горловина сдавит шею спереди.

ЭТО ЕЩЕ НЕ КОНЕЦ

Продолжение ищите на сайте

Напишите комментарий - порауйте автора!

Страница произведения: <https://fanfics.me/fic172837>